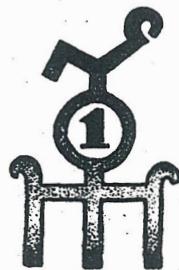

АГАФИЯ ТУХН

ВЕСТНИК
ТАНАИСА

1 9 9 4

Археологический музей-заповедник "Танаис"
Нижне-Донская экспедиция Института археологии РАН

ВЕСТНИК ТАНАИСА

ВЫПУСК 1

Издательство "Гефест"
Ростов-на-Дону
1993

Вестник Танаиса. Выпуск 1. 1993 г.
Печатается по решению Ученого Совета
археологического музея-заповедника "Танаис"
Издательство "Гефест". ISBN 5-87442-022-3

Редактор Л.М.Казакова
Художник А.И.Гармашов
Технический редактор Т.В Снисаренко

В выпуск включены статьи спубликациями итогов археологических работ на городище, некрополе Танаиса и его округи, а также отдельных категорий археологических материалов, полученных в результате раскопок.

Для археологов, историков, краеведов.

ISBN 5-87442-022-3

ББК 63:4(2)3

ПАМЯТИ Д.Б.ШЕЛОВА.

Умер Дмитрий Борисович Шелов. Он всю жизнь прожил в Москве, но Донская земля ему обязана многим: к древней истории Дона он добавил немало новых страниц. Один из известнейших в бывшем СССР и в сегодняшней России ученых-археологов, специалист по античной истории, организатор Нижне-Донской экспедиции Академии наук, исследовавший древний Танаис.

Он начал раскопки города в 1955 году. Все вокруг были убеждены в бесперспективности работ: до него в Танаисе побывали многие - чаще искали ярких, сенсационных результатов, но город не оправдывал таких надежд. Городу требовался свой исследователь. Обстоятельно и надолго. И городу повезло: Дмитрий Борисович посвятил ему жизнь.

Он создал экспедицию и пришел в древний город, когда здесь не было ни музея, ни деревьев и земля городища принадлежала местному колхозу, который уступил ее только потому, что вспахать эти камни и рвы было невозможно. Результатом многолетних экспедиций стали книги, уникальные коллекции. Лучше него о Танаисе не писал никто ни в области академической серьезной литературы, ни в популярном жанре, доступном и для школьника. Язык этих книг: популярных - образец публистики; академических - точности, доказательности, скрупулезности. В науке для него не было мелочей.

Его монографии о Танаисе предназначались для сравнительно

ограниченного круга научных работников. Они издавались небольшими тиражами. Но без них то, что мы читаем сегодня о Танаисе в поэзии, в художественной литературе, видим в живописных работах, могло бы и не состояться. Его книги - настольные для любого профессионала, берущиеся за тему древнейшей истории Дона.

В археологической науке, где, как и в искусстве, знания, опыт и открытия имеют значение абсолютных величин, то, что сделал Дмитрий Борисович Шелов, навсегда останется первоисточником. Поэтому память о нем связана с будущим важнейшей, гарантированной связью: жизнь его была посвящена культуре, ее вечным ценностям.

...Как-то в шутку мы подсчитали: исследовать город, если сохранятся нынешние методы и темпы археологии, придется... 350 лет. Он говорил: поэтому надо жить долго.

В последнее время он мучительно болел, но не прерывал работы: писал статьи, редактировал рукописи, собирался приехать в Танаис. Здесь в сентябре работала совместная российско-германская экспедиция, в подготовке которой он участвовал.

И как всегда у людей талантливых, жизнь оказалась короче намечавшихся планов...

Остались книги, коллекции, музей-заповедник...

В.Чеснок

Когда верстался этот номер «Вестника Танаиса», из Москвы пришло скорбное и тяжелое известие: 19 ноября 1993 г. не стало Дмитрия Борисовича Шелова. Очень трудно, почти невозможно об этом говорить и думать. Ведь всем нам, кто знал Дмитрия Борисовича, казалось, что он неотъемлемая часть донской археологии, заповедника «Танаис», Нижне-Донской экспедиции, что в этом качестве он будет всегда. И только теперь, сознавая, что это действительно так, начинаешь понимать, что его уход завершает целую эпоху донской археологии: эпоху ее послевоенного становления и развития. Археологи ныне старшего поколения, тогда еще студенты, хорошо помнят вторую половину пятидесятых-начало шестидесятых годов, когда у нас на Дону начали работать экспедиции: Южно-Донская (с 1954 г.), Нижне-Донская (с 1955 г.), Донская палеолитическая МГУ (с 1954 г.), Кобяковская (с 1956 г.), неолитические экспедиции Ленинградского отделения Института археологии ЛОИА и ЛГУ. В это время здесь проводили широкие разведывательные работы К.Ф.Смирнов, И.С.Каменецкий, П.И.Борисовский, Н.Д.Праслов, Г.А.Федоров-Давыдов, С.А.Плетнева и др. Такое внимание к донскому региону не было случайным. В силу особенностей своего географического положения и исторического развития Нижний Дон мог дать ответы на многие вопросы и проблемы древнейшей истории

юга России. Именно в этих экспедициях, в общении и постоянной совместной работе с людьми, преданными археологической науке, широко эрудированными, на Дону складывались и формировались археологические кадры, складывалась донская археологическая школа. Немалая роль в ее формировании принадлежит Дмитрию Борисовичу. Впервые он приехал на Дон в 1950 г., возглавляя разведочный отряд, целью которого был осмотр и инвентаризация основных памятников донской дельты и прилегающих к ней территорий, в том числе и Недвиговского городища. Именно тогда зародилась идея создания постоянно действующей экспедиции, которая могла бы вести археологические работы как на городище Танаиса, так и на одновременных ему памятниках. Это было тем более важно, что параллельно ЛОИА начало работы на Елизаветовском городище и его округе. Это создавало уникальную возможность для решения вопросов о характере греческой колонизации в самой отдаленной оконечности античного мира, о взаимодействии со степным кочевым миром. Это же давало возможность разрешить многолетний спор о двух Танаисах. Нижне-Донская экспедиция начала исследования Танаиса и памятников ему одновременных, входящих в сферу его влияния, в 1955 г. и с тех пор не прерывала их ни на один год. Кроме Танаиса сотрудниками экспедиции проводились работы на Нижне-Гниловском, Подазовском (И.С.Каменецкий), Сухо-Чалтырском (И.Т.Кругликова) городищах, осуществлялся постоянный контроль за памятниками археологии дельты и Таганрогского побережья. Дмитрий Борисович был руководителем экспедиции до начала семидесятых, да и потом при любой возможности приезжал в Танаис, был всегда в курсе всех проблем в жизни экспедиции и заповедника, помогая в их решении и делом, и советом. До последнего момента он обрабатывал и готовил к публикации различные категории археологического материала (монеты, клейма, надписи на амфорах и др.). В 1972-73 г. он возглавлял Донскую новостроенную экспедицию, которая вела работы в зонах мелиоративного строительства в Багаевском, Цимлянском районах Ростовской области.

Результаты исследования Недвиговского городища подтвердили рациональность проведения здесь в широких масштабах раскопочных работ и привели Дмитрия Борисовича к идеи о необходимости сохранения всего, что было открыто экспедицией в Танаисе. Путь для этого был один: создание музея-заповедника. Эта идея оформлялась и пробивалась им совместно с заместителем директора Ростовского областного музея краеведения С.М.Марковым не один год, и, наконец, в 1959 г. было

принято решение о создании заповедника. В 1960 г. он был открыт для посещения. А дальше практически каждый шаг музея, особенно в первые десятилетия его функционирования, сверялся с Дмитрием Борисовичем. В результате сложился уникальный неразделимый союз: экспедиция - музей-заповедник, сформировались археологические и музейные кадры, что позволяет совместно решать порой в тяжелейших условиях вопросы, обеспечивающие жизнедеятельность заповедника во всех ее проявлениях. И в том, что сложилось именно так, неоспоримая заслуга Дмитрия Борисовича, его такта, его умения вовремя и ненавязчиво подсказать нужное решение и требовать его выполнения.

Итогом многолетних исследований Дмитрия Борисовича в Танаисе стала его докторская диссертация и написанные на ее основе монографии «Танаис и Нижний Дон в III-I вв. до н.э.», «Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры», а также «Некрополь Танаиса», «Керамические клейма Танаиса», многочисленные статьи, научно-популярные издания «Танаис», «Танаис - потерянный и найденный город». И хотя со времени публикации его монографий по Танаису, которые являются настольными книгами для всех, кто занимается античной историей Северного Причерноморья и донского региона, прошло более двадцати лет, основные положения, изложенные здесь, не только не устарели, они получили подтверждение в ходе дальнейших исследований Танаиса и его округи.

В жизни Дмитрия Борисовича Танаис занимал важное место, но он был далеко не единственным в круге его интересов. Сосредотачиваясь на значении Дмитрия Борисовича для донской археологии, мы порой забываем, что он был блестящим специалистом в области классической античной археологии и античной нумизматики. Вся его жизнь была подчинена одному - служению нашей археологической науке. В этой жизни все предельно просто. Родился в Москве в 1919 г. После окончания школы в 1936 г. поступил на исторический факультет московского института истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского (ИФЛИ), который закончил по кафедре археологии в июне 1941 г., практически в дни начала Великой Отечественной войны. Из-за зрения в армию не призывался, но неоднократно работал на строительстве оборонительных рубежей и укрепрайонов в составе саперных армий под Смоленском, Вязьмой, Ростовом, Элистой, Астраханью. Затем был направлен в Элиску для работы в Калмыцкий институт языка, литературы и истории. После реформирования института и его эвакуации в Астрахань был переведен в Астраханский пединститут. Осенью 1944 г. поступил в аспиран-

туру московского городского пединститута им. В.П. Потемкина, в 1945 г. переведен в аспирантуру Института истории материальной культуры (ныне Института археологии) АН СССР, которую закончил в 1948 г., защитив кандидатскую диссертацию по теме «Монетное дело Боспора VI-IV вв.до н.э.». С этого же времени и постоянно работал в Институте сначала в должности младшего научного сотрудника (1952-1953), а затем старшего научного сотрудника (1956-1968 гг.). В 1968 г. защитил докторскую диссертацию. С 1975 г. по июнь 1989 г. - зав. отделом полевых исследований, 1989-1990 гг. - главный научный сотрудник, с марта 1990 г. - ведущий научный сотрудник -консультант. Член редколлегий, ответственный секретарь основных археологических периодических изданий, ответственный редактор сборника «Нумизматика и эпиграфика», редактор-консультант издательства «Энциклопедия». Представлял российскую археологическую науку на многих международных конференциях и конгрессах, начиная с 1958 г. Член-корреспондент Германского археологического института, член Венгерского Общества исследователей древности, почетный член Румынского нумизматического общества. Им опубликовано около трехсот печатных работ, последние из которых в нашем «Вестнике».

Можно с полным правом сказать, что с уходом Дмитрия Борисовича кончился определенный этап развития не только донской археологии, но и всей российской античной археологии. Он принадлежит к поколению, к сожалению уже ушедшему, ученых-исследователей, обладающих энциклопедическими знаниями не только в своей области, широкой эрудицией, истинной интеллигентностью, беззаветно служивших любимому делу. И очень жаль, что в силу определенных условий и обстоятельств знания и талант таких людей не всегда полностью реализовывались. Дмитрий Борисович в течение почти тридцати лет выполнял обязанности заместителя директора Института археологии, в течение пятнадцати лет заведывал отделом полевых исследований. В силу своего характера он очень много времени и энергии отдавали этой стороне своей деятельности. А ведь сколько бы еще он сумел сделать, если бы у него была большая возможность заниматься тем, чем он мог и хотел заниматься.

У каждого из нас, кто знал Дмитрия Борисовича, остался свой Шелов. А он оставил после себя самоепрекрасное, что может оставить человек: своих учеников, свои книги и музей «Танаис», который будет ему вечным памятником.

Л.М.Казакова.

Д.Б.Шелов

От редактора

Перед Вами первый выпуск нового издания «Вестник Танаиса». Его появление стало возможным благодаря коллективным усилиям сотрудников Нижне-Донской археологической экспедиции, музея-заповедника «Танаис» и инициативе директора заповедника В.И. Чеснокова.

С 1955 г., когда на городище Танаиса начала работать Нижне-Донская экспедиция Института археологии АН и Ростовского областного музея краеведения, получены многочисленные археологические материалы и данные, позволившие во многом восстановить экономическую, политическую и духовную жизнь самого северо-восточного города античного мира. Открыты для обозрения раскопанные археологами его жилые кварталы и оборонительные сооружения. Значение заповедника как научно-просветительного центра по изучению и пропаганде древней истории давно вышло за пределы региона.

Огромный археологический материал, которым в настоящее время располагает заповедник, стал основой для многих монографий и статей, в которых отражены основные этапы развития города, его экономики, политической истории, даны публикации результатов исследований. Однако, без полного введения в научный оборот всего, что накоплено за годы работы экспедиции, значение этого материала не будет осознано до конца. Ведь по степени изученности и коллекциям массового археологического материала Танаис является эталонным среди античных памятников Северного Причерноморья первых веков нашей эры. Поэтому так важно, чтобы результаты исследований Нижне-Донской экспедиции как можно скорее стали доступными для археологов и тех, кто интересуется проблемами античной археологии. «Вестник Танаиса» должен помочь решить эту задачу. Мы предполагаем публиковать здесь итоги раскопок Танаиса последних лет, проблемные статьи по древней истории региона и прилегающих территорий совместно с исследователями памятников округи Танаиса и других памятников археологии на Дону. Планируются отдельные тематические выпуски, посвященные проблемам смежных наук, в том числе экологии и исторической географии. На страницах «Вестника» найдут отражение различные стороны деятельности заповедника «Танаис».

Выпуск первый включает статьи, в которых публикуются ряд вновь открытых комплексов на городище и некрополе, определенные категории археологического материала (монеты из раскопок последних лет, керамические клейма на амфорах III-I вв. до н.э., сердолицовая керамика, костяные изделия). В сборник также помещены статьи об исследованиях округи Танаиса.

Новая коллекция эллинистических керамических клейм из Танаиса

1975 г. автор настоящей статьи издал каталог керамических клейм эллинистического времени из Танаиса [1]. В каталог, насчитывающий шестьсот с лишним номеров, вошли все клейма, найденные при раскопках Танаиса Нижне-Донской археологической экспедицией в 1955-1970 гг., а также все клейма, происходящие из раскопок Недвиговского городища в XIX веке и хранящиеся ныне в Государственном Эрмитаже и в Государственном Историческом музее. Таким образом опубликованными оказались все эллинистические керамические клейма из Танаиса, имевшиеся в распоряжении исследователей к началу семидесятых годов. С тех пор эта коллекция существенно пополнилась новыми амфорными клеймами, полученными при раскопках Танаиса Т.М.Арсеньевой в 1971-1991 гг. Новая партия клейм, издаваемая здесь, состоит из 269 экземпляров. Сравнительно небольшое их число определяется тем, что в указанные годы Нижне-Донская экспедиция почти не исследовала участки городища с хорошо сохранившимся эллинистическим слоем, а раскапывала преимущественно строительные комплексы первых веков нашей эры. Черепичных клейм найдено не было.

Распределение клейм по центрам производства полностью соответствует тому, что нам было известно по первой коллекции. Безраздельно господствуют родосские клейма - 243 из общего числа 269, т.е. около 90%. В предыдущей коллекции их было 530 на 605 клейм, т.е. более 87%. Несколько клеймами или единичными экземплярами представлены Книд (4), Кос (5), Синопа (9), Херсонес (1), неизвестные центры (5). Впервые найдены 2 фасосских клейма. По-прежнему полностью отсутствуют клейма ГераклеиPontийской.

В предлагаемом списке фигурируют все амфорные клейма, найденные в Танаисе и в его некрополе в 1971-1991 гг. Их расположение и описание приводятся в той же схеме, в какой были представлены клейма первой коллекции. При этом пояснения даются только при личных именах, не встречавшихся в ранее найденных клеймах, а имена эпонимов, астиномов и эргастериархов, уже известные по памятникам керамической эпиграфики из Танаиса, оставлены без комментариев: читатель может найти соответствующие комментарии в упомянутом каталоге 1975 г. Исключения составляют только случаи, когда оказалось возможным добавить что-то к прежним определениям.

I. Родосские клейма

Новые родосские клейма не могут существенно изменить наши представления о родосском импорте в Танаис. Эти клейма разделяются категориям следующим образом: эпонимные клейма - 101, фабрикантские клейма - 122, клейма, содержащие только наименование месяца - 2, клейма, настолько стертые или сбитые, что их категория не может быть определена - 18. Месяцы родосского календаря упомянуты в 87 клеймах:

<i>Αύγιάνιος</i>	- 12	<i>Θευδαισίος</i>	- 1
<i>Αρταμίτιος</i>	- 10	<i>Καρνεῖος</i>	- 4
<i>Βαδρόμιος</i>	- 6	<i>Πάναμος</i>	- 13
<i>Δάλιος</i>	- 10	<i>Πάναμος δεύτερος</i>	- 1
<i>Διόσμυρς</i>	- 2	<i>Σμύνθιος</i>	- 13
<i>Θεσμοφόριος</i>	- 4	<i>Υαχίνθιος</i>	- 11

Соотношение числа клейм разных месяцев в этом списке весьма точно соответствует распределению клейм по месяцам, прослеженному в больших сериях из разных мест и отражает реальную динамику годового производства амфорной тары на Родосе.

Большинство родосских клейм прямоугольные с надписью в одну, две или три строки. Но есть и круглые клейма, надпись в которых идет по кругу, а в центре находится изображение цветка граната или головы Гелиоса. В круглых клеймах фабриканта Зенона, кроме цветка граната, изображены еще маленькие пилосы Диоскурсов. В прямоугольных клеймах эмблемы относительно редки, они обычны для родосских клейм: венок, геральдические символы, гроздь, гроздь и кадуцей, звезды или крестики в углах клейма, кадуцей и рог изобилия, лучезарный диск, тирс, факел, цветок. На одной амфорной ручке с основным клеймом фабриканта Мидаса дополнительно клеймо εν.

Наиболее интересно, разумеется, хронологическое распределение новых найденных родосских клейм. Используя все методы их датировки подробно описанные в каталоге 1975 г., а также принимая во внимание классификацию фабрикантских родосских клейм, разработанную в ряд статьях Ю.С.Бадальянца [2;3;4;5], удалось определить принадлежность 181 клейма хронологическим группам В.Грейс. Получились следующие результаты:

группа (с конца IV до середины III в. до н.э.)	- 7 или около 4%
группа (третья четверть III в. до н.э.)	- 4 или около 2%
II группа (около 220 - 180 г.г. до н.э.)	- 95 или 53%
V группа (около 180 - 150 г.г. до н.э.)	- 31 или около 17%
группа (вторая половина II в. до н.э.)	- 32 или около 17%
II группа (конец II - первая половина I в. до н.э.)	- 12 или около 7%
Итого: 181 или 100%.	

Хотя эти цифры отличны от тех, что получены при анализе хронологии родосских клейм первой танаисской коллекции [1, с.26], в них явственно выражается та же тенденция в динамике родосского экспорта в Танаис: слабое проникновение родосских амфор на протяжении всего III в. до н.э., резкий взлеск экспорта в конце III и в первые два десятилетия II в., и затем сильно понизившийся, но все еще обширный ввоз в течение II века до н.э. Особенно примечательно большое число клейм периода 220 - 180 г.г. до н.э., превышающее половину всех родосских клейм. При этом следует отметить, что и на этот раз, как и в предыдущей коллекции, это большое число складывается преимущественно за счет клейм второй половины периода - около 200 - 180 гг. до н.э. Практическое совпадение динамики родосского экспорта, демонстрируемой обеими коллекциями из Танаиса, свидетельствует о надежности и объективности наших подсчетов. Впрочем, о том же говорит и сравнение их с соответствующими показателями из других городов Боспора, приведенное нами в указанной работе.

Эпонимные клейма

1. T-80, случайная находка, № 249

ἐπὶ ἱερέω[ς]
Αγ[ε]στράτου

Во второй строке вместо ε ошибочно вырезана η

2. T-85-Н3, VI, 8-5, № 1064

ε]πὶ Αγεστράτου. Πανάμου
вокруг цветка

Клейма эпонима Агестрата принадлежат времени пергамского комплекса, где они встречены в нескольких экземплярах. 8 таких клейма найдены в водомое на ольвийской агоре, в том числе одно круглое. Имя эпонима Агестрата известно и в родосской лапидарной эпиграфике [6, XII, 890].

1. 88-VI, 312-313, 14, № 26

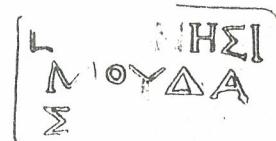
ἐπὶ Ἀδα –
νοδότον.

Ἀγριανίου

1. 82-XIV, 32-23, 16, № 2506

ἐπὶ Αἴγησι –
μουδα,
Σμυνδίου

Клеймо, несомненно, содержит имя эпонима Энесидама II, но во второй строке резчик ошибочно расположил слоги.

5. 83-H3, 10, № 94

ἐπὶ [Αἴ]γητ –
ορ]ος.

Υακιν]δίου

Энетор - эпоним конца III или начала II в. до н.э. Клейма его найдены в Пергаме и в Вилланове.

6. 71-XIV, 6, № 46

ἐπὶ Α[ἰσχ]ι' –
ν[α].

Καρν[είου]

7. 88-H3-XIV. IX, 4-4 № 8

ἐπὶ Αλεξι –
άδ[α].

Σμινδίου

8. 86. VI, 138, № 562

ἐπὶ Αλεξι –
μάχον.

Ἀγριανίου

9. T-73. IX; пом. В. б\н

ἐπὶ Ἀνα –
ξ]άν[δρον].

Πα]ν[άμον]

10. T-79. XIV, зач. болт. № 417

ἐπὶ Ἀντιπ]ά –
τρον. Ἀρτα –
[μιτίου]

11. T-88. IV, И-7. 76-7. № 2132

ἐπὶ Ἀνα –
ξ[ιβο]ύλον.

Δα]λίου

2. T-78, случайная находка, № 467

ἐπὶ Ἀριστεΐδα.

Βαδρομίου

Клеймо Аристида III.

3. T-83-H3, II, № 99

ἐπὶ Ἀριστεΐ –
[δα]

Клеймо Аристида III.

4. T-80-H3-XIV, яма 1

ἐπὶ Ἀριστοδάμου.
<Αρ> Ἀρταμίτιου

Во второй строке ошибочно дважды вырезан первый слог.

5. T-82-XIV, 59, 15. № 11

ἐπὶ Αριστομ[ά]χου.
Πα[ν]άμον

Клеймо Аристомаха I.

6. T-81-H3, случайная находка, № 31

ἐπὶ Αριστομ[ά]χου.
Πα[ν]άμον

Клеймо Аристомаха I.

7. T-87-VI, 140, 16 № 1294

ἐπ' ιε[ρεω] –
ς Ἀριστομά –
χου. Σμινδ[ίου]

Клеймо Аристомаха II.

8. T-85-H3-XVI, V, 4-3. № 260

ἐπὶ Αριστομάχου.
Σμινδίου

Клеймо Аристомаха I.

9. T-91. IV-VI, И-7, 8, 18-5; № 1001

ἐπὶ Ἀριστομά –
βρ]οτίδα.

Παν]άμον

10. T-91. IV-VI, И-7, 8, 18-5, № 1000

ἐπὶ Ἀριστομά –
βρ]οτίδα.

Π[ανά]μον

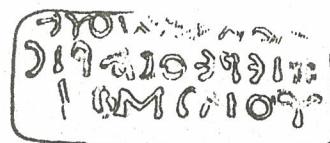
11. T-81-VI, 179, 7. № 470

ἐπὶ [Ἀριστομόβρο]τίδα. Υακ[ινδί]ου
вокруг цветка.

22. T-82-XIV, 54-59, 14, № 3

— — — — —
'Ιον. 'ε —
Π'ιερεός 'Αρισ —
τ]ομένου

Клеймо курсивное, первые две строки читаются справа налево. В.Грейс поместила эпонима Аристомена в свою V хронологическую группу. Наличие курсивного клейма этого эпонима подтверждает такую атрибуцию [1, с.24-25]. Досих пор курсивные клейма Аристомена не встречались.

23. T-86-IV, 3, № 42

'ε[πὶ] 'Αρισ[το]νόμου. 'Αρταμ[η]ίου
вокруг лучезарной головы Гелиоса.

Аристоном - эпоним второй половины II в. до н.э. Его клеймо известно на амфоре позднего фабриканта Филостефана [7, р.311-312, Е 33]. Имеются курсивные клейма Аристонома [8, с.144].

24. T-88-VI, 169, 15, № 328

— — — — —
'επὶ 'Αρι]στο —

Π[ανάμου

25. T-71-XIV. 3 № 38

— — — — —
'επὶ 'Αριστο[
'Υκινδίου

Последняя буква в первой строке не читается. Если это иpsilon, мы получаем имя эпонима Ариста, до сих пор на Родосе неизвестного. Если же имя в клейме сокращено, что для Родоса очень нехарактерно, то это может быть имя одного из полутора десятков эпонимов, чьи имена начинаются на 'Αριστο...

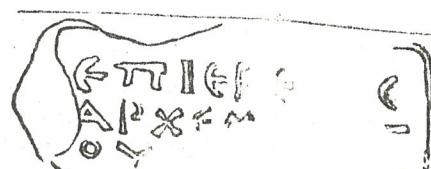
26. T-88-H3-XVI. IX, 1-4, № 9

— — — — —
'επὶ 'Αρισ —
τωνος

— — — — —
'Α — — — —

27. T-82-XIV, 54-59, 14, № 2

— — — — —
'επ 'ιερεως
'Αρχει[βρο]τ —
ου

Видимо, существовали два эпонимных жреца по имени Архемброт. Клейма первого из них принадлежат V группе В.Грейс и встречаются на амфорах эргастериархов Драконтида и Агатобула [9, р.32; 10, р.390; 11, р.311]. Амфора производства мастерской Менандра с клеймом эпонима Архемброта II встречена в слое сулланского разрушения афинской агоры [12, р.119, нот. 7]. Наше клеймо упоминает скорее всего Архемброта II.

28. T-85-H3. VI. 11-7, № 1633

— — — — —
'επὶ 'Αρχιδάμου. ['Α]γρι[α]νίου

вокруг неразличимой эмблемы
Эпоним III группы В.Грейс. Его клейма довольно многочисленны
в Пергаме.

29. T-76-VI, пом. БЮ, пол. № 1792

— — — — —
'ε[πὶ] 'Αρχιδά —
μου.
'Αγριανίου

30. T-76-XIV, пом. Е, № 834

— — — — —
'επὶ 'Αρχι —
[δάμου]
Β[αδρομίου]

31. T-83-H3. 9. № 89

— — — — —
'επὶ 'Αρχ[ι] —
λα[ιδα].
'Αρταμιτίου

32. T-88-H3, случайная находка, № 14

— — — — —
'επὶ ['Αρχι —
λα[ιδα].

— — — — —
— — — — —
ν

33. T-86-VI. 138. 15. № 601

— — — — —
'επὶ 'Αρχινού.
Σμινδίου

34. T-82-XIV, 32-23, 16. № 2502

— — — — —
'επὶ 'Αρχοκρά —
τευς.

'Αρταμιτίου

35. T-88-VI, расчистка дороги. № 1211

— — — — —
'επὶ 'Αρχ<ε>κρ[άτευς].
Δα]λίου

В имени эпонима допущена ошибка: эпсилон написан вместо омикрона.

36. Т-83-НЗ, 6 № 37

ἐπὶ Αὐτοκρατ[ευς] Υ]ακινθ[ίου
вокруг цветка.

37. Т-87-VI, 145, 16. № 1821

ἐπὶ Γόργω -

νος.

Σμινθίου

38. Т-82-XIV, 32-23, № 2499

ἐ[πὶ] Δ[α]μο -

δ[έμι]ος.

Αγρια]γίου

Известны два жреца с этим именем, один из них исполнял свои обязанности еще до 220 г. [13, p.529], а другой - в период пергамского комплекса [14, S. 254, № 95]. Наше клеймо принадлежит, вероятно, Да мотемию II.

39. Т-82-НЗ. II, 10. № 700

ἐπ Ἐνφρ]άνορος.
Θευδαισίου

Клеймо Евфранора II.

40. Т-71-VI, 145, 5. № 951

ἐπὶ [Ηρ]α -
γόρα.

[Σμινθίου]

41. Т-71-XIV, расчистка вымостки. № 140

ἐπ[ι] Θε]στηρος.
Δ[οσθ]ύου

42. Т-84-VI, 89, 1. № 1822

ἐπὶ Ιασ]ιφ -
[άτευς].

Καρν]είου

43. Т-80-НЗ-XIV, б\н

ἐπὶ Ιε -
ρωνο[ς]

Клеймо Гиерона II.

44. Т-87-VI, И-9, 27, 1. № 5

ἐπὶ [Ιέρ]ωνος.
Σι[νθ]ίου

Клеймо Гиерона I.

45. Т-78-VI, 265, 21, № 2055

ἐπὶ Καλλι -
κρατίδα

Клеймо Калликратида I.

46. Т-76-IV, 106-108, 16-17. № 1153

лучезарный ἐπὶ Κα -
диск Мир -
άтида -

Клеймо Калликратида I.

47. Т-85

ἐπὶ Καλλίχρα -
τίδα.
Δαλίου

Клеймо Калликратида II.

48. Т-88-НЗ-XVI. IV, 2-7. № 4

ἐπὶ Κλε[ν]ικράτευς. Αγριανίου
вокруг цветка.

49. Т-71-XIV, 3. № 91

ἐπὶ Κληνο -
στράτου.
Π]αν[άμου

Принадлежность Кленострата V группе эпонимов В.Грейс [13, p.529] подтверждается находками его клейм на амфорах фабрикантов Главкия, Дамофила II, Мидаса [7, p.316-317], а также наличием при его клейме оригинального дополнительного штампа, известного и на амфорах фабриканта Евфранора [8, c.140, 143, № 71].

50. Т-88, случайная находка, б\н

ἐ]πὶ Κλεωνίμου
Υακ]ιν[δ]ίου

Находки клейм Клеонима в Пергаме и в Вилланове, где они комбинируются с фабриканскими клеймами Аристы, заставляет датировать его жречество 220 - 180 гг. до н.э. [15; 16, p.259-260; 17, p.141]

51. Т-83-НЗ, 10. № 92

ἐπὶ Κρα -
τίδα

Жреческий срок Кратида лавает на период пергамского комплекса,

о чем говорят находки его клейм в Пергаме и в Вилланове (с клеймами 1. Т-88-IV, И-7, 76, 4. № 2020 фабриканта Диска II) [16, р.254]. В Тарсе находка клейма Кратида датируется по контексту ранним II веком [17, р.136].

52. T-87-VI, 27, 5. № 58
 ἐπὶ Λαφι[δε]νος.
 Πανάμιου
 δε[ν]τέρου

53. T-81-VI, 311, 15. № 1322
 ἐπὶ Νικο —
 μάχου.
 Βαδηρομίου

54. T-87, случайная находка, № 408
 ἐπὶ Νικο —
 μάχου.
 Βαδηρομίου

55. T-88-VI, 313. № 263
 ἐπὶ Ξενο[φά]ντοφ
 Υακινθίου
 Клеймо Ксенофанта II.

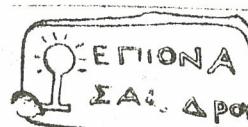
56. T-71-VI, 147, 5. № 823
 ἐπὶ Ξενοφάν —
 τον
 Υακινθίου
 Клеймо Ксенофанта II.

57. T-85-H3-VI, 7-6, № 934
 ἐπ' [ιερέως
 Ξενο[φά]ντος.
 Υακινθίου
 Клеймо Ксенофанта II.

58. T-91. Случайная находка, № 460
 'επὶ Ξενο —
 φάντος.
 Αυριανίου

59. T-83-H3, 11. № 99
 лучезарный ἐπὶ Ονα —
 диск σάνδρου

60. T-83-VI, 84, 6. № 12
 ἐπὶ Ονασά —
 νδρου.
 Θεσμοφορίου

- Клеймо Павсания III.

2. Т-90-Н3-XIV, I. № 305
 ἐπὶ Πεῖσι —
 στράτου.
 Ἀρτ[αμίτιον]

3. Т-83-VI, 3-9, 87, 16-18. № 2073
 ἐπὶ Πεισίσι —
 τράτοις
 Υακ[ιν]θίον

54. Т-77-XIV, пом. Г. № 87
 ἐπὶ Πολυαράτου
 вокруг цветка
 Клеймо Полюарата I.

65. Т-80-VI, 220, 18. № 619
 ἐπὶ Πολυαράτοις
 вокруг цветка
 Клеймо Полюарата II.

66. Т-88-VI. 313. № 262
 ἐπὶ Πρα —
 τοφανευς
 Клеймо Полюарата III.

67. Т-83-Н3, XVI, XI, 12, № 1696
 ἐπὶ [Πρ]ατο[φ]άνευς. Θεσμοφορίου
 вокруг цветка
 Обращает на себя внимание совершенно необычная трактовка цветка в виде трех свободных лепестков или листиков. Это изображение помещено и в следующем клейме, оттиснутом тем же штампом.

68. Т-83-Н3. II. № 102
 ἐπὶ [Πρ]ατο[φ]άνευς. Θεσμοφορίου
 вокруг цветка

69. Т-83-Н3. 10. № 95
 ἐπὶ Πυδογέ —
 νευς.
 Καρνείον

70. Т-88-Н3, случайная находка, № 15
 ἐπὶ Πυδο[δόρου].
 Αγρι[ανίον]

84. T-84-XIV, 3-11, 52. № 1565
 è[πι-----]
 α[-----]
 'Αγρι[ανίον]
85. T-88-VI, 312, 13. № 23
 èπὶ [-----]

86. T-83-H3, 9. № 87
 èπ[ι-----]
 Πανάμο[v]
87. T-83-H3, 10. № 93
 èπ[ι-----]
 Πα[άμοv]
88. T-88-VI № 1568
 èπ[ι-----]
 -α-----.
89. T-76-IV, пом. ІІІ, 13. № 501
 è[πι-----]. 'Αγριανίον
 вокруг лучезарной головы Гелиоса
90. T-85-H3, VI, 10. б\н
 è[πι-----]

91. T-80-VI, 221, 17. № 990
 Трехстрочное, вероятно, эпонимное, совершенно нечитаемое клеймо.
92. Без шифра. № 131
 è[πι-----]
 α[-----]ou.
 'Αραμιτ[ou]
93. T-82-VI, 313, 14. № 722
 Совершенно нечитаемое клеймо на ранней ручке с плавным изгибом.
94. T-82-XIV, № 2
 è[πι-----]

95. T-89-IV, 22, 15. № 50
 -----o
 -----v

96. T-86-H3. X, VII, 3, 1. № 26

 ov. Δαλίον
97. T-88-XVI, IX, 4, 6 № 10
 è[πι-----]

98. T-91. IV-VI, И-7, 18, 6. № 1002
 Совершенно нечитаемое трехстрочное прямоугольное клеймо.
99. T-82-VI, И-3, 6. № 187

 δ-----

100. T-88-VI, 145, 20, б\н
 Совершенно нечитаемое курсивное трехстрочное клеймо.
101. T-84-VI, 16. № 4840
 Нечитаемое трехстрочное клеймо.
-
- Фабрикантские клейма**
102. T-85-H3-XVI, VI, 12, 8. № 1748
 'Αγαθο[κλεῦς]
103. T-86-IV, юго-восточная прирезка. № 435
 Σ]υινδίον.
 'Αγαθοκλ[εῦς]
104. T-83-H3, 9. № 124
 'Αγο[ρανά]χτ[ος].
 Καρνείον
- На амфорах фабриканта Агоранакта известны клейма эпонимов Аратофана I, Кратида и Сострата II [9, p.32; 19, p.143-144, №№ 102, 103]. Клейма самого Агоранакта встречены в Пер. аме, Вилланове и Карфагене и потому датируются 220 - 180 гг. [20, p.228; 17, p.137, пол.8]. Но, возможно, мастерская Агоранакта работала и несколько ранее [19, p. 143-144]. Ю.С.Бадальянц [5, с.11] помещает этого эргастериарха в свою 11³ группу (около 250 - 200 г. до н.э.).
105. T-73-XIV, 20, 1. № 230
 'Αγο[ρ]ανάχ[τος]
 Δαλίον
106. T-82-XIV, 59, 15. № 10
 'Α[νδρ]ικού

107. T-88-VI, 310, № 1486
 кадуцей влево
 'Αντιμάχου
108. T-86. Без шифра
 кадуцей влево
 'Αντιμάχου
109. T-85-H3, VI, 12, 6. № 1425
 кадуцей вправо
 'Αντιμάχου
110. T-82-H3, II, 9. № 697
 'Απόλλω -
 νίσ[α]
111. Без шифра
 'Απόλλωνίου
112. T-83-VI, 3-9, 87, 13 № 1096
 'Απόλλωνίου
113. T-86-VI, 313, 15 № 580
 'Αριστοκλεύς
 вокруг цветка
 Клеймо Аристокла II.
114. T-90-H3, XIV, 3, 5. № 306
 'Αριστοκλεύς
 вокруг цветка
 Клеймо Аристокла II.
115. T-79, случайная находка, № 239
 'Αριστοκλέ[τευς]
 в углах клейма - звездочки
116. T-71-VI, 166, 7. № 1289
 'Αριστοκλέ[τευς]
117. T-82-XIV, 54-59, 14. № 1
 в углах клейма - звездочки
 'Αριστοκλέ[τευς]
118. T-86-VI, 311, 19
 'Αριστωνος
19. T-80-VI, 220, 15. № 2359
 'Α[-----]
 Πα[νάμου]
20. T-86-H3, X, VII, 3, 1. № 2-B
 'Α[-----]
21. T-81-XIV, 59, 15. № 2486
 В]ακχ[ίου. 'Αρτ]αριτίου
 вокруг цветка
 Восстановление легенды клейма условно. Клейма фабриканта Бакия очень редки. В.Грейс датировала их II в. до н.э. [12, p.125 № 64].
122. T-88-IV, И-7, 76, 4 № 2020-2
 Βρομίου венок
123. T-73-VI, яма. № 1024
 Βρ[ομίου] венок
124. T-82-XIV, 32-23, 16. № 2503
 Γλαυ[κή]ια
125. T-83-H3, II. № 96
 Δαμοκράτευς
 вокруг цветка
 Клеймо Дамократа I.
126. T-86-VI, 138(315), 15 № 602
 Δαμοκρά[τε]υς
 вокруг цветка
 Клеймо Дамократа I.
127. T-91. IV-VI, И-7, 6, 16, 3. № 997
 Δαμο[κράτε]υς
 Клеймо Дамократа II.
128. T-84-IV, 62, № 405
 Δαμοκρά[τευς]
 Клеймо Дамократа II.
129. T-76-IV, 105-108, 16-17. № 1142
 Δαμ]οκρ[άτε]υς
 вокруг цветка
 Клеймо Дамократа I.
130. T-88-H3, XVI, IX, 12, 2. № 2
 Δαμοκράτευς
 вокруг цветка
 Клеймо Дамократа I.

Время деятельности фабриканта Аристона, 220 - 180 гг., определяется наличием пятнадцати его клейм в пергамском комплексе, а также сочетанием их с клеймами эпонимов Филодама [17, p.135, not.2; p.140-14] №№ 23, 24] и Агемаха [9, p.31; 21, c.232].

131. Без шифра

Διονυσίον

вокруг цветка.

Надпись по кругу против часовой стрелки.

Существовали два эргастериарха с именем Дионисий в начале II в. в. до н.э. [1, с.95-96]. Наше клеймо не похоже на клейма ни одного из них. Может быть, был и еще один фабрикант этого имени в второй половине или в конце II в. до н.э., которому могло принадлежать судя по палеографии, рассматриваемое клеймо?

132. T-82-XIV, 32-23, 16. № 2501

Διόν

133. T-83-H3, II. № 101

Διόν

134. T-85-H3, VI, 8, 7. № 1089

Διόν

135. T-83-XIV, 64, 16. № 1365

Διόν

136. T-85-H3, XVI, VI, 12, 6. № 1484

цветок

Δωρίσιος

Редкие клейма Дориона принадлежат времени пергамского комплекса. Видимо, два таких клейма были найдены в Пергаме, но неверно прочитаны К.Шухардтом [15, с.459; №№ 1011, 1012]. Одно клеймо, точно такое же, как танаисское, встречено в ольвийском водоеме [22, с.234, табл. XVII, 248].

137. T-73-XIV, 13, 5. № 742

Δωροθέου

138. T-83-H3, 9. № 86

Δωροθέου

139. T-86-VI, 313, 16. № 564

Δώρου

читается справа налево.

140. T-91, IV-VI, И-7, 18, 6. № 1333

Δωρού

читается справа налево.

141. Без шифра

Επικράτειος

вокруг цветка.

Эпикрат - имя двух фабрикантов. Первый из них выпускал свои

амфоры в период 180 -150 г.г. до н.э. На них известно клеймо эпонима Павсания III [20, р.300, 302, № 4, 5; 13, р.537, № 23]. Эпикрат II - один из позднейших родосских фабрикантов. Его амфора, найденная на Кипре, принадлежит по форме I в. до н.э. и носит клеймо эпонима Бакхия [12, р. 119, 125, № 64]. Наше клеймо, вероятно, содержит имя Эпикрата II.

142. T-82-H3, II, 10. № 701

Ἐρμία

143. T-77-IV, 72-76. № 240

Zήνωνος

вокруг цветка, в легенду включены изображения двух пилосов.

Клеймо Зенона II. В круглых клеймах этого эргастериарха помимо цветка, расположенного в центре, всегда помещаются еще две небольшие цепочки Диоскуров, располагающиеся между началом и окончанием круговой легенды.

144. T-88-IV. И-7, 76, 7 № 2131

Zήνωνος

вокруг цветка, в легенду включены два пилоса.

Клеймо Зенона II.

145. T-84-IV, юго-восточная прирезка, 4. № 406

Zήνωνος

вокруг цветка, в легенду включены изображения двух

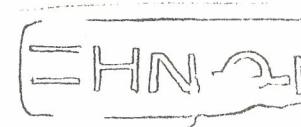
пилосов.

146. T-84-H3, IV, 9. № 212

Zήνωνος

вокруг цветка, в легенду включены изображения двух пилосов.

Клеймо Зенона II.

147. T-88-H3, XVI; IX, 4, 4 № 6

Клеймо Зенона II.

Zήνωνος

148. T-83-IV, № 43

Θεμί'

-
σονος

гроздь

Для уверенной датировки клейм фабриканта Темисона данных нет. Судя по шрифту и общей композиции клейм, они не могут быть ранее II в. до н.э., скорее, второй его половины.

149. T-89-VI, 86, 5. № 38

Θεμί'

σονος

50. T-89
Θευδ
звезда звезда
ωριον

Твердых оснований для определения времени работы мастерской Тевдора нет. В.Канараке опубликовал клеймо Тевдора из раскопок Истрии, стоящее на родосской амфорной ручке с плавным изгибом, т.е. ранней группы [13, p.223-224, fig.47; p.262, № 635]. Наше клеймо резко отлично от истриского, но нет оснований отрицать возможность его принадлежности к ранней группе клейм, первой или, может быть, второй.

151. T-88-43-XVI, IX, 2, 7. б\н
Iāσovo[с]. Aoy[---

Видимо, в клейме были последовательно вырезаны два имени. Сначала *Арх*—, а затем *Іаоою*, более грубым шрифтом. При этом остатки первой надписи не были до конца уничтожены.

152. Т-85-Н3, VI; 9, погребение 27 № 1790
"Лицо"

рог изобилия кадуцей вправо

153. T-88-VI, 312, 15. № 28

⁷Л]а
кадуцей вправо

154. T-86-VI, 313, 16, № 563

рог изобилия

- надулся
вправо

155. T-86-H3, VIII, 2, 3. I
Лт[π]ο[κ]ράτε[νς]
ВОКРУГ ЦВЕТКА

- БОРГУРТ
156, Т-84-IV, б\н

Ιπποκράτευς

157. T-91 IV-VI И-7 18 8 № 133

Любопытная амблема

158. T-81-VI б\н

Kalliolis

59. T-85-H3, VI, II, 3 № 1233
Καλλιοῦς
 В верхних углах клейма - звездочки.

60. T-80-H3, XIV. б\н
Καλλ[ι]οῦς
 В верхних углах клейма - звездочки.

61. Без шифра
Καλλι -
π]ιδα
 Имя Каллипид среди родосских фабрикантских имен до сих пор не было засвидетельствовано. Для датировки клейма данных нет.

162. T-91-XIV, И-10, 98, 5. № 130
 герма влево
Κάλλων

163. T-80-VI, 220, 4. № 741
Κάλλωνος
 герма вправо

164. T-89-XIV, И-9, 38, 6. № 88
Καλ[---].
Αυριανίου

165. T-83-IV, пом. О. № 172
Κα[-----]
Αυριανίου

166. T-88-VI, 313-314, 19, № 478
Κλεάρχου

 Очень редко встречающееся имя. Для датировки клейм Клеарха данных нет, если не считать общего характера клейма, указывающего как будто на 220 - 180 гг. до н.э.

167. T-71-XIV, 6, расчистка. № 47
Κό[τευς

168. T-91-XIV, И-11, 16, 6. № 619
Κρέοντος

Существовали, видимо, два эргастериарха с именем Креон. Первый из них действовал еще в начале III в. до н.э. [1, с.108]. Креон II, которому принадлежит наше клеймо, датируется, вероятно, периодом 180 - 150 гг. Одно его клеймо известно в Карфагене.

169. Т-76-VI, 188, 22. № 2706
Λίνου
 гроздь
170. Т-80-VI, 221, 17. № 995
Λίνου
 гроздь
171. Т-82-XIV, 32-23, 16. № 2504
 [Λίνου]
 гроздь
172. Т-91. IV-VI, И-7, 8, 18, 4 № 999
Μάρσα.
 'Үаки[νδίον]
173. Т-86-VI, 311, 19. № 564
Μάρσα.
 Πανάμον
174. Т-82-Н3, II, 10. № 699
Mίδα гроздь
 кадуцей вправо
175. Т-87, случайная находка. № 409
Mίδα гроздь
 кадуцей вправо
- У корня этой амфорной ручки помещено еще овальное дополнительное клеймо ЕY . Такие же дополнительные клейма, но в ретроградном написании YE , известны на ручке с основным клеймом эпонима Тимагор и на целой амфоре из Никозии с клеймами фабриканта Мидаса и эпонимом Тейсамена [8, с. 139; 23, р. 527, № 12].
176. Без шифра
Mίδα гроздь
177. Т-88-VI, 268. 15. № 1487
Mήδα гроздь
 кадуцей вправо
178. Т-87, случайная находка. № 410
 кадуцей вправо
M[ιδ]α
179. Т-84-VI, 88, 16
Mίδα гроздь
 кадуцей вправо
180. Т-80-VI, 29, 14. № 308
M[---]

81. Т-88-VI, 312-313, 14. № 25
Νάνιος
 82. Т-73-VI, 25. № 119
Νάνιος
 83. Т-80-Н3-XIV, яма I, б\н
Νάνιος
 84. Т-81-XIV, № 27
Νάνιος
 85. Без шифра
Νάνιος
 86. Т-81, случайная находка. № 464
N[ά]νιος
 87. Т-76-VI, пом. БЮ, 22, № 1791
Νάνιος
 88. Т-88-VI, 104, 16. № 722
Νάνιος
 89. Т-85
N[ικαγι]δος
 90. Т-85-Н3-VI, 7, 2. № 689
Νικαγιδος
 91. Т-83-Н3, II, № 97
 'Ολύμπου факел
 92. Т-83-Н3-XVI, VI, 9, 7. № 2552
Ονασιο]άκου
 в углах клейма - звезды.
 93. Т-82-Н3, VI. № 701
Πα]υσανία.
 -----]ον
 Клеймо Павсания II.
94. Т-84, б\н
Παυσανίχ
 Клеймо Павсания II.
95. Т-87-VI, И-9, 27, 5. № 62
Πολυξένου
 в углах клейма - звезды.

Оформление клейм фабриканта Поликсена и находка одного такого клейма в Карфагене заставляют относить этого эргастериарха к концу III или к IV хронологической группе В.Грейс, датируя его первой половиной II в. до н.э.

196. Т-84-Н3, IV, 10-11; № 313
Πολὺξένου
 в углах клейма - звезды.
197. Т-88-VI, 6. № 84
Ρ]ό[δ]ωνος
 герма влево.
198. Т-89-VI, 84, 7. № 14
Ρόδωνος
 герма влево.
199. Т-85-Н3-VI, 7-5. № 877а
Σαρ[ιπίω]νος
 в углах клейма - звезды.
 Клейма Сарапиона должны датироваться 220 - 180 гг., они встречаются в Пергаме и в ольвийском водоеме.
200. Т-86-VI, 311, 19. № 1873
Σαρα[πίων]ος
 в углах клейма - звезды.
201. Т-83-Н3, II. № 100
Σωκράτευς
 факел
202. Т-76-VI, пом. БФ. № 2737
Σωκράτευς
 факел
203. Т-82-XIV, 32-23, 16. № 2505
Σω[σ] ελεῦς (?)
 Кадуг съ вправо.
204. Т-91. IV-VI, И-7, 8, 18, 6. № 1003
Σῶτα
 Клеймо Сотаса II.
205. Без шифра
Σω -----v
206. Т-91. IV-VI, И-7, 5, 16. 3. № 998
Τιμοῦς
207. Т-84-Н3, IV, 10. № 213
Τιμοῖς
208. Т-87-VI, И-9, 27, 5. № 95
Φανία
 Деятельность фабриканта Фания можно предположительно, судя по находке его клейма в Пергаме, относить к концу II началу II в.в. до н.э.
09. Без шифра
Φιλαινίου
10. Т-88-Н3. Случайная находка, № 11
Φιλαινίου
11. Т-83-Н3, 10. № 91
 совершенно нечитаемое фабрикантское клеймо.
12. Т-84. № 18
 -----s
13. Т-81, случайная находка, № 465
 -----ov
14. Т-71, случайная находка, № 90
 -----ov
15. Т-83
 -----οβι[ο]ν
216. Т-76-IV, пом. ІІ, 12. № 169
 -----ιλ-----
 тирс вправо.
217. Т-81-VI, 316, 16. № 13
 тирс вправо
 -----ov
218. Т-83-Н3, 9, № 88
 Нечитаемое фабрикантское клеймо.
219. Т-82-Н3, II, 4. № 253
 Нечитаемое фабрикантское клеймо, в углах - кре-тики.
220. Т-71-XIV, вымостка. № 139
 -----τον
221. Т-88-Н3, XVI, IX, 2, 4. № 5
 Совершенно стертое фабрикантское клеймо.
222. Г-85-Н3-XVI, VI, 10, 5 № 410
 -----ρα-----
223. Т-85-Н3, XVI, VI, 5, 6 № 343
 -----ευς
 вокруг цветка.
- Клейма, содержащие только названия месяцев
224. Т-88-VI, 213, 5. № 26⁴
Σμινθίου
 вокруг цветка.

225. T-89-XIV, И-9, 39, 5. № 6

Βα]δ[ρ]ομίου

вокруг цветка.

Неопределенные родосские клейма

226. T-85-H3-XVI, VI, 8 3. № 1037

Βα[δρομίου

227. T-80-VI, 220, 17. № 739

Σ]μιν[διόν

228. T-83-H3, 9. № 90

Прямоугольное, совершенно нечитаемое клеймо.

229. T-?, XIV, 4. № 132

Круглое клеймо. Надпись вокруг цветка нечитаема.

230. T-80-VI, 220, 17. № 140

Прямоугольное, совершенно нечитаемое клеймо.

231. T-83-XIV, И-10, 18, 1-2. № 1801

Маленький обломок круглого клейма.

232. T-80-VI, 221, 17 № 936

Совершенно стертное прямоугольное клеймо.

233. T-88, расчистка дороги. № 1210

Прямоугольное нечитаемое клеймо.

234. T-86-VI, 318(315). № 223

Обломок прямоугольного клейма.

235. T-71-XIV, 3. № 37

Обломок прямоугольного клейма.

236. T-88-H3-XVI, IX, 3, 4. № 1

Совершенно нечитаемое прямоугольное клеймо.

237. T-89-XIV, И-10, 32, 5. № 58

Совершенно стертное круглое клеймо с цветком в центре

238. T-86-VI, И-9, 292, 3. № 100

--- -αλ - Διοσ]δύου

округ цветка.

239. T-87-VI, И-9, 27, 2. № 6

--- - νο

--- - υ

40. T-83-H3, 7. № 40

вокруг цветка.

41. T-88-VI, 311-312, 18. № 479

Круглое клеймо с цветком в центре.

42. T-84-XIV, И-11, 2. № 73

Круглое клеймо с головой Гелиоса в центре.

43. Без шифра

Круглое клеймо с цветком в центре.

2. Книдские клейма

Определение книдских клейм представляет большие затруднения, так как все они дошли до нас в очень плохом состоянии и ни одно из них не может быть восстановлено целиком. По этой же причине невозможна и более точная датировка найденных книдских клейм, общее время применения которых охватывает III и II в.в. до н.э. [20, p.241, 7, p.318-324; 13, p.520].

244. T-84-H3-XVI, IV, 7-8 № 198

Κι[διον

неразличимая
эмблема

Клеймо, вероятно, второй половины II в. до н. э.

245. T-81-XIV, 59, 7. № 5

Круглое клеймо с палицей в центре. От круговой легенды сохранились только буквы ου

246. T-82-H3, I, 7, № 463

Κι[δι[ον] гроздь Φι -

- - λ

Издавая книдское клеймо, выполненное в той же схеме, где изображение виноградной грозди разрезает надпись, В.Грейс относит его ко II в. до н.э. [20, p.241, 258. № 160].

247. T-86-IV. ЮВ прир., ст. 157\3. б\н

Маленькое нечитаемое прямоугольное клеймо с изображением какого-то животного. Клеймо отнесено к числу книдских условно, только по показаниям формы и глины амфорной ручки.

3. Косские клейма

Все косские клейма стоят на обычных двустольных амфорных ручках. Они содержат единичные имена, вероятно, эргастериархов II - I в.в. до н.э.

248. T-88-Н3, случайная находка, № 12

Αριστοκράτης

249. T-87-VI, 17, 15. № 1352

Δωροδέουν

250. Г-87 XIV, 61, 10. № 20

Λύχνων

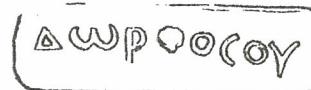
251. T-82-VI, пом. АЩ, № 2886

Μενάνδρου

неразличимая эмблема

252. T-78-VI, 263, 14, № 733

Обломок прямоугольного анэпиграфного клейма в виде двузубой рогаки, подобного клейму, найденному в Танаисе в 1957 г. [1, с.134, № 556].

4. Синопские клейма

Девять синопских амфорных клейм нашей коллекции не прибавляют чего-либо нового к имеющимся уже представлениям о ввозе синопской продукции в Танаис в эллинистическое время. Самыми ранними, как и предшествующих находках, являются клейма III и IV хронологические группы Б.Н.Гракова, большинство же обнаруженных клейм принадлежит и VI хронологическим группам, т.е. II в. до н.э. [1, с.135 и сл.; 24].

253. T-87-VI, 197, 13. № 1494

ἀστυγόμουν

Αἰσχίνουν.

Νικίας

Астином IV группы Б.Н.Гракова. Точно такие же клейма изданы В.В.Шкорпилом [25, с.20, № 4] и З.Штетилло [26; р.136, № 203]. Судя по этим клеймам, эмблема справа от надписи, утраченная в нашем клейме, изображала виноградную гроздь.

254. T-78-VI, 240, пом. ГБ, 16. № 500

ἀστυνόμουν эмблема

Ἀντιπάτρουν неразличима

τον Νικονος.

Κεφαλιων

Астином V группы Б.Н.Гракова. Клеймо с сочетанием тех же имен опубликовано В.Канараке [18, р.111, № 228]. Эмблема его утрачена, как в нашем клейме. Скорее всего, это была корабельная прора [24, с.143].

255. T-83-XIV, 3-9, 85, 15. № 944

ἀστυνομοῦντος

Κλεονίκουν

τοῦ Μήνιος,

голова

Сераписа

вправь

Астином V группы.

256. T-72-VI, пом. АЮ, 5. № 302

ἀστυνόμουν

Μαντι[θέουν

τοῦ Πρωταγόρου.

Ἀπολλοδώρο[ν неясна

эмблема

Мантитей, сын Протагора - астином VI группы. Эмблема справа изображает, вероятно, сидящего льва или сфинкса [24, с.149].

257. T-77-VI, 240, 10. № 1960

ἀστυνόμουν

Ποσίδειον

Астином Посидей без отчества принадлежит III группе. Хотя третья строка в клейме не сохранилась, остаток круглой буквы в начале ее, кажется, не позволяет читать в ней отчество, предваряемое артиклем *τοῦ*.

258. T-83-IV, № 174

[ἀστυνόμουν]

[Πόσιοςτον]

Δασίσκουν.

-----]ος гроздь

Астином VI группы.

259. T-78-VI, 264, 19, № 505

ἀστυνόμουν акrostилий

Φημίον τοῦ

Θυνοιλέω

Фемий, сын Тисилея - астином V группы. Такое же клеймо из Истрии может быть, даже того же штемпеля, издано В.Канареке. В нем читается его имя фабриканта Прота, утраченное в нашем клейме [18, р.144, № 340].

260. Т-86, И-9, 19, 4. № 831

Совершенно нечитаемое прямоугольное клеймо.

261. Г-76-IV, пом. Щ, 11. № 236

—ov
—ov
Канфар

Судя по очертаниям канфара, клеймо одной из поздних групп.

5. Херсонесское клеймо

Единственное в нашей коллекции херсонесское амфорное клеймо содержит имя астинома Героксена.

262. Т-88

Ηροξέ[ν]ον
αστυ[νόμον]

Ручки с клеймами этого астинома встречаются достаточно часто. Одно клеймо Героксена уже было найдено в Танаисе в 1956 г. [1, с.150]. Р.Б.Ахмеров поместил Героксена в свою III хронологическую группу и датировал его деятельность концом III - началом II в. до н.э. [27, с. 111, 112, табл. III, 12]. В.В.Борисова считала возможным относить клейма Героксена к середине или к концу III в. [28, с.108, 116]. Б.Ю.Михлин, переносил клейма астинома Героксена из III во II хронологическую группу, считая этого астинома одним из позднейших в этой группе и датирует его серединой III в. до н.э. [29, с.153, 156, 158]. К концу этого столетия относил деятельность Героксена (исходя из палеографии его клейм) Б.Н.Граков и И.В.Яценко [30, с.92; 31, с.78].

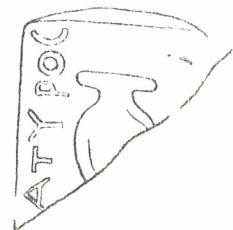
В последнее время датировка клейм Героксена подвергалась пересмотру: В.И.Кац включил их в свою первую группу (тип 1-2 в) и датировал ими первыми двумя десятилетиями III в. до н.э. [32, с.92, 100, 103, 108]. К первой четверти этого столетия относит Героксена и С.И.Монахов [33, с.131, 136]. Во всяком случае, клейма Героксена не выходят за пределы III в. до н.э.

6. Фасосские клейма

Полное отсутствие фасосских амфорных клейм среди памятников керамической эпиграфики из Танаиса вызывало некоторое недоумение, поскольку клеймение амфор на Фасосе произошло, по общему мнению, на протяжении всего III в. до н.э. [19, р.117; 34, р.40; 35, с.39, табл. I; 36], когда Танаис, безусловно, уже существовал. Теперь мы имеем вида фасосских клейма, найденных при раскопках Недвиговского городища и скреполя.

63. Т-76-IV, пом. Щ, 11. № 243

Σ]άτυρος
округлый сосуд
[Θασίων]

Клеймо фабриканта Сатира принадлежит к позднейшим фасосским клеймам, для которых характерно наличие в клейме одного имени и этикетона, расположенного по двум сторонам от эмблемы. Согласно хронологической классификации фасосских клейм Ю.Г.Виноградова, оно относится к поздней группе 5-Б, датируемой всем III в. до н.э. [35, с.35 и сл.]. М.Дебидур помещает горшечника Сатира в первую половину III в. [36, р. 332]. Об относительно позднем происхождении клейма свидетельствует тунарная форма сигма в надписи [36, р.316].

264. Т-88-Н3, случайная находка, № 13

Λεύκ[αν]. Θασίων]---αу
по трем сторонам прямоугольного клейма. В центре - птица.

Второе имя в клейме не читается. Клейма, построенные по той же схеме и с аналогичной эмблемой в центре, но с именами Клеофона и Посидея неоднократно встречались в Северном Причерноморье [37, с.52 №№ 366-374, табл. V, 4]. Расположение легенды клейма по трем сторонам прямоугольника заставляет относить это клеймо к третьей группе классификации Ю.Г.Виноградова и соответственно датировать его примерно серединой IV в. до н.э. [35, с.25 и сл.].

Присутствие в клейме эргастериарха Левкона из Мирмекия имени раннего эпонима Аристига побудило В.И.Пругло датировать это клеймо даже началом IV в. до н.э. [38, с.31]. С такой ранней датировкой вряд ли можно согласиться, хотя бы принимая во внимание общую схему построения клейм Левкона. Но, во всяком случае, принадлежность этих клейм еще

IV в. до н.э. не вызывает сомнения. Таким образом, рассматриваемое клеймо является самым ранним памятником керамической эпиграфики из Танаиса. Фасосская амфора с этим клеймом была изготовлена еще тогда, когда Танаиса не существовало, и могла быть завезена туда значительное позднее.

7. Клейма неизвестных центров

265. T-83-XIV, 54-59, 14, № 4

Совершенно стертое прямоугольное клеймо на ручке амфоры.

266. T-73-XIV, 20, 1, № 239

Прямоугольное нечитаемое клеймо на плоской ручке, похожей форме и глине на фасосскую.

267. T-78-VI, 264, 19, № 506

Небольшое круглое клеймо с круговой надписью, из которой видна только буква Е.

268. T-76-IV, 74, 15, № 1122

Прямоугольное совершенно сбитое клеймо.

269. T-88-IV, подв. П-2, 1, № 302

Прямоугольное нечитаемое клеймо. Ручка похожа на фасосскую, но глина грубее.

Шелов Д.Б. Керамические клейма из Танаиса III - I в.в. до н.э. М., 1975.

Бадальянц Ю.С. Хронологическое соответствие имен эпонимов и фабрикантов на амфорах Родоса // СА. 1976. № 4.

Бадальянц Ю.С. Новые хронологические соответствия имен эпонимов и фабрикантов на амфорах Родоса // СА. 1980. № 2.

Бадальянц Ю.С. Омонимы личных имен на родосских амфорах // ВДИ. 1980. № 3.

Бадальянц Ю.С. Опыт хронологической классификации имен родосских фабрикантов // НЭ. 1980. XIII.

Inscriptiones Graecae.

Grace V., Savvatiou - Petropoulakou M. Les timbres amphoriques grecs. Exploration archéologique de Delos. Paris. 1970. XXVIII.

Шелов Д.Б. Керамические клейма из раскопок Фанагории // МИА. 1956. № 57.

Bleckmann F. De inscriptionibus quae leguntur in vasculis Rhodii. Goettingen. 1907.

Hall J.H. The Greek Stamps on the handles of Rhodian amphorae found in Cyprus and now in the Metropolitan Museum of New-York // JAOS. 1885. XI.

Harvard Excavations at Samaria, 1908-1910. I Harvard, 1924.

Grace V. The Eponyms Named on Rhodian Amphora Stamps // Hesperia. 1963. XXII. № 3.

Grace V. Timbres amphoriques trouvés à Delos // BCH. 1952. LXXVI.

Bleckmann F. Zu den rhodischen eponymen Heliospriestern // Klio. 1912. XII.

Inscriften von Pergamon, II, Berlin. 1895.

Maiuri A. Una fabbrica di anfore rodie. // Annuario della scuola archeologica

- di Atene e della missioni italiani in Oriente. 1924. IV-V.
17. Grace V. The stamped amphora handles. Excavations at Gozlu - Kuş /Tarsus. I. Princeton. 1950.
18. Canarache V. Importul amforelor stampilate la Istria. Bucuresti. 1957.
19. Grace V. Pnix/ Stamped Wine jar fragments. // Hesperia, 1956. Suppl.X.
20. Grace V. Stamped amphora handles found in 1931-1932. //Hesperia, II Саратов, 1989. № 3.
21. Hiller von Gaertringen. Einige vergessene Amphorenhenkel aus Rhodo //Mitteilungen des deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. 1898, XXIII.
22. Леви Е.И. Керамический комплекс III - II в.в. до н.э. из раскопок Ольвийской агоры. //Ольвия. Тененос и агора. 1964.
23. Nicolaou J., Empereur J.-Y. Amphores rhodiennes du Musée de Nicosia //BCH. 1986. Suppl. XIII.
24. Граков Б.Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929.
25. Шкорпил В.В. Керамические надписи, приобретенные Керченским музеем древностей в 1901 и в 1902 годах. //ИАК, 1904, № 11.
26. Sztetollo Z. Les timbres céramiques dans les collections du Musée National de Varsovie. Varsovie, 1983.
27. Ахмеров Р.Б. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса //ВДИ. 1949. № 4.
28. Борисова В.В. Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор. //НЭ. 1974. IX.
29. Михлин Г.Ю. К изучению херсонесских керамических клейм. //ВДИ. 1970. № 2.
30. Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре. //МИА. 1954. № 36. 3
- Яценко И.В. Херсонесская амфора с клеймом астинома Гераксена. //Новое археология. М., 1972.
32. Кац В.И. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм. //ВДИ. 1985. № 1.
33. Монахов С.Ю. Амфоры Херсонеса Таврического. IV - II в.в. до н.э. Саратов, 1989.
34. Bon A.-M., Bon A. Les timbres amphoriques de Thasos. Paris, 1957.
35. Виноградов Ю.Г. Керамические клейма острова Фасос. //НЭ. 1972. X.
36. Debidour M. En classant les timbres thasliens. //BCH. Suppl. XIII. 1986.
37. Придик Е.М. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917.
38. Пругло В.И. Группа фасосских амфорных клейм из Мирмекия. //КСИА. 1969. № 116.

Д.Б.Шелов

Новые монетные находки в Танаисе
/1961 - 1990 гг./

Систематическое исследование древнего Танаиса, проводимое Нижне-Донской экспедицией, руководимой Т.М.Арсеньевым, приносит каждый сезон небольшое количество монет обнаруживаемых при раскопках или находимых случайно в городище. Постепенно накапливается большой нумизматический материал, освещающий разные стороны экономической и политической жизни древнего города. Монетные находки 1955-1965-1972 и 1973-1980 гг. были опубликованы в нескольких статьях с.62; 2, с.65 сл.; 3, с.50 сл.). Ко времени последней публикации набралось 356 монет, которые и были представлены в изданных списках. Теперь мы располагаем еще 240 монетами, 221 из которых были найдены в Недвиговском городище в 1981-1990 гг., а 19 были приобретены ранее, но по разным причинам не попали в опубликованные списки. Сведения обо всех этих находках приведены в прилагаемой таблице.

Как и в предыдущих публикациях, в таблице даны определены монеты, ее дата, ссылка на публикацию аналогичных монет, указано место находки. Ввиду плохого состояния большинства монет вес не указывается. Не отмечается и металл, из которого изготовлены монеты: это почти всегда медь, исключения составляют лишь римские денарии № 20-а 99 и статеры Иценфимея и Рескупорида V, битые очень плохо серебра или биллона / №№ 24, 28, 44, 85, 139, 148-168, 169, 175-178 /. Из 240 монет 7 оказались настолько плохой сохранности, что не смогли быть определены даже приблизительно и около трех десятков получили лишь приблизительные определения, как денарии или сестерции II и первой половины III в. н.э., но не могли быть отнесены к чеканке того или иного царя. Определения монет производились Д.Б.Шеловым, А.И.Анисимовым, С.И.Безугловым, все проверены автором настоящей статьи. Римские денарии определены В.В.Кропоткиным.

Рассмотрим прежде всего небольшую группу боспорских медных монет, относящихся к первым векам существования города. Пантикопейский гемиобол /тетрахалк/ с изображениями голов безбородого сатира на аверсе и головы льва и осетра на реверсе [табл. XX, 70, 71; 5, табл. XLII, 2; 6, табл. V, 61] / № 207 / был выпущен еще в конце IV в. до н.э. и имел хождение на боспорском денежном рынке

начале следующего столетия [7, с.32 сл.]. Такая же монета была найдена в Танаисе случайно в 1965 г. Она была тогда самым ранним зарегистрированным в Танаисе нумизматическим объектом и была отнесена к числу монет, завезенных в Нижнее Подонье первопоселенцами, основавшими Танаис [2, с.65-66; 8, с.17-18]. К числу таких монет могут быть причислены и наша монета № 207 и еще более ранний пантикопейский тетрахалк № 198, несущий на лицевой стороне изображение головы бородатого сатира, а на оборотной - протомы орлиного головного грифона и осетра [4, табл. XIX, 39; 5, табл. XL, 18; 6, табл. V, 57]. Такие монеты чеканились не позднее предпоследнего десятилетия IV в. до н.э. Этот тетрахалк является ныне самой ранней найденной в Танаисе монетой. Единичная эта находка не может, конечно, заставить нас изменить довольно прочно установленную дату возникновения города; видимо, в момент его основания, в пределах первой четверти III в. до н.э. [8, с.15; 9, с.300 сл.; спр.: 10, с.84], такие монеты еще могли находиться на руках у жителей Боспора.

Следующие по времени две монеты нашего списка / №№ 103, 146 / - тоже пантикопейские тетрахалки второй четверти и середины III в. до н.э. с изображениями головы безбородого сатира и лука и стрелы [4, табл. XIX, 52, табл. XX, 70, 78-79; 5, табл. XLII, 4, 5; 6, табл. V, 65, 66]. Монеты первой половины III в. до н.э. в единичных экземплярах уже встречались в Танаисе [1, с.63]. Далее следует большой хронологический перерыв: монет второй половины III, всего II и большей части I в. до н.э. в находках практически нет. Только маленькая монета № 142 может быть предположительно отнесена к чеканке Пантикопея II в. до н.э., но определение этой очень плохо сохранившейся монеты весьма сомнительно, так как типы ее практически неразличимы. С несколько большей уверенностью можно говорить о другой тоже очень плохо сохранившейся монете № 64. Это, видимо, пантикопейский обол с изображениями стоящего Диониса и головы бога Мена [4, табл. XXII, 179; 5, табл. XLIII, 13], датируемый примерно 90-80 гг. до н.э. До сих пор боспорская чеканка митридатовского времени была представлена в Танаисе только находками двух тетрахалков [3, с.51].

Чрезвычайная редкость находок на Недвиговском городище боспорских монет III-I вв. до н.э. заставила предполагать, что монеты попадали в дополемоновский Танаис в очень небольшом количестве, случайно, и что денежное обращение в городе не было сколько-нибудь развито до начала I в. н.э. [8, с.180-181; 11, с.134-135]. Наши новые материалы не противоречат такому заключению: из общего числа 240 найденных монет только 6 приходятся на первые три столетия

существования города.

Боспорские монеты послеполемоновского времени содержат в средине III в. Владелец дома хранил наиболее ценные мелкие вещи и на них находках в весьма большом количестве. Их хронологиче-ны в помещении ЕН, вероятно, в какой-то шкатулке, металлические распределение соответствует тому, что наблюдалось и в находках которой обнаружены вместе со статерами. Здесь же хранились предыдущих легенд. Немногими экземплярами представлены медные монеты с национальными бляшками, хрустальные, золотые, сердоликовые бусы, царей I в. н.э.: ассы Аспурга /№№ 100, 186/, Гиппепирии /№ 81/, Коробряный туалетный фла-кончик и пр. [18, л. 9-10]. /№№ 30, 121/, дупондий Евники //№ III/, сестерции Рескупорида II/. Находки монет имели место почти во всех помещениях, подвалах и 31, 66, 161, 184, 190, 194/. В гораздо большем числе встречены монетах, разрушенных в середине III в. Как и в предыдущие годы, в боспорских царей II и первой половине III вв. н.э. Савроматы и Котия II, Риметалка, Евпатора, Савромата II, Рескупорида III, Котия III, Савромата III, Иценфимея. Только кратковременное правление Рескупорида III, Котия III, Савромата III, а нередко и более ранние Рескупорида IV не представлено в наших нумизматических материалах. Многократно подтверждается представление о том, что это, вероятно, случайность, связанныя общим очень незначительным количеством разгрома города в нем обращались боспорские монеты, числом мелких двойных денариев, выпущенных этим царем [12, с. 56], выпущенные на протяжении по крайней мере предыдущих полутора р. 53, 231]. Впрочем, находки их на Недвиговском городище известны с конца XVIII века [1, с. 63 сл.; 2, с. 67 сл.; 3, с. 52, с. 67, № 32; 14, с. 126].

Особенно интересны находки биллоновых статеров Рескупорида, подвергшихся разгрому в середине III в., еще не означают обращения Дело в том, что долгое время самым поздним нумизматическим монетам к моменту катастрофы. Так, в подвале М на IV раскопе памятником III в. н.э. с Недвиговского городища были двойнаяряду с денариями и двойными денариями Рескупорида III, Котия III, денарии Иценфимея и его же статеры 237 и 238 гг. [3, с. 52; 15, с. XXI]. Иценфимея обнаружен один асс Аспурга /№ 186/, но он найден в а монет Рескупорида V в находках известно не было. Принимая ассилии скалы, образующей пол подвала, а не в засыпи его, так внимание этот факт, а также то, что наиболее поздняя лапидарные монеты, и, очевидно, не имеют отношения к слою разрушения. надпись из Танаиса датируется 244 г. н.э. [16, с. 102 сл.; 17, № 12]. Такие случаи, однако, единичны. Подавляющее большинство найденных нами был сделан вывод о разгроме города племенами готского союза и мелкого хождения к моменту гибели города в огне готского погрома. во второй половине 40-х годов III в. н.э. [11, с. 135 сл.; 14, с. 1]. Помимо упомянутых боспорских монет наши списки содержат еще Находка в 1976 г. статера Рескупорида V 546 г. боспорской эры, несколько нумизматических памятников иного происхождения. Денарий 249 г. н.э. показала, что в этом году город еще существовал и Адриана 134-138 гг. /№ 20-а/ и Септимия Севера 202 г. н.э. /№ 99/ разрушение его произошло в 250 г. или в одном из последующих годов: находит небольшую группу римских монет II-III вв. н.э., найденных [3, с. 52]. Теперь мы получили целую серию статеров Рескупорида Недвиговском городище ранее, в которых входят единичные монеты V, подтверждающих это положение, они датируются 540 /№ 149/, 541 Граяна, Антония Пия и Фаустины Младшей [1, с. 67; 3, с. 53, с. 30, № 125; 20, №№ 85, 175/, 544 /№№ 150, 154/, 545 /№ 169/, 546 /№ 152/ и 547 /№№ 438; 21, с. 46, №№ 187, 188]. Интересны находки двух тетраскарив 139, 151, 153, 168/ гг. боспорской эры, т.е. 243-250 гг. н.э. Кроме городов Тира, начиная с III в. н.э. /№№ 26, 49/, свидетельствуют о имеется несколько биллоновых статеров этого царя, точные даты существования никаких связей между районом Нижнего Дона и Северо-которых не могли быть прочитаны /№№ 155-159, 176-178/. Так Западным Причерноморьем в это время. Обе монеты найдены в завалах образом время разгрома города отодвигается по меньшей мере еще один год, в начало 50-х годов III в. н.э.

Почти все статеры Рескупорида V / 17 экз./ найдены в одни интересные находки, медная кушанская монета Канишки /№ 110/, комплексе, в помещении ЕН на XIV раскопе в 1988 г. К этому отражающая совсем иные, восточные, связи Танаиса комплексу принадлежит и биллоновый статер Иценфимея 531 боспорской эры /№ 148/. Еще один статер Рескупорида V 547 г. босп

III в. н.э. В такой же ситуации в подвале ЕЖ оказалась еще одна

интересная находка, медная кушанская монета Канишки /№ 110/, отражающая совсем иные, восточные, связи Танаиса

Литература:

1. Шелов Д.Б. Монеты из раскопок Танаиса 1955-1964 гг. //НЭ. 1966. Т. VI.
2. Шелов Д.Б. Монетные находки в Танаисе 1965-1972 гг. Нумизматический сборник. Тбилиси. 1977.
3. Шелов Д.Б., Айсимов А.И. Находки монет в Танаисе в 1980 гг. //НЭ. 1984. Т.XIV
4. Бурачков П.О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря в пределах нынешней Южной России. Одесса, 1984.
5. Зограф А.Н. Античные монеты. //МИА., 1951. № 16.
6. Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI-II вв. до н.э. М., 1956
7. Шелов Д.Б. Еще о боспорских монетах периода денежного кризиса III в. до н.э. //СА, 1981, № 2.
8. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III-I вв. до н.э. М., 1970
9. Шелов Д.Б. О времени основания Танаиса //Античная историоскопия и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.
10. Болтунова А.И. Ранний Танаис (III-II вв. до н.э.). Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1962.
11. Шелов Д.Б. Денежный рынок Танаиса. //ЗОАО, 1960. I (24).
12. Фролова Н.А. Монетное дело Боспора при Рескупориде I (233-234 гг. н.э.) и Иненфимее (234-238 гг. н.э.). //СА. 1974, № 1.
13. Frolova N.A. The Coinage of the Kingdom of Bosporus AD 69-23 Oxford, 1979.
14. Шелов Д.Б. К истории Танаиса. //ВДИ, 1959, № 1.
15. ОАК зг 1867.
16. Болтунова А.И. Танаисская надпись IOSPE, П.454. //ВДИ 1950, № 3.
17. Каталог боспорских надписей, 1965.
18. Арсеньева Т.М. Отчет исследования Нижне-Донского экспедицией Танаиса в 1988 году. //Архив ИА РАН, Р-1, № 13759.
19. Арсеньева Т.М., Наумецко С.А. Усадьбы Танаиса. М., 1992.
20. Леонтьев П.М. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях. //Пропилеи. М., 1854. Т.IV.
21. Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР. САИ Г-4. 1961.

Примечания к приложению «Монетные находки 1981 - 1990 гг.»:

1. В графе «Дата» все цифры, кроме особо оговоренных случаев, означают годы нашей эры; г.б.э. - год боспорской эры.

2. В графе «Издание» сокращения обозначают:

Ф-1 - N.A.Frolova. The Coinage of The Kingdom of Bosporus A.D. 69-238. Oxford, 1979 (BAR,56).

Ф-2 - N.A.Frolova. The Coinage of The Kingdom of Bosporus A.D. 242-342. Oxford, 1983 (BAR,166).

АМ - А.Н.Зограф. Античные монеты. М., 1951 (МИА, № 16).

МТ - А.Н.Зограф. Монеты Тира. М. 1957.

Латинскими цифрами обозначены таблицы соответствующих книг, арабскими - монеты на таблицах.

3. В графе «Место находки» латинская цифра обозначает

сокращения:

кв. - квадрат (площадь)

пом. - помещение

сл.нах. - случайная находка

Монетные находки 1981-1990 г.г.

Приложение

№ № п/п	№ № по описи	Определение	Номинал	Дата	Издание	Место находки
1	2	3	4	5	6	7
1	325	Боспор. Риметалк	Сестерций	1981		
2	461	Боспор. Савромат III	Денарий	ок. 136 г.	Ф-1,ХХIII,15-23	IV, стена 116
3	1811	Боспор. Иненфимей	Двойной денарий	229-231	Ф-1, LIX, 6-8	VI, случ. нах.
4	1612	Боспор. Рескупорид III	Денарий	234-238	Ф-1, LXI-LXII	VI, кв.237, шт17, двор 116
5	2118	Боспор. Савромат I	Сестерций	219-226	Ф-1, III-LIV	VI, кв.235, шт17, двор 116
6	2444	Боспор. Рескупорид III	Денарий	98-104	Ф-1, VII, 16 сл.	VI, пом.ВД, шт.20-21
7	2445	Боспор. Риметалк	Сестерций	225-226	Ф-1, LIII, 23	XIV, кв.53, шт.15
			ок. 136г	Ф-1,ХХIII,15сл	XIV, кв.58, шт.12	
8.	2446	Боспор. Котий II	Сестерций	ок.129-130	Ф-1,XVIII, 6-7	XIV, кв.55, шт.7
9.	2447	Боспор. Савромат I	Сестерций	98-104	Ф-1,IX,25	XIV, кв.55, шт.15
10.	2448	Боспор. Риметалк	Сестерций	ок. 136г.	Ф-1,ХХIII,15сл.	XIV, кв.62, пом.ДК, шт.16
11.	2449	Боспор. Савромат II	Драхма	186-196	Ф-1,XL-XLI	XIV, кв.62, пом.ДМ, шт.15
12.	2496	Боспор.	Сестерций	II в.	-	XIV, кв.58, шт.9
13.	2559	Боспор. Савромат I	Сестерций	ок.115-118	Ф-1,XII,19 сл	VI, пом.ВД, шт.18
14.	2560	Боспор. Иненфимей	Денарий	234-238	Ф-1,L-LII	XIV, кв.64, шт.15
16.	15	Боспор.Рескупорид III	Денарий	211-226	Ф-1,ХХIII,15сл.	XIV, кв.66, шт.12
17.	59	Боспор.Риметалк	Сестерций	ок. 136г.	Ф-1,XXIII,15сл.	XIV, кв.66, шт.12
18.	60	Боспор.	Денарий (?)	II в.	-	XIV, кв.66, шт.12
19.	671	Неопределен	-	-	-	
20.	1726	Боспор. Савромат II	Сестерций	196-210	Ф-1, XLIV, 6	XIV, пом.ДК, шт.23
20-а.	1727	Рим-Адриан	Денарий	134-138	-	XIV, пом.ДК, шт.25
21.	1728	Боспор.	Сестерций	II в.	-	XIV, пом.ДК, шт.23
22.	1729	Боспор. Савромат I	Сестерций	108-115	Ф-1, XI, 14 сл.	XIV, пом.ДТ, шт.20
23.	1855	Боспор. Иненфимей	Двойной денарий	234-238	Ф-1, LXII	XIV, пом.ДТ, шт.22
24.	1871	Боспор. Рескупорид V	Статер	547 г.б.э.=250 г.н.э.	Ф-2, VI, 17 сл.	VI, пом.КА, шт.27
25.	1872	Боспор. Рескупорид III	Денарий	218-223	Ф-1, LIII, 5	VI, пом.КА, шт.20
26.	1873	Тира	Тетраскарий	193-211	МТ, VIII, 4	VI, пом.КА, шт.28-29
27.	189	Боспор. Рескупорид III	Денарий	ок.215-226	Ф-1, LIII, 23	VI, пом.КА, шт.25
28.	1894	Боспор. Иненфимей	Статер	531 г.б.э.=234 г.н.э.	Ф-1, LIX, 22	XIV, пом.ДК
29.	1894A	Боспор.	Денарий	1-ая треть III в.	-	VI, пом.КА, шт.23
30.	2312	Боспор. Котий I	Acc	45-62	AM, XLVI, 9	XIV, стуч. нах.
31.	2356	Боспор. Рескупорид II	Сестерций	90-93	Ф-1, IV, 7 сл.	XIV, пом.ДТ, шт.26
32.	2510	Боспор.	Сестерций	II в.	-	XIV, пом. ДК, шт.21
33.	2511	Боспор.Рескупорид III	Денарий	ок.218-223	Ф-1, LIII	XIV, пом.ДТ, шт.27 ямай
34.	2985	Боспор.Риметалк	Сестерций	ок.136	Ф-1,ХХIII,15сл.	УЛ.пом.КА, шт. 30
35.	2986	Боспор.	Сестерций	II в.	-	VI, пом.КА, шт. 10
36.	3037	Боспор. Савромат	Денарий	229-231	Ф-1, VII, 32	XIV,пом.ДК, шт.25

			1983	
37.	436	Боспор. Савромат I	Сестерций	1117-123 Ф-1, XIV, 4 сл.
38.	453	Боспор. Рескупорид III	Денарий	ок.214-216 Ф-1, L, 26
39.	454	Боспор. Рескупорид III	Денарий	ок.211-224 Ф-1, L-LII
40.	455	Боспор. Савромат I	Сестерций	99-101 Ф-1, X, 45
41.	591	Боспор. Савромат III	Денарий	229-231 Ф-1, LVIII, 32 сл.
42.	592	Боспор. Иненфимей	Двойн. денарий	234-238 Ф-1, LXII, 10 сл.
43.	1369	Боспор. Котий III	Двойн. денарий	227-223 Ф-1, LVII, 8 сл.
44.	1370	Боспор. Иненфимей	Статер	531 г.э.=234 г.н.э. Ф-1, LIX, 37 XIV, подв.КЕ, шт.22
45.	1371	Боспор. Савромат I	Сестерций	1115-118 Ф-1, XIII, 16 сл.
46.	1372	Боспор. Котий III	Денарий	227-233 Ф-1, XVI, 38
47.	1373	Боспор. Савромат I	Сестерций	103-108 Ф-1, X, 10-18
48.	1374	Боспор. Савромат II	Денарий	196-210 Ф-1, LVIII, 20 сл.
49.	1375	Тира	Тетраспассий	211-217 МТ, IX, 2
50.	1376	Боспор. Котий III	Двойн. денарий	227-233 Ф-1, LVII, 18 сл.
51.	1377	Боспор. Савромат I	Сестерций	108-115 Ф-1, XI, 16
52.	1378	Боспор. Котий II	Сестерций	123-132 Ф-1, XXVII, 14 сл.
53.	1379	Неопределима	-	-
54.	1773	Боспор. Савромат I	Сестерций	1115-118 Ф-1, XIII, 3 сл.
55.	1774	Боспор.	Денарий (?)	1-апол.Шв.
56.	2040	Боспор. Савромат I	Сестерций	1115-118 Ф-1, XIII, 4
57.	2041	Боспор. Савромат II	Сестерций	196-210 Ф-1, XIII, 1 сл.
58.	2044	Боспор. Рескупорид III	Денарий	ок.219 Ф-1, XIII, 10
59.	2168	Боспор. Котий III	Двойн. денарий	227-231 Ф-1, LVII, 8 сл.
60.	2176	Боспор	Сестерций	XIV, случ. нах.

			1984	
61.	20	Боспор. Иненфимей	Денарий	234-238 Ф-1, LXII, 31
62.	21	Боспор.	Сестерций	II в.
63.	68	Боспор.	Сестерций	II в.
64.	108	Пантикалей (?)	Обол	90-80 г.до н.э. АМ, XLIII, 13(?)
65.	111	Боспор. Рескупорид III	Денарий	218-223 Ф-1, III, 27 сл.
66.	112	Боспор. Рескупорид II	Сестерций	ок. 80-93 Ф-1, II, 9-12
67.	112-A	Боспор. Иненфимей	Денарий	234-238 Ф-1, LXII, 16 сл.
68.	269	Неопределима	-	-
69.	170	Боспор. Савромат III	Денарий	229-231 Ф-1, IX, 2
70.	171	Боспор.	Сестерций	II в.
71.	172	Боспор. Рескупорид III	Денарий	218-223 Ф-1, III
72.	195	Боспор. Савромат III	Денарий	229-231 Ф-1, LVII' 32 сл.
73.	196	Боспор. Савромат I	Сестерций	98-103 Ф-1, VIII, 16 сл.
74.	197	Б. спор.	Сестерций	II в.
75.	198	Боспор. Иненфимей	Двойн. денарий	234-238 Ф-1, LXI
76.	262	Боспор. Иненфимей	Денарий	234-238 Ф-1, LX-LXIII
77.	263	Боспор. Савромат II	Сестерций	196-210 Ф-1, XLIII, 24
78.	265	Боспор.	Сестерций	II в.
79.	268	Боспор. Савромат I	Сестерций	108-118 Ф-1, XI-XIII
80.	269	Неопределима	-	случ.нах.
81.	273	Боспор. Гиппоксия (?)	Ass (?)	37-38(?) АМ, XLVI, 7(?)
82.	274	Боспор. Иненфимей (?)	Двойн.денарий(?)	234-238(?)
83.	275	Боспор. Котий II	Дунондий	129-130 Ф-1, XVII, 27
84.	276	Боспор. Риметалк	Сестерций	132-154 Ф-1, X XI-XXII случ.нах.
85.	277	Босгор. Рескупорид V	Статер	542 г.б.э.=245 г.н.э. Ф-2, II, 8 VI, случ.нах.

86.	278	Боспор. Котий III	Двойн. денарий	227-233	Ф-1, LVII	случ. нах.	
87.	279	Боспор. Савромат I	Сестерций	98-123	Ф-1, VII-XI, XIV	IV, случ.нах.	
88.	287	Боспор. Савромат II	Денарий	229-231	-	случ.нах.	
89.	289	Боспор. Савромат III	Денарий	211-224	Ф-1, L-LII	XIV, сл.нах.	
90.	680	Боспор. Рескупорид III	Денарий	211-224	Ф-1, L-LII	IV, пом.АД, шт.2	
91.	844	Боспор. Рескупорид III	Сестерций	ок.126	Ф-1, XVII, 9 сл.	IV, у ст.92	
92.	1535	Боспор. Котий II	Сестерций	II в.	-	VI, кв.242, двор 120, шт.19	
93.	1567	Боспор. Рескупорид III	Денарий	ок. 218	Ф-1, L, 19	XIV, кв.3, ст.205	
94.	85	Люспор. Рескупорид III	Денарий	1985	Ф-1, III, 34	VII, пом.ДФ, ст.421	
95.	94	Боспор. Савромат II	Двойн. денарий	ок. 225	Ф-1, XXXVIII, 13 сл.	VI, кв.252, подв.ЕЖ, ст.59	
96.	181	Боспор. Рескупорид III	Денарий	180-196	Ф-1, LIII	VI, пом.ДЦ, шт.16-17	
97.	272	Боспор. Савромат I	Сестерций	218-226	Ф-1, XII, 29	Свалка, сл.нах.	
98.	280	Боспор. Савромат I	Сестерций	115-118	Ф-1, VII-XI, XIV	случ.нах.	
99.	281	Рим. Септимий Север	Денарий	98-123	Ф-1, VII-XI, XIV	случ.нах.	
100.	282	Боспор. Аспург(?)	Acc	202	-	XIV, сл.нах.	
101.	283	Боспор. Савромат II	Драхма	14-37 (?)	AM, XLV, 16 (?)	XIV, случ.нах.	
102.	284	Боспор. Савромат I	Сестерций	180-196	Ф-1, XL-XLI	случ.нах.	
103.	285	Пантиакапей	Террахалк	93-96	Ф-1, VII, 21	случ.нах.	
104.	288	Боспор.	Сестерций	Сер. III в.	AM, XII, 5	случ.нах.	
105.	293	Боспор.	Сестерций	до н.э.	-	XIV, случ.нах.	
106.	294	Боспор. Савромат II	Драхма	II в.	-	случ.нах.	
107.	454	Боспор. Иненфимей	Двойн. денарий	180-196	Ф-1, XI-XLI	XIV, случ.нах.	
108.	455	Боспор. Иненфимей	Денарий	234-238	Ф-1, LXI-LXII	IV, двор АГ, дистерна	
109.	456	Боспор. Савромат II	Драхма	234-238	Ф-1, LXII, 17 сл.	VI, кв.24, шт.25-26	
				180-196	Ф-1, XI-XLI		
110.	79	Купаны. Канишка	-	1986	-	VII, пом.ЕЖ, шт.23	
111.	85	Боспор. Еви(ика?)	Дупондий	ок. 69	AM, XIII, 4	XIV, кв.13, шт.5	
112.	112	Боспор. Рескупорид III	Денарий	ок. 219	Ф-1, III, 13	VI, пом.ЕЖ, шт.22	
113.	2777	Боспор. Савромат III	Денарий	229-231	Ф-1, LVIII, 38	VI, пом.ЕЖ, шт.27	
114.	457	Боспор. Рескупорид III	Денарий	ок. 218	Ф-1, LIV, 9-12	VI, случ.нах.	
115.	458	Боспор. Римметалк	Сестерций	ок.133-134	Ф-1, XXII, 25	XI, случ.нах.	
116.	459	Боспор. Савромат II	Драхма	196-210	Ф-1, XIII, 29	VI, случ.нах.	
117.	460	Боспор. Савромат I	Сестерций	117-123	Ф-1, XIV, 14	случ.нах.	
118.	484	Боспор. Савромат II	Двойн. денарий	196-210	Ф-1, XIII, 18	VI, пом.ЕЗ, шт.28	
119.	485	Боспор. Савромат I	Сестерций	117-123	Ф-1, XIV, 4 сл.	VI, пом.ЕЖ, шт.28	
120.	513	Боспор. Котий	Acc	45-62	AM, XLVI, 10	VI, кв.21, пом.ЕФ, шт.5	
121.	619	Боспор. Рескупорид III	Денарий	ок. 219	Ф-1, LIII	XIV, пом.ЕХ, шт.6	
122.	625	Боспор. Иненфимей	Двойн. денарий	234-238	Ф-1, LXI	VI, пом.ЕЗ, шт.28	
123.	2	Боспор. Савромат II	Двойн. денарий	1987	-	XI, двор 126, шт.6	
124.	3	Боспор.	Сестерций	196-210	Ф-1, XIII, 2	VI, двор 126, шт.6	
125.	7	Неопределена	-	II в.	-	VI, кв.6, шт.2	
126.	8	Боспор. Иненфимей	Двойн. денарий	234-238	Ф-1, LXI-LXIII	VI, пом.ЕК, шт.1	
127.	9	Боспор. Савромат I	Сестерций	115-118	Ф-1, XIII, 16-21	VI, пом.ЕК, шт.15	
128.	73	Боспор.	Сестерций	II в.	-	VI, кв.21, шт.8-9	
129.	74	Боспор. Савромат III	Денарий	229-231	Ф-1, LVIII-LIX	VI, подв.ЕМ, шт.9	
130.	75	Боспор. Рескупорид III	Денарий	ок. 219	Ф-1, LIII, 10-12	IV, кв.73, подв.М, шт.10	
131.	76	Боспор. Иненфимей	Двойн. денарий	234-238	Ф-1, LXI-LXIII	IV, кв.73, подв.М, шт.10	
132.	77	Боспор. Котий III	Двойн. денарий	227-233	Ф-1, LVII, 8 сл.	IV, кв.73, подв.М, шт.10	
133.	78	Боспор. Иненфимей	Двойн. денарий	234-238	Ф-1, LX	IV, кв.73, подв.М, шт.10	

154.	73) Боспор. Иненфимей	Двойн. денарий	234-238	Ф-1, LXI-LXIII	IV, кв.73, подв.М, шт.10
135.	80) Боспор. Иненфимей	Двойн. денарий	234-238	Ф-1, LXI-LXIII	IV, кв.73, подв.М, шт.10
136.	82) Бос. тор. Иненфимей	Двойн. денарий	234-238	Ф-1, LXI-LXIII	IV, пом.АЖ
137.	84) Боспор. Иненфимей	Денарий	234-238	Ф-1, LXI, 7	IV, случ.нах.
128.	86) Боспор. Риметалк	Сестерций	ок. 133	Ф-1, XXII, 4	XIV, подв.ЕШ, шт.29
139.	127) Боспор. Рескупорид V	Статер	547 г.б.э.=250 г.н.э.	Ф-2, VII, 3-13 VI, пом.ЕФ, пол.	XIV, подв.ЕШ, шт.30
140.	128) Боспор. Риметалк	Сестерций	ок. 133	Ф-1, XXXII-XXXIII	XIV, подв.ЕШ, шт.13
141.	129) Неопределена	-	-	-	VI, пом.ЕМ, шт.13
142.	132) Пантикопей(?)	Сестерций	П.в.доп.Э.	-	IV, ст.159
143.	159) Босп. 2.	Сестерций	П.в.	-	VI, случ.нах.
144.	195) Боспор. Савромат II	Драхма	196-210	Ф-1, XLIV, 2	VI, пом.ЕМ, вход
145.	267) Боспор. Рескупорид III	Денарий	1988	ок. 219	Ф-1, LIII, 5
146.	488) Пантикопей	Тетрахалк	2-ая четв. III в. до н.э.	AM, XII, 4 IV, кв.36, лт.1	XIV, пом.ЕН, шт.6
147.	489) Боспор. Савромат II	Сестерций	186-196	Ф-1, XLII	XIV, ст.162
148.	490) Боспор. Иненфимей	Статер	531 г.б.э.=234 г.н.э.	Ф-1, LIX, 32 XIV, пом.ЕН, шт.6	XIV, пом.ЕН, шт.6
149.	491) Боспор. Рескупорид V	Статер	540 г.б.э.=243 г.н.э.	Ф-2, I, 8	XIV, пом.ЕН, шт.6
150.	492) Боспор. Рескупорид V	Статер	544 г.б.э.=247 г.н.э.	Ф-2, III, 14	XIV, пом.ЕН, шт.6
151.	493) Боспор. Рескупорид V	Статер	547 г.б.э.=250 г.н.э.	Ф-2, VI, 39	XIV, пом.ЕН, шт.6
152.	494) Боспор. Рескупорид V	Статер	546 г.б.э.=249 г.н.э.	Ф-2, IV, 31	XIV, пом.ЕН, шт.6
153.	495) Боспор. Рескупорид V	Статер	547 г.б.э.=250 г.н.э.	Ф-2, VI, 39	XIV, пом.ЕН, шт.6
154.	496) Боспор. Рескупорид V	Статер	544 г.б.э.=247 г.н.э.	Ф-2, III, 3-19 XIV, пом.ЕН, шт.6	XIV, пом.ЕН, шт.6
155.	497) Боспор. Рескупорид V	Статер	сер. III в.	-	XIV, пом.ЕН, шт.6
156.	498) Боспор. Рескупорид V	Статер	сер. III в.	-	XIV, пом. ЕН, шт.7
157.	499) Боспор. Рескупорид V	Статер	сер. III в.	-	XIV, пом. ЕН, шт.7
159.	501) Боспор. Рескупорид V	Статер	186-196	Ф-1, XXXV, 24 сл.	XIV, пом. ЕН, шт.7
160.	502) Боспор. Савромат II	Сестерций	сер. III в.	-	XIV, пом. ЕН, шт.7
161.	503) Боспор. Рескупорид II	Сестерций	80-93	Ф-1, II, 4-5	XIV, пом. ЕН, шт.7
162.	504) Боспор.	Сестерций	II в.	-	XIV, пом. ЕН, шт.7
163.	505) Боспор. Рескупорид III	Денарий	218-223	Ф-1, III, 2	XIV, пом. ЕН, шт.7
164.	1011) Боспор. Иненфимей	Двойн. денарий	234-238	Ф-1, LXI, 29 сл.	XIV, пом. ЕН, шт.7
165.	1087) Боспор. Савромат I	Сестерций	98-104	Ф-1, VIII, 17	XIV, пом. ЕН, шт.7
166.	1512) Боспор. Савромат I.	Сестерций	115-118	Ф-1, XIII, 1 сл.	XIV, пом. ЕН, шт.7
167.	1513) Боспор.	Сестерций	II в.	-	XIV, пом. ЕН, шт.7
168.	1514) Боспор. Рескупорид V	Статер	547 г.б.э.=250 г.н.э.	Ф-2, VI, 39	XIV, пом. ЕН, шт.7
169.	1515) Боспор. Рескупорид V	Статер	545 г.б.э.=248 г.н.э.	Ф-2, III, 32-39 XIV, пом. ЕН, пол.	XIV, пом. ЕН, шт.7
170.	1516) Боспор. Иненфимей	Двойн. денарий	234-238	Ф-1, LXI, 29 сл.	XIV, пом. ЕН, шт.7
171.	1517) Боспор. Иненфимей	Двойн. денарий	234-238	Ф-1, LXI, 29 сл.	XIV, пом. ЕН, шт.7
172.	1518) Боспор. Савромат II	Двойн. денарий	196-210	Ф-1, LXIII, 16 сл.	XIV, пом. ЕН, шт.7
173.	1519) Боспор. Савромат I	Сестерций	108-115	Ф-1, XI, 10-11	XIV, пом. ЕН, шт.7
174.	2134) Боспор. Иненфимей	Двойн. денарий	234-238	Ф-1, LXI, 10	XIV, пом. ЕН, шт.7
175.	2135) Боспор. Рескупорид V	Статер	542 г.б.э.=245 г.н.э.	Ф-2, II, 7-8	XIV, пом. ЕН, шт.7
176.	2136) Боспор. Рескупорид V	Статер	сер. III в.	-	XIV, пом. ЕН, шт.7
177.	2137) Боспор. Рескупорид V	Статер	сер. III в.	-	XIV, пом. ЕН, шт.7
178.	2138) Боспор. Рескупорид V	Статер	218-223	Ф-1, LIII, 10	XIV, пом. ЕН, подполом
179.	2139) Боспор. Рескупорид III	Денарий	II в.	-	XIV, пом. ЕН, подполом
180.	2140) Боспор.	Сестерций	-	-	XIV, пом. ЕН, подполом

181.	2141	Боспор. Иненфимей	Двойн. денарий	234-238 1989	Ф-1, LXI, 29 сл.	IV, случ.нах.
182.	5	Боспор. Риметалк	Сестерций	ок. 131	Ф-1, XXI, 12	IV, двор Н., пол 7, яма
183.	7	Боспор. Рескупорид III	Денарий	218-226	Ф-1, III-LIV	IV, подв.М, нижний пол
184.	8	Боспор. Рескупорид II	Сестерций	80-93	Ф-1, I, 30; II, 4	IV, подв.М, ю-з угол
185.	9	Боспор. Котий III	Денарий	229	Ф-1, LVII, 32	IV, подв.М, с-в угол
186.	10	Боспор. Аспург	Ass	14-37	АМ, XLV, 16	IV, подв.М, скальная трещина
187.	53	Боспор. Савромат I	Сестерций	93-123	Ф-1, X сл.	XIV, подв.ДИ, шт.26
188.	54	Боспор.	Сестерций	II в.	-	XIV, подв.ДИ, шт.26
189.	59	Боспор. Рескупорид III	Денарий	218-226	Ф-1, III, 27 сл.	XIV, кв.33, шт.5
190.	4	Боспор. Рескупорид II	Сестерций	90-93	Ф-1, IV, 7 сл.	VI, случ. нах.
191.	5	Боспор.	Денарий	1-ая пол.	III в.	VI, случ. нах.
192.	6	Боспор. Савромат I	Сестерций	99-101	Ф-1, X, 4 сл.	XIV, пом.ИО
193.	9	Боспор. Евпатор	Сестерций	154-173	Ф-1, XXVIII	VI, кв.84, шт.5, вост.пол
194.	43	Боспор. Рескупорид II	Сестерций	90-93	Ф-1, IV, 17-19	XIV, пом.ДИ
195.	277	Боспор. Савромат I	Сестерций	108-115	Ф-1, XI, 16 сл.	XIV, пом.ЕЮ, шт.11
196.	43	Боспор.	Сестерций	II в.	-	XIV, подв.ДИ
197.	428	Боспор. Рескупорид III	Денарий	1990	211-226	Ф-1, L-LII
198.	429	Пантикалей	Тетрахалк	ок.330-315 пт. до н.э.	AM, XL, 18	случ. нах.
199.	430	Боспор. Иненфимей	Двойн. денарий	234-238	Ф-1, LXI, II сл.	случ.нах.
200.	431	Боспор.	Сестерций	II в.	-	случ.нах.
201.	432	Боспор.	Сестерций	II в.	-	случ.нах.
202.	433	Боспор.	Сестерций	II в.	131-154	Ф-1, XXI сл.
204.	435	Боспор. Риметалк	Сестерций	211-226	Ф-1, LIII	случ. "Н.Х."
205.	436	Боспор. Рескупорид III	Денарий	-	-	случ. нах.
206.	437	Неопределена	Тетрахалк	ок.315-300	AM, XLII, 2	случ. нах.
207.	439	Пантикалей	Денарий	211-226	Ф-1, LIII	случ. нах.
208.	440	Боспор. Рескупорид III	Денарий	234-238	Ф-1, LXII-LXIII	случ. нах.
209.	441	Боспор. Иненфимей	Денарий	227-233	Ф-1, LVII, 22	случ. нах.
210.	442	Боспор. Котий III	Двойн. денарий	227-233	Ф-1, LVII, 22	случ. нах.
211.	443	Боспор. Рескупорид III(?)	Денарий	211-226(?)	-	случ. нах.
212.	444	Боспор. Иненфимей	Двойн. денарий	234-238	Ф-1, LXI-LXII	случ.нах.
213.	445	Боспор. Рескупорид III	Денарий	211-226	Ф-1, LIII	случ. нах.
214.	446	Боспор.	Сестерций	II в.	-	случ. нах.
215.	447	Боспор. Рескупорид III	Денарий	ок. 218	Ф-1, LI, 12	случ. нах.
216.	448	Боспор. Рескупорид III	Денарий	211-226	Ф-1, LI-LII	случ. нах.
217.	449	Боспор. Иненфимей	Двойн. денарий	234-238	Ф-1, LXI-1-XII	случ. нах.
218.	450	Боспор. Савромат III	Денарий	229-231	Ф-1, LVIII, 32 сл.	случ. нах.
219.	451	Боспор. Рескупорид III	Денарий	211-226	Ф-1, L-LII	случ. нах.
220.	452	Боспор. Рескупорид III	Денарий	211-226	Ф-1, L-LII	случ. нах.
221.	6/н	Боспор.	Ass(?)	I в.н.э.	-	случ. нах.
222.	447	Босп. р. Рескупорид III	Денарий	ок. 218	Ф-1, LI, 13	случ. нах.
223.	448	Боспор. Рескупорид III	Денарий	ок.218-219	Ф-1, LII, 25	случ. нах.
224.	449	Боспор. Иненфимей	Двойн. денарий	234-238	Ф-1, LX, 30 сл.	случ. нах.
225.	450	Боспор. Савромат III	Денарий	229-231	Ф-1, LVIII, 32 сл.	случ. нах.
226.	451	Боспор. Рескупорид III	Денарий	211-226	Ф-1, L-LII	случ. нах.

Монетные находки, сделанные до 1981 г., но не попавшие в предыдущие публикации:

221. Боспор. Ass(?)

1 в.н.э.

1970

случ. нах.

447 Босп. р. Рескупорид III Денарий

ок. 218

Ф-1, LI, 13

случ. нах.

448 Боспор. Рескупорид III Денарий

ок.218-219

Ф-1, LII, 25

случ. нах.

449 Боспор. Иненфимей

Двойн. денарий

234-238

Ф-1, LX, 30 сл.

случ. нах.

450 Боспор. Савромат III Денарий

229-231

Ф-1, LVIII, 32 сл.

случ. нах.

451 Боспор. Рескупорид III Денарий

211-226

Ф-1, L-LII

случ. нах.

T.M. Арсеньева, С.А. Науменко
 Комплекс находок
 из подвала МБ II-III вв.н.э.

227.	452	Боспор. Рескупорид III	Денарий	211-226	Ф-1, Л-LII	случ. нах.
228.	59	Боспор.	Сестерций	1971	-	случ. нах.
229.	6/н	Боспор. Рескупорид III	Денарий	1975	-	случ. нах.
230.	1571	Боспор. Рескупорид III	Денарий	218-226	Ф-1, LIII-LIV	VI, случ. нах.
231.	6/н	Боспор. Котий I	Дупондий	211-226	-	XIV, подв.У, шт. II
			62	62	AM, XLVI, 15	случ.нах.
232.	6/н	Боспор. Савромат I(?)	Сестерций	1976	-	случ.нах.
233.	6/н	Боспор.	Сестерций	93-123(?)	-	случ.нах.
				1979	-	случ.нах.
234.	2218	Боспор. Рескупорид III	Денарий	ок.218-219	Ф-1, LII, 25	VI, подв.ВВ, шт.32
235.	2226	Боспор. Рескупорид III	Денарий	ок.222-224	Ф-1, LII, 17	VI, подв.ВЧ, шт.32
236.	2244	Боспор. Котий II	Сестерций	ок.123-125	Ф-1, XVI, 3 сл.	VI, подв.ВЧ, шт.32
237.	2252	Боспор. Рескупорид III(?)	Денарий	211-226(?)	-	VI, подв.ГЖ, шт.28

В последние годы раскопки в Танаисе проводились, главным образом, на центральных участках городища, в кварталах II, III. Здесь было открыто свыше десяти усадеб /I/. Большая часть находок происходит из подвалов, сохранившихся значительно лучше наземных сооружений. Особенно в этом отношении выделяется подвал МБ, исследованный в 1990-1991 гг. Он открыт в юго-западном углу квартала III и предположительно отнесен к усадьбе 20 /рис. 1, 1/. С северной стороны он вплотную примыкает к полуподвальному помещению Ф и подвалу У, входящим в состав этой усадьбы. С остальной частью усадебного комплекса его мог соединять узкий проход между подвалом У и помещением Ф /I, с. 98/. С западной и южной сторон его ограничивают проходы, выполненные каменными плитами, ведущие к переулку 4 и в соседнюю усадьбу 19, с восточной - переулок 4.

Вход в подвал III в н.э. в стенах не прослеживается. Вероятно, для этой цели в полу наземного помещения существовал специальный люк. Не исключено, что он находился у восточной стены. Здесь в засыпи был обнаружен бронзовый замок, а танаисские замки, как правило, находят в районе входов в подвалы.

Подвал прямоугольной формы вытянут с востока на запад. Длина его 7,8 м, ширина от 3,8 до 4,2 м, площадь 31 кв. м., глубина от уровня вымостки прохода 1,9 м. Стены сооружены из подтесанного по внешнему фасаду камня. Основания стен уложены на скальной щебенке. Дно подвала - скала, перекрытая предскальным грунтом и поверх него первоначальным глинистым полом. Сверху подвал перекрывали деревянные балки, на которых лежал пол наземного помещения. В засыпи подвала на разных уровнях встречены части обгоревших бревен диаметром от 0,1 до 0,13 м вместе с кусками глиняной обмазки с галечным, щебеночным и керамическим наполнителями. Заполнение подвала - обычное для Танаиса, со значительным количеством камней, упавших со стен наземной части дома и следами пожара. Именно в этом слое обнаружено большое число предметов из верхнего помещения, которые рухнули вниз вместе с перекрытием. По центру подвала отмечены следы обгоревшего дерева, остатки деревянных конструкций, кровли, куски обмазки, обломки черепицы.

В верхнем ярусе подвала обнаружена, главным образом, столовая

посуда: краснолаковая, кружальная, лепная керамика, а также изделия из стекла, бронзы и железа, небольшие амфорки. Кроме того вдоль восточной стены расчищено скопление обожженных глиняных подставок. Они имеют усеченно-пирамидальную форму с отверстиями в верхней части и желобок на верхней площадке. Изредка их стены украшены орнаментом в виде наколок или прочерченных линий. Такие подобные грузила встречаются почти в каждом комплексе, многие из них, видимо, служили опорой для установки переносных глиняных очагов. Аналогичные подставки имел очаг, открытый в усадьбе I7 [1, с. 63, рис. 81]. В верхнем ярусе найден жернов из плотного фиолетового камня квадратной формы и его нижняя прямоугольная плита. Такие жернова встречаются постоянно в усадьбах Танаиса. Широко известны они и на Боспоре [2, с. 88, 124, рис. 132].

Подвал являлся складом тары, которую хозяин расположил в восточной его половине. Крупные амфоры стояли плотными рядами, мелкие располагались компактными группами, образуя очень узкий проход к восточной стене /рис. 1, 2/. Всего в подвале насчитывалось около восьмидесяти узкогорлых стандартных амфор типа D и около ста крупных и средних амфор, представленных двадцатью различными типами из более чем пятидесяти производственных центров. Почти все амфоры имеют надписи, нанесенные красной краской. Многие из них были заполнены зерном и закрыты пробками из стекла красноглиняных амфор. В двух случаях дополнительно к керамическим пробкам имелись пробки из глины грибовидной формы, которые плотно закрывали горловину.

Особо следует отметить монеты, найденные, главным образом, полу в восточной половине подвала. Монеты определены Д.Б.Шеловым, и список их приложен в конце настоящей статьи.

Под слоем пола III в.н.э. в западной части подвала было расчищено углубление в материковой скале площадью 14 кв. м глубиной уровня пола III в.н.э. около 0,4 м. Углубленная часть имела квадратную форму с небольшим овальным выступом в северо-восточном углу размером 0,7 x 1 м. Заполнение здесь - плотный мусорный слой, пестрый по цвету, с прослойками золы, сажи, глинистых подмазок, похожих на подмазки полов. В этом слое очень много мелких камней керамики, костей животных и рыб. Основная масса предметов находилась на плотном утрамбованном полу, расположившемся на уровне 0,25 м выше скального основания подвала. Под ним зафиксирован

более плотный предскальный грунт, почти не содержащий находок. Слой в углублении части подвала датируется II в.н.э. В нем обнаружены многочисленные обломки светло-глиняных узкогорлых амфор типа C, единичные фрагменты амфор других типов, обломки краснолаковой керамики, а также 15 монет, из которых самая ранняя принадлежит Савромату I, 108-115 гг., самые поздние Риметалку, около 136 г. /см. список монет/. Во II в.н.э. подвал очевидно существовал в границах выше описанного углубления. Позже в III в.н.э. произошла его существенная перестройка. Границы подвала расширились, его стены и мусорный слой были снивелированы и затем сдвигнуты стены подвала III в.н.э. При этом южная стена подвала III в.н.э. в границах углубленной части была дополнительно укреплена рядом положенных на торец камней.

Подвал МБ по характеру обнаруженного в нем материала нельзя отнести к особо богатым комплексам II - первой половины III в.н.э., но существенно выделяется обилием монет II - первой половины III в.н.э. Среди последних наиболее многочисленной керамической находкой является амфоры. Поэтому мы особое внимание уделяем их характеристике, приводя подробное описание каждого типа, представленного в рисунках, с указанием размеров, глины, возможных центров производства. Остальные категории материала характеризуются более суммарно.

Амфоры /рисуки 2-17/.

Рис.2. /Зеест 84/ Амфора с цилиндрическим горлом, валикообразный венчик у нее снизу подрезан и имеет небольшую выемку. Конусоидное тулово с покатыми плечами плавно переходит в невысокую коническую ножку, в нижней части туловища кольцевидные широковатые следы от подставки. Ручки широкие, овальные в сечении, между ними на горле под венчиком четыре рельефные бороздки. В нижней части горла граффити. Глина сиреневато-красная с белыми частицами, плотная, поверхность свежая - сиреневая. Высота 1 м, диаметр туловища 0,47 м, диаметр венчика 0,16 м. Подобных амфор в подвале обнаружено 24 экземпляра, их всех объединяет одинаковая форма с наибольшими вариациями: чуть прогнутое туловище в нижней части, чисто округлые в сечении ручки, плоско подрезанный снизу венчик, иногда имеющий выемку, разное количество бороздок на горле /от двух до четырех/, а также различные диаметры венчиков от 0,15 до 0,16 м /см. рис.3; 9, 1, 2/. В Танаисе такие амфоры часто встречаются в комплексах первой половины III в.н.э. Широко известны они и в памятниках

¹ Публикацию надписей подготовил С.М.Пльяненко.

европейской части Боспора: Пантикее, Киммерике, Илурате /2, с. рис.43, 1; 3, с.116, табл. XXXV, 84/.

Дата - первая половина III в.н.э.

Рис.3. /Зеест 84/ Амфора, аналогичная изображенной на рис.2 с некоторыми отличиями: ручки в сечении округлые, на внутренней стороне горла в месте их прикрепления имеется след от пальцев вдавливания. Туло в нижней части чуть прогнуто, на горле уровне ручек имеются два желобка. Глина темно-коричневая с белыми включениями, сподой и крупными бордовыми частицами, покрытая коричневато-красной. Высота 1 м, диаметр туло 0,44 м, диаметр венчика 0,13 м. В Танаисе подобные амфоры диаметр венчика 0,14 м.

Дата - первая половина III в.н.э.

Рис.4. Амфора с высоким, чуть расширяющимся книзу горлом плавно переходящим в покатые плечи. Широкий валикообразный венчик с едва ребристым в средней части. Туло почти цилиндрическое, резко сужается книзу, завершаясь конической ножкой. Ручки широко расставлены, в сечении овальные, профилированы по внешней стороне четырьмя желобками, по внутренней - одним. Средняя часть горла и нижняя часть туло у дна имеют ребристость. Глина коричневато-серая с белыми частицами и сподой, особенно крупные на поверхности. Под ручкой и на плече надпись красной краски. Высота 0,98 м, диаметр туло 0,45 м, диаметр венчика 0,15 м. В Танаисе данный тип встречается редко.

Дата - первая половина III в.н.э.

Рис.5. Амфора с цилиндрическим горлом и массивным валикообразным венчиком, туло, сильно раздутое в верхней части, постепенно сужается ко дну, ножка плоская, с небольшим коническим выступом в центре. Поверхность туло имеет едва заметную ребристость. Глина ярко-оранжевая с мелкой сподой. Верхняя часть амфоры до середины туло за, за исключением ручек и венчика, окрашена широкими горизонтальными ярко-желтыми полосами. Высота 0,96 м, диаметр туло 0,53 м, диаметр венчика 0,16 м. В Танаисе тип встречается редко.

известен один целый экземпляр из подвала КГ усадьбы 10 /1, с. рис.17/. В данном подвале найдено семь экземпляров подобных амфор, отличающихся друг от друга лишь незначительной профилировкой, венчиков и ножек, например, конические выступы на ножках некоторых выходят за пределы срезанного края дна.

накова, но в отдельных случаях заметны белые и бордовые частицы. Дата - первая половина III в.н.э.

Рис.6. Амфора с невысоким горлом, венчик, треугольный в сечении, кверху заужен, туло удлиненно-яйцевидной формы книзу сужается в виде конуса, образуя небольшой выступ. Невысокие, овальные ручки с массивными и широкими прилепами берут начало под небрежно сформированным венчиком. Глина светлая, покрытая с темными частицами и сподой. Высота 0,96 м, диаметр туло 0,44 м, диаметр венчика 0,13 м. В Танаисе подобные амфоры известны по находкам в подвалах квартала III, но они имеют некоторые отличия в размерах и более грубую формовку отдельных частей /с.159, рис.40/. Таких амфор в подвале МБ обнаружено 15 целых экземпляров. Отличия в профилировке и размерах венчика и ножки значительны. Некоторые амфоры имеют припухлое горло. Глина накова, но с некоторыми вариациями в оттенках, отдельные экземпляры отличаются прекрасной формовкой, у нескольких между ручками в верхней части горла есть желобок.

Дата - первая половина III в.н.э.

Рис.7. Амфоры со слегка припухлым в верхней части и зауженным книзу горлом, венчик массивный, сверху плоско срезан, в нижней части имеет небрежно сформованный выступ, в сечении напоминающий клов. Туло яйцевидной формы со слегка прогнутыми в нижней части стенками, ножка невысокая, цилиндрическая, в нижней части туло кольцевидные следы от подставки. Ручки в сечении овальные, внутренней стороны горла в месте крепления ручки имеется вмятие. Глина сиренево-красная с черными и белыми частицами и вкраплениями споды, поверхность покрыта светлым ангобом. Высота 1,02 м, диаметр венчика 0,17 м, диаметр туло 0,5 м. В подвале обнаружены две таких амфоры. В Танаисе данный тип довольно часто встречается в комплексах первой половины III в.н.э. /1, с.140, рис.16/.

Дата - первая половина III в.н.э.

Рис.8,1 /Зеест 72/ Амфора с высоким, почти цилиндрическим горлом, венчик в виде широкого массивного галика имеет небольшой выступ/выемку/ с внутренней стороны. Туло удлиненно-цилиндрической формы, чуть сужается книзу, ко дну заостряется, переходя в низкую коническую ножку. Ручки в сечении уплощенно-овальные, профилированы снаружи четырьмя, а с внутренней стороны

одним продольными желобками. Пологие плечи амфоры, тулово, с исключением небольшого отрезка в нижней части, имеют реберчатую поверхность, более густую в верхней части. На горле под венчиком прочерчен желобок. Глина яркая оранжево-красная с примесями белых частиц, поверхность покрыта светло-зеленоватым ангобом. Высота 1,02 м, диаметр туловища 0,38 м, диаметр венчика 0,15 м. В подвале найдена еще одна такая же амфора, но без выемки на внутренней стороне венчика. В Танагре подобные амфоры довольно часто встречаются в комплексах первой половины III в.н.э./1, с.141, рис.19/. Зесь объединяет их в «мирмекийский» тип, производство которого было наложено в Пантикеас или его окрестностях во II-III вв.н.э./3, с.111, 112, табл. XXX, 72 а/. В.Ф.Гайдукевич датирует аналогичные амфоры по находкам их в рыбозасолочных ваннах Мирмекия второй половины III - первой половиной IV в.н.э./4, с.206-207, рис.124/.

роздки, а в средней части - слабое рифление. Глина плотная розовато-красная с мельчайшими белыми частицами. Высота 1,04 м, диаметр тела 0,49 м, диаметр венчика 0,15 м. Подобные амфоры см. на рис.2, 3. Дата - первая половина III в.н.э.

Рис.8,2 /Зеест 75/ Амфора с высоким и широким горлом, припуклым в верхней части и расширяющимся книзу, венчик в сечении треугольный, снизу выделен широким горизонтальным желобком. Очень узкие покатые плечи переходят в овальное тулово, завершающееся короткой и массивной конусовидной ножкой. Ручки сложного профильтрованные, в сечении овальные, имеют на внешней стороне две продольные валика и между ними один низкий, на внутренней стороне - один узкий глубокий желобок. Горло и почти все тулово, с небольшим исключением, имеет реберчатую поверхность, особенно густую в месте перехода плеч в тулово. Глина яркая, оранжево-красная с мельчайшими белыми и редко черными частицами. Высота 1,11 м, диаметр туловы 0,49 м, диаметр венчика 0,22 м. В подвале обнаружен пять амфор этого типа, из них одна меньшего размера /см. рис.10, 3/, другие отличаются профилировкой венчика и ручек. В Танаисе этот тип один из наиболее широко встречающихся в комплексах первой половины III в.н.э. /1, с. 144-145, рис.24, 2; с.151, рис.29, 3/. Он был широк распространен и на Боспоре, и за его пределами, включая и Западное Причерноморье /3, с.112-113, табл.XXXI, 75/.

Рис.9.1. Амфора с прямым, чуть зауженным в средней части горлом, валикообразный венчик снизу горизонтально подрезан, кверху заужен. Тулово яйцевидной формы имеет покатые плечи, ко дну оно сужается, завершаясь невысокой конической ножкой. Ручки в сечении овальные, в месте прилепов с внутренней стороны имеются углубления отпечатками пальцев, на верхней части горла напесены рельефны

Дата - первая половина III в.н.э.

Рис.10.1. Амфора с цилиндрическим горлом, валикообразный венчик горизонтально подрезан снизу, имеет выемку, плечи слабо покруглены, туловь яйцевидной формы, в нижней части сходит на конус, образуя дно. Ручки округлые в сечении, близко посаженные к горлу на плечиках, очень массивные у основания под венчиком. На горле между ручками и на плечиках прочерчены узкие желобки. Глина ярко-оранжевая с мелкими белыми, черными и редко бордовыми частицами. Высота 1 м, диаметр туловь 0,47 м, диаметр венчика 0,16 м. Подобные амфоры часто встречаются в комплексах Танаиса первой половины III в.н.э. /5. с. 158, табл. XXIX, 1; 1, с.146, рис.26, 1/.

Рис.10,2. Амфора с цилиндрическим горлом, валикообразным подрезанным снизу венчиком, тулово удлиненно-овальное, в нижней части сходит на конус, образуя дно. Ручки, треугольные в сечении мягких очертаний, с внутренней стороны профилированы неглубоким продольным желобком. На горле на уровне ручек и на плечике нанесены горизонтальные прочерченные линии. Глина светло-оранжевая с мелкими белыми и крупными бордовыми частицами. Высота 0,98 м, диаметр туловища 0,44 м, диаметр венчика 0,15 м. Амфоры этого типа широко представлены в Танайсе первой половины III в.н.э., они относятся к тому же типу, что и амфора на рис.10,1.

Рис. 11.1. Нижняя часть амфоры, туло́во овальной формы со слегка прогнутыми в нижней части стенками, плавно сходящими на конус и образующими дно. Все туло́во покрыто рифлением более густым в верхней и нижней его частях. Глина светло-бежевая с редкими примесями споды. Высота туло́ва 0,46 м. Диаметр туло́ва 0,32 м. Целый экземпляр этого типа см. на рис. 11.2.

Дата - первая половина III в.н.э.

Рис.11,2. Небольшая амфора, хорошо сформованная, с очень коротким и узким горлом /одна десятая часть длины/, венчик в виде широкого уплощенного валика, заужен кверху, "уово, почти правильной овальной формы, равномерно сужается ко дну и к горлу, верхняя и нижняя части его покрыты рифлением, ножка имеет вид

едва выступающего цилиндра диаметром 0,02 м. Ручки невысокие, чуть приподняты, в сечении овальные. Глина плотная, розоцилиндрическим горлом, нижняя половина которого имеет широкое бежевая, с черными частицами и мелкой сподой. Высота 0,45 м, диаметр венчика 0,7 м. В Танаисе этот тип амфоры и сильно выступающий валик. Тулоно конической формы с встречается крайне редко, однако в нашем подвале обнаружено очти горизонтальными плечами, ножка высокая цилиндрическая, ре подобных экземпляра, один из которых отличается оформлением внутри полая, снаружи ребристая. Ручки широкие до 0,25 м высотой, дна (см.рис.11, 1). Еще одна такая целая амфора обнаружена в сплощенно-овальные в сечении, профилированы по внешней стороне подвале ИЦ усадьбы 22.

Дата - первая половина III в.н.э.

Рис.11,3. Небольшая одноручная амфора-кувшин с невысоким туловом 0,24 м, диаметр венчика 0,08 м. В Танаисе данный тип зафиксирован чуть расширенным книзу горлом, венчик в сечении треугольный в комплексах первой половины III в.н.э., но встречается в форме, тулоно яйцевидное, максимально расширено в вередко. В нашем подвале обнаружено три экземпляра: один - с уровня части, плечи крутые. Невысокая цилиндрическая ножка имеет на земного помещения, две амфоры стояли на полу, одна из них была кольцевой поддон. Уплощенно-овальная ручка, профилированная и полнена железными гвоздями. Тип выделен Зеест на основании им желобком по внешней стороне, крепится на плече. Потяходок в Киммерике, Илурате, Семеновке и датируется ею не позже поверхность амфоры, за исключением нижней части, покрыта рис. II в.н.э. /3, с.114, табл.XXXIII, 79/. Гайдукевич В.Ф. приводит горло именем, а верхняя часть туловы окрашена в темно-красный цвет. Такой же амфоры из рыбозасолочных ванн Тиритаки, относя его к III свекло-бежевая с примесями мельчайшей споды. Высота 0,39 м. в.н.э. и полагая, что оно происходит из какого-то восточно-средиземноморского туловы 0,2 м, диаметр венчика 0,05 м. Амфоры этого центра /2, с.268, рис.20/. В материалах Афинской широко представлены в Танаисе в комплексах первой половины горы эти амфоры известны с первой половины III в.н.э. по V в. /10, в.н.э. /9, с.79, рис.2, 5; 1, с. 157-158, рис.38, 2; с.154, рис.34, 2/. .69, pl.15, K 113; pl.16, L.33; pl.28, M 237; pl.29, M 274; pl.31, M 303/. Г.

Сузманов объединяет подобные амфоры в тип VII с датой III - начало

Рис.11,4. Одноручная амфора-кувшин с узким цилиндрическим горлом, венчик в виде треугольного в сечении валика, тулоно из раскопок в Бернике выделяет их в тип MR 7, отмечая его асимметрическое, биконическую форму очень мягких очертаний, искрение по всему Средиземноморью, исключая Испанию, с начала высокая цилиндрическая, книзу расширяется, образуя кольцевой II в.н.э. Наиболее широко они представлены в Восточном Средиземноморье с глубокой внутренней профилировкой. Петлевидная, овальное, где, как он полагает, они производились. В Бернике тип сечения ручка, профилированная снаружи неглубоким желобом широко распространена в период с начала - середины III в.н.э. /8, крепится на горле и на узком плече, где она раздваивается. Ст.189-193, Fig.84, 243/. Хейс отмечает наличие этого типа амфор /типа туловы очень тонкие с рифлением. Глина светлая, бежевая, с призгом в слоях виллы Дионисия в Кноссе. Он относит его появление к ми споды, верхняя часть амфоры покрыта коричневато-краконцу II в.н.э. /11, р.155. Fig.25, 86, 87/. В Остии данный тип появляется краской. Высота 0,46 м, диаметр туловы 0,21 м, диаметр венчика с конца II в.н.э. /12, р.616, 617, Fig.11/. Д.П.Рикок и Д.Вильямс м. Относится к серии амфор-кувшинов, имеющих широкий ареал и объединяют подобные амфоры в класс 47 - амфоры с «полой ножкой», время бытования с I по IV в.н.э., когда появляются у этого типа времена их бытования III-IV вв.н.э., хотя возможен и самый конец II ручки /3, с.118-119, табл.XXXVIII, 95; 6, с.17, обр.I, VIII; 8, р.188 в.н.э., в Британии амфора распространена с конца III до начала IV Fig.83, 228-234; 7, р.188-190, Fig.107/. В подвале открыто 4 экземпляра /7, с.193-195, Fig.112/.
ра таких амфор. В Танаисе они встречаются чаще в комплексах первой половины III в.н.э. /9, с.79, рис.2, 4; 1, с.149-150, рис.149, рис.29, 1; с.158, рис.38, 3/.

Рис.12,2. Небольшая амфора с широким и высоким горлом, слегка зауженным в верхней части, венчик в виде широкого валика с вогнутой поверхностью и заостренным краем. Тулоно короткое, яйцевид-

ной формы, плечи очень узкие, ножка в виде кольцевого пояса. Настоящий экземпляр отличают тщательность формовки, Ручки уплощенно-вальные в сечении, профилированы снаружиий размер и профилировка ножки. мя продольными желобками. Глина красновато-беж звяя с бел

черными частицами, поверхность всей амфоры и на одну треть **ис.13,3.** /Зеест 75/. Горло амфоры, книзу чуть расширяется, изнутри покрыты светлым ангобом. Горло и глечики имеют в сечении треугольной формы. Высота 0,54 м, диаметр туловища 0,27 м, диаметр венчика 0,15 м, высота горла 0,2 м. Диаметр дна 0,1 м, высота горла 0,2 м. Под ручкой и на горле находятся высокими валиками, изнутри одним узким и глубоким красной краской /см. рис. 12, 3/. В подвале находилось еще две амфоры симметричным желобком. Глина красная с мелкими белыми частицами. Одна из них упала с первого этажа. Вторая стоит. Высота горла 0,22 м, диаметр венчика 0,15 м. Амфоры этого типа и имела точно такую же надпись. Все они одинаковы, но более крупных размеров, часто встречаются в Танаисе в исключением небольших отклонений в размерах и оттенках пройках первой половины III в.н.э. /см. описание к рис.8,2/. Например, розоватый у одной из амфор. Для Танаиса даны

довольно редкий и встречается, главным образом, в компл. Рис.13,4./Зеест 91, 92, 93/. Горло аккуратно сформованное, узкое, первой половины III в.н.э. /1, с.157, рис.38, II/. Похожая аму расширяется, венчик - слегка отогнутый утолщены й валик. издана В.Ф.Гайдукевичем из раскопок Мирмекия II-III вв.н.э. до в верхней, средней и нижней частях имеет врезные линии. Ручки

Рис.13.1. Амфора с высоким цилиндрическим горлом, венецианского стекла, в виде узкого валика, туловь яйцевидной формы с покатыми плечами, ножка невысокая, цилиндрическая, с вогнутым дном. Ручки широкие, овальные, сильно уплощены и слабо профильтрованы тремя желобами.

Они широко расставлены, в месте изгиба чуть приподняты. На в месте их прилепа небольшой валик. Глина светлая, бежевая с элементом мелких включений споды и большим числом белых волокон. Высота 0,65 м, диаметр туловища 0,3 м, диаметр венчика 0,7 м, диаметр дна 0,06 м. Аналогичные амфоры встречаются в Танаисе в комплексах первой половины III в.н.э. Так, в помещении Т 1.а раскрыто пять таких амфор. Отличают их от нашей ребристой амфоры туловище и оттенки глины /5, с.149, табл.X,2/. Этот тип амфор находит аналогии в материалах Афинской агоры первой половины II в. до н.э. /10, р.9, пл.15, К 114/. Хейс объединяет подобные амфоры в группу, выделены они в находках Кносса /11, р.145, Fig.21, 33-35/.

Рис.13,2. /Зеест 91, 92, 93/ Амфора, венчик утрачен, горло расширяющееся книзу, тулово коническое со слабо покатыми плечами, завершается маленькой щокой с неглубокой выемкой снизу. Тулово мелкое рифление. Ручки уплощенно-овальные, слабо профильтованы желобком. Глина розовато-бежевая с мелкими белыми частицами. Высота 0,44 м, диаметр туловища 0,21 м. Амфора относится к широко распространенному в Танайсе типу D - узких светлоглиняных амфор первой половины III в.н.э. /13, с. 50-162, рис. 43, 2; 44/. Похожую амфору приводит И.Т.Кругликова в материале Горгиппии II-III вв.н.э. /14, с.150, рис.37, 12/. Дата - первая половина III в.н.э.

Рис.13,4. /Зеест 91, 92, 93/. Горло аккуратно сформованное, узкое, а^у расширяется, венчик - слегка отогнутый утолщенье і валик. ло в верхней, средней и нижней частях имеет врезные линии. Ручки тельные в сечении профилированы двумя небольшими валиками. на светло-коричневая, очень плотная с мелкими черными и редко дловыми частицами. Диаметр венчика 0,06 м. Относится к типу D и описание к рис.13,2/.

Рис.14.1. Амфора /реконструкция/, утрачены нижняя часть и дно. Мло, узкое и длинное, плавно переходит в сильно покатые плечи. В наней части оно расширено, имеет асимметричные пропорции. Ий утолщен и выделен едва заметным уступом. Тулово удлиненно-Мльной формы с перехватом в нижней половине, в месте перехвата Олки особенно утолщены. Ручки широкие плоские, профилированы Рмя желобками. Они низко опущены, имеют слабый изгиб в средней асти, крепятся под венчиком, как бы охватывая горло и образуя тем Iым острый горизонтальный валик вокруг него и в месте перехода Тла в плечи. Характерная деталь: имеются гнезда, в которые как бы артились уже сформированные ручки. Глиняная буряя темно-красная

авлялись уже сформованные ручки. Глина бурая, темно-красная, гистая с мелкими черными и крупными светлыми включениями. Высота 0,78 м, диаметр туловища 0,3 м, высота горла 0,16 м, диаметр горла 0,1 м. В Тагчысе подобные амфоры встречаются редко [1, 130-162, рис. 43, 2; 44]. Похожую амфору приводит И.Т.Кругликова [материалы Горгиппии II-III вв.н.э./14, с.150, рис.37, 12].
Дата - первая половина III в.н.э.

Рис.14.2. Верхняя часть туловища амфоры, ручки и дно утрачены. Тулово, оно узкое, расширяется книзу, переходя в покатые плечи. Туловище,

раздугтое в верхней части, имеет перехват. Ручки у основания уплощено-овальные. Глина коричневая, похожая на глину амфоры рис. 14,1. Диаметр тулоа 0,28 м, диаметр горла 0,06 м.

Дата - первая половина III в.н.э.

Рис.14,3. Ножка амфоры. Высокая, цилиндрическая, массивная плоско-резанная с небольшим углублением в центре. Глина ярко-розовато-красная с белыми и черными блестящими частицами. Верхность коричнево-красная.

Дата - первая половина III в.н.э.

Рис.14,4. Горло амфоры с прямым заостренным венчиком, скруглено-заострен, снизу подчеркнут небольшим уступом. Ручки бь началью от уступа. Они утрачены, но от них сохранились гнезда. Глина темно-красная с крупными темными частицами, мельчайшей слюдой и белыми включениями. Диаметр венчика 0,1 м. Амфора относится к типу коричневоглиняных амфор, см. похожий экземпляр на рис. 14,1.

Дата - II-первая половина III в.н.э.

Рис.14,5. Нижняя часть амфоры, имеющая коническое дно с круглым выступом в центре. Глина светлая с черными частицами. Диаметр выступа 0,04 м. В подвале обнаружено два обломка донов подобной амфоры.

Дата - II в.н.э.

Рис.15,1. Фрагменты горла и ручек амфоры. Венчик в виде толстого, сужающегося кверху валика, профицированного двумя горизонтальными желобками. Снизу он ровно подрезан и имеет небольшую выемку. Ручки в сечении подтреугольной формы мягких очертаний профицированы одним высоким валиком и тремя желобками по внешней стороне и одним желобком по внутренней. Глина темно-красная, плохо обожжена, по составу очень похожа на глину амфоры, изображенной на рис.8,1. Поверхность покрыта светлым ангобом. Диаметр венчика 0,15 м. Обломки аналогичной амфоры были обнаружены на усадьбе 17 первой половины III в.н.э. /1, с.160, рис.43, II. По-видимому, подобные амфоры относятся к широко распространенному на Боспоре типу амфор с клюшевидными венчиками и ручками типа миремейской, которые И.Б.Зеест датирует II-III вв.н.э. /3, с.112, табл.XXX, 73/.

Рис.15,2. Амфора с узким цилиндрическим горлом. Венчик в виде

уплощенного валика, тулоа почти правильной овальной формы, одинаково равномерно сужается как к горлу, так и к дну. Ножка высокая коническая, с валикообразным ободком в средней части. Невысокие ручки, уплощенно-овальные в сечении, приподняты кверху, крепятся в средней части горла и на сильно покатых плечах. Высота горла примерно равна высоте ножки - 0,01 м. Глина плотная, бежевого цвета с белыми частицами и редкой слюдой, поверхность красноватая, в нижней части горла и на тулове имеется рифление. Высота 0,54 м, диаметр тулоа 0,26 м, диаметр венчика 0,06 м. В Танаисе это единственный целый экземпляр.

Дата - первая половина III в.н.э.

Рис.15,3. Амфора с невысоким воронкообразным горлом, край которого утолщен, книзу горло расширяется, переходя плавно в тулоа яйцевидной формы с максимальным расширением в средней части. Ножка - невысокий и широкий кольцевой поддон. Ручки невысокие, овальные в сечении, профицированы по внешней стороне двумя валиками, крепятся в средней, наиболее узкой части горла и на плечах в месте их перехода в тулоа. Горло и большая часть тулоа реберчатые. Глина яркая, красная с белыми и черными частицами, последние расплывшись, образовали темные пятна, придающие характерную окраску. Высота 0,43 м, диаметр тулоа 0,26 м, диаметр венчика 0,09 м, диаметр дна 0,09 м. Редкий для Танаиса тип.

Дата - первая половина III в.н.э.

Рис.15,4. Амфора, верхняя половина. Горло цилиндрическое, чуть расширено книзу, седва заметным рифлением в нижней части. Венчик - невысокий толстый валик. Тулоа, по-видимому, яйцевидное, максимально расширенное в верхней части. Ручки, овальные в сечении, слабо профицированы двумя желобками, крепятся под венчиком и у горла. На горле и на плечах между ручками прочерчены узкие желобки. Глина светлая, бежевая, плотная с мельчайшими блесками слюды и редкими крупными бурьими частицами. Высота горла 0,15 м, диаметр венчика 0,13 м, диаметр тулоа 0,43 м. Амфора, по-видимому, относится к типу довольно распространенных в Танаисе амфор первой половины III в.н.э. /1, с.159, рис.40/, см. амфору на рис.6.

Рис.16,1. /Зеест 94/ Амфора с узким расширяющимся книзу горлом, венчик - массивный выступающий валик с заостренным в верхней части ребром. Тулоа коническое, ножка - невысокий узкий кольце-

вой поддон. Ручки, овальные в сечении, профилированы с югом большим количеством черных частиц споды, видимой даже на одним валиком, рассечен лым глубоким желобком. Глина сверхности. Диаметр венчика 0,19 м.
мелкими черными частицами. Эта амфора относится к типу С. Дата II в.н.э.

Подобные амфоры известны в городах и поселениях Боспора /3, Рис.17,2. Ручка амфор I, свальчая в сечении, профилирована с 119, табл. XXXVIII, 94/. Хейс приводит аналогичную амфору изней стороны двумя несимметричными валиками, с внешней стороны - одним. Глина оранжево-коричневая с мелкими белыми и

Рис.16,2. Невысокая одноручная амфора-кувиции, часть гдата - первая половина III в.н.э.

иожка утрачены. Тулово удлиненное, почти цилиндрической ф

ко дну сужается, образуя конус. Поверхность туловища ребристая. Рис.18. Амфора-кувшин с одной ручкой (реконструкция). Горло овальное в сечении, профицирована с внешней стороны высокое, цилиндрическое с широким, почти плоско срезанным жгутом, крепится под венчиком и на плече, раздваивается у основания. В средней и нижней частях горла имеются рельефные пояски. Глина красно-желто-коричневая с мельчайшей сподой, довольно правильной формы, дно - на низком кольцевом поддоне. Высота 0,42 м, диаметр туловища 0,18 м /см. ножку подобной амфоры, уплощенно-овальная в сечении, профицирована по внешней рис.16, 2/. В Тананесе этот тип амфор встречается не очень часто одним желобком, крепилась над краем венчика. Глина сиренево-помещечная первой половины III в.н.э. /1, с.158, рис.38, 4/. В мраморно-розовая с крупными бурьими частицами и редко с подвой. По-алах Афинской агоры аналогичная амфора приведена из слоя X покрыта светло-зеленоватым ангобом, на котором замечена середины II - начала III в.н.э. /10, р.50-51, 56, пл. IIj, 47/. Чёрные включения. Высота 0,42 м, диаметр венчика 0,17 м, диаметр

Рис.16,3. /Зеест 78/ Амфора узкогорлая, венчик утрачен

конической формы со слегка выпуклыми плечами, дно в виде наклонного кольцевого поддона. Ручки, уплощенно-овальные в сечении, крепятся в нижней части горла и в самой широкой части туловища. Туловище плотная, бежевая с мелкими черными и редкими белыми блестящими частицами. Высота 0,6 м, диаметр туловища 0,34 м, диаметр дна 0,15 м. Гапанес подобные амфоры часто встречаются в помещениях, построенных в середине III в.н.э. /1, с.147, рис.27, I; с.150-151, рис.29, 2/.

Рис.16,4. Нижняя часть одноручной амфоры-кувшина (см. же амфору на рис.16,2). Цилиндрическое тулово ко дну сужающееся, образуя высокую ножку на кольцевом поддоне. Глина буро-красная, плотная, слонистая с большим количеством мелкой супеси. Диаметр ножки 0,04 м.

Дата - первая половина III в.н.э.

Рис.17.1. Горло и ножка крупной айфоры. Венчик массивный, треугольный в сечении, кверху утолщается, образуя склоненную ку широкую площадку. Горло широкое. Ручки, очевидно, крепят под венчиком. Ножка массивная, коническая. Глянца оранжево-

Рис.18. Амфора-кувшин с одной ручкой (реконструкция). Горло высокое, цилиндрическое с широким, почти плоско срезанным краем. В средней и нижней частях горла имеются рельефные пояски. Круглое, правильной формы, дно - на низком конусовом поддоне. Круглая, уплощенно-овальная в сечении, профицирована по внешней поверхности одним желобком, крепилась над краем венчика. Глина сиренево-розовая с крупными бурьими частицами и редко с белой. Поверхность покрыта светло-зеленоватым ангобом, на котором заметны темные включения. Высота 0,42 м, диаметр венчика 0,17 м, диаметр дна 0,29 м, диаметр дна 0,12 м. На плече граффити.

Краснолаковая керамика представлена несколькими целыми со-
ами и многочисленными обломками, обнаруженными как в засы-
павшем подвале, так и на его полу. Семь целых сосудов, стоящих один в
том, были раскрыты у восточной стены, поверх находившихся
самых амфор. Это чаши, тарелки и миски с вертикальным бортиком на
кольцевом поддоне боспорского производства /рис. 20, 2, 4; 22, 1/. Подо-
лесосуды часто встречаются в комплексах Танаиса первой половины
в.н.э. /1, с.16, рис.50, 2 4; 54, 4, 5; 55, 1, ?/. Здесь же открыты сосуды и
из азийского производства: тонкостенная высокая чашечка с верти-
чальным бортиком на кольцевом поддоне с вогнутым во внутрь дном.
и украшена врезными бороздками по бортику и тулову, особенно
глубокими у дна /20, 3/; низкая тарелка с загнутым внутрь краем /рис. 20,
пергамского круга производства /1, рис.56, 10/.

Краснолаковая керамика II в.н.э. дошла до нас в обломках. Они относятся к тарелкам, чашам, мискам и сосудам закрытых форм /рис.21, 2, 4-9/. Следует отметить блюда с рельефным бортиком /рис.29, 10/ также фрагмент донца и стенки мегарской чаши из светлой плотной глины бежевого цвета, насыщенной блестками/, поверхность покрыта

оранжево-красным лаком. Стенки чаши украшены стилизованными листьями. На дне остатки клейма с именем керамиста Менемаха /рис. 21, 3/. Обломки подобных чаш встречаются в Танаисе, а также с расширением. Она была частично деформирована в пожаре, один из которых центров Боспорского царства, особенно в Пантике. /рис. 157-159, рис. 4/. Возможно трубочка служила для взятия пробы вина или для каких-то других производственных

возможными формами из античных центров. Среди них наиболее многочисленную группу, семь целых и множество обломков, составляют изделия из железа и бронзы открыты в подвале в небольшом количестве кастриоли. Одна из них имеет биконическое тулово /рис. 24, 1/ ве. Часть из них найдена в слое засыпи, другие лежали на полу среди остальных тулово яйцевидной формы со слабым рифлением поверх. Особенное много в подвале железных гвоздей. Одна из стоявших хности /рис. 24, 2, 3; 25, 1/. У всех край отогнут наружу и имеет выемку амфор была целиком заполнена ими.

Крышки /см. подобные кастриоли /1, рис. 61, 3, 4, 6/. Найдены среди орудий труда отметим кусок с обломанным концом /рис. 32, 1/ обломки и одна целая крышка для таких кастриоли /рис. 25, 3; 26, 1/. Найдено также и нож /рис. 32, 2/. Особо выделяется массивный железный гроб /рис. 22, 2/. Подобных вазочек открыто уже достаточно много деревянного тленя и железный стержень /рис. 32, 4/. Отверстие для крышки можно сказать о постоянном их ввозе в Танаис во II-III вв.н.э.

В отдельную группу выделяются находки вазочек из светлой глины с плоско срезанными концами, края его со следами забитости, красновато-розовой глины. Поверхность их имеет зеленоватый цвет средней части отверстие, видимо, для рукояти. В нем сохранились гоб /рис. 22, 2/. Подобных вазочек открыто уже достаточно много деревянного тленя и железный стержень /рис. 32, 4/. Отверстие для крышки можно говорить о постоянном их ввозе в Танаис во II-III вв.н.э.

Большую группу привозных сосудов составляют кувшины различиваться такой массивный предмет. размеров и форм, иногда орнаментированных рифлением, насечками. Обнаружено два замка: один целый бронзовый с железной цепью; от Часть из них дошла до нас в обломках /рис. 22, 3; 23, 1-5; 26, 4, 5/. Другого, железного, уцелела только крышка лицевой стороны /рис. 31, 1, 2/. Одна из интересных находок - железные кандалы /рис. 30/. В Танаисе линзическим горлом, раздутым тулово и вогнутым дном, тулово аружене уже несколько экземпляров кандалов аналогичного устроения. Все они найдены в комплексах первой половины III в.н.э. и, покрыто рифлением /рис. 22, 4/.

Миски в основном представлены обломками. Сохранились три, происходящие из одного производственного центра /1, с. 24, рис. 110/ целых экземпляра одного типа на плоском дне, с расширяющимися краями. Отметим также находку язычка от бронзовой пряжки, обнаруженной кверху стенками и ручками-налепами треугольной формы, различающуюся диаметрами от 0,2 до 0,29 м /рис. 25, 2; 26, 6/. Пряжка имеет в средней части прямоугольное расширение, на концах которого располагаются кольца с несокрушимыми

Только два кружальных кувшина из серой глины имеют лощеную поверхность. У них округлое тулово и расширяющееся к венчию горло, на ручке уступ /рис. 26, 2/. В слое подвала II в.н.э. был найден бронзовый предмет в виде

Лепной посуды немного. Это обломки горшков и мисок. Выделенный, на другом - прямогоугольная лопаточка с заостренным краем /рис. 29, 9/. Подобный предмет изображен в правой руке мужчины на гробном рельефе из Пальмиры, который был приобретен археологом.

Стеклянных изделий открыто достаточно много. Это стаканчик из музеем в Константинополе в 1901 г. во время экспедиции в миски на кольцевом поддоне, фиалы с орнаментом в виде насечек /рис. 27, 28/. Особо отметим фиалу с кругами, стенки сосудов с накладными нитями и фрагменты миски /рис. 27, 9/. Похожая фиала открыта в Танаисе на раскопе /рис. 29, 6/ и разнообразные бусы, вставки и подвески /рис. 29, 2-5, 11-14/

Прочие находки. Среди них отметим обломки терракотовой маски /рис. 29, 1/, светильников /рис. 29, 7, 8/, деревянного двустороннего гребня /рис. 29, 6/ и разнообразные бусы, вставки и подвески /рис. 29, 2-5, 11-14/ также значительное число монет /список которых приводится/.

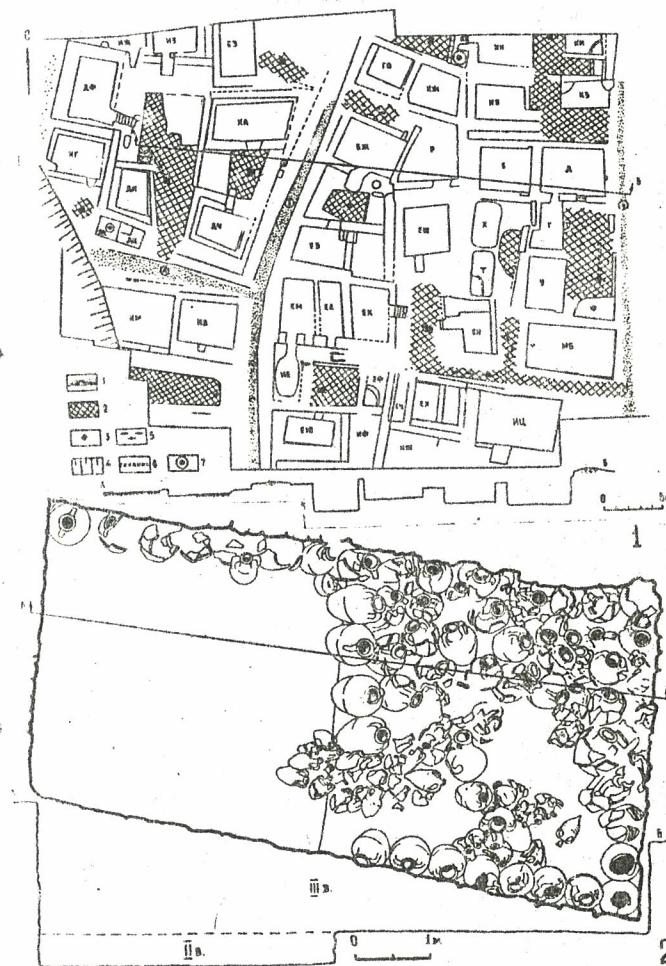

Рис. 1. 1. План квартала III

2. Амфоры в подвале

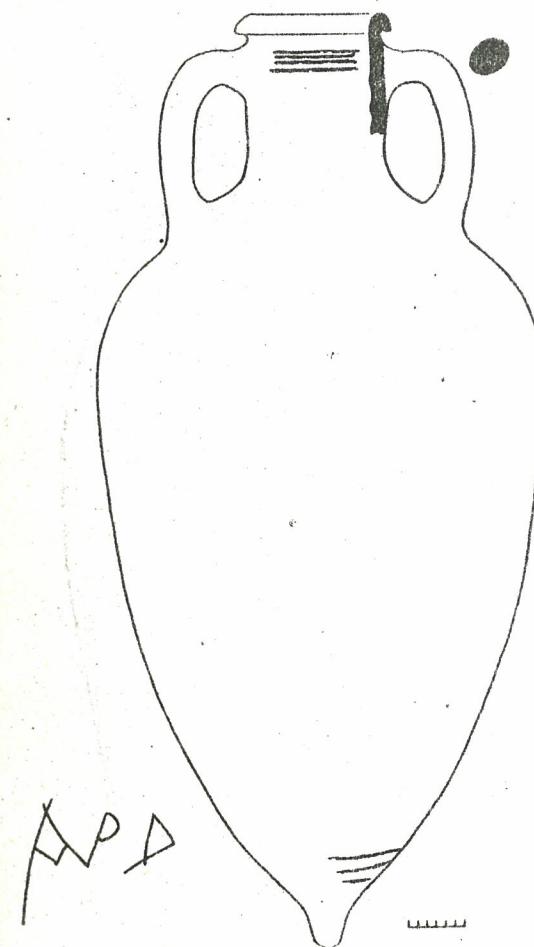

Рис. 2. Амфора с граффити № 883.

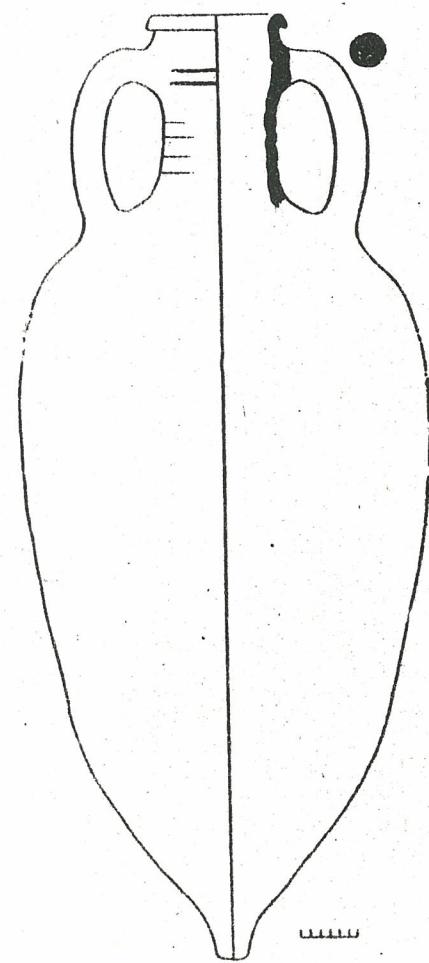

Рис. 3. Амфора № 886.

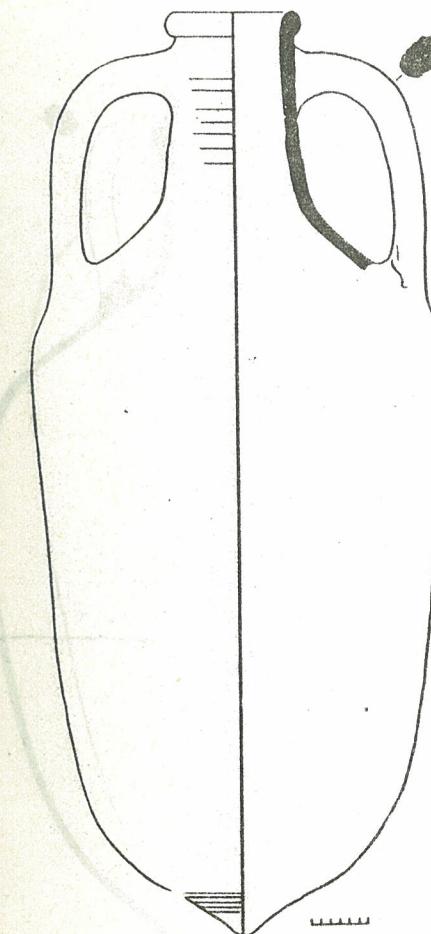

Рис. 4. Амфора № 993.

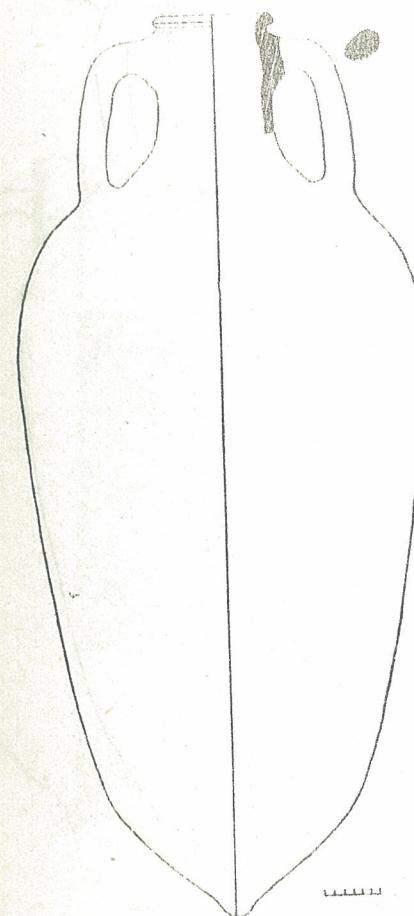
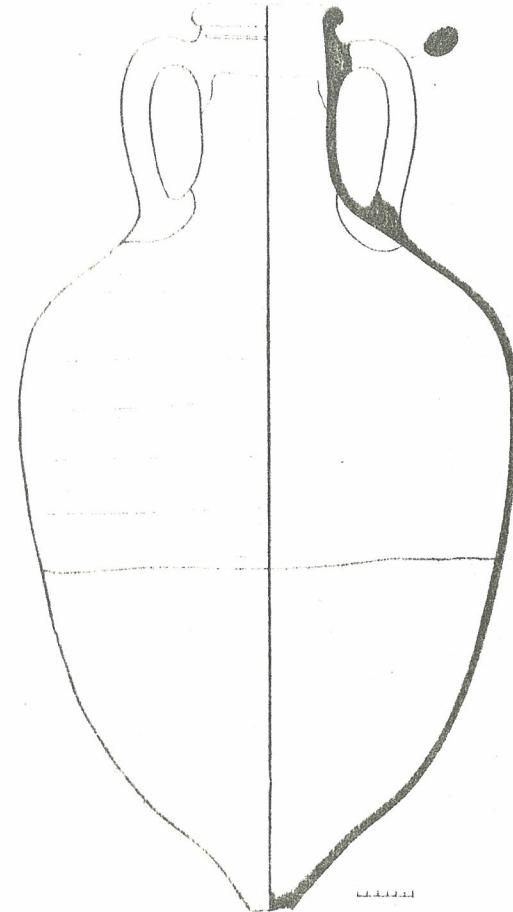

Рис. 6. Амфора № 879.

Рис. 5. Амфора №

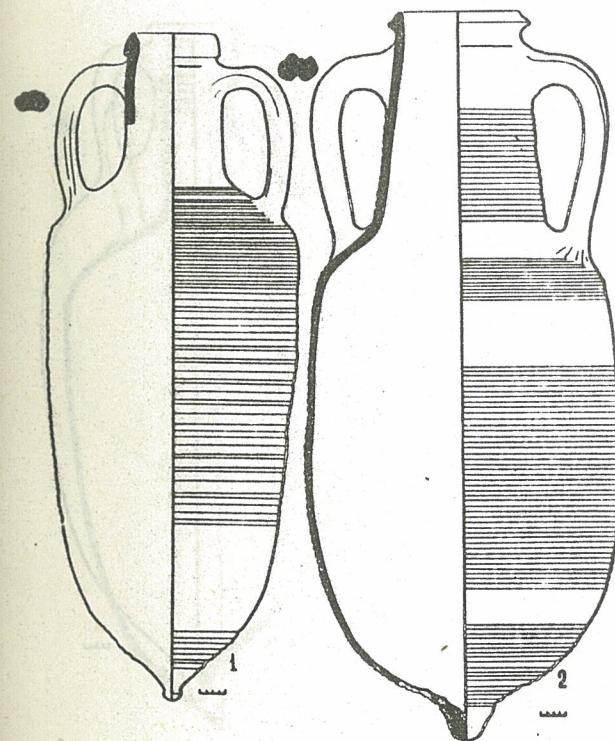
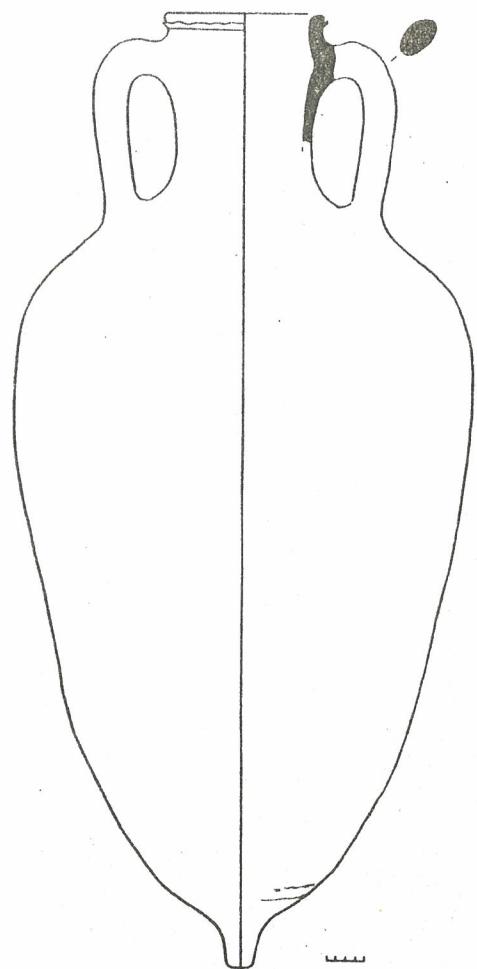

Рис. 7. Амфора № 8. С. 8. 1,2 - амфоры №№ 970,638.

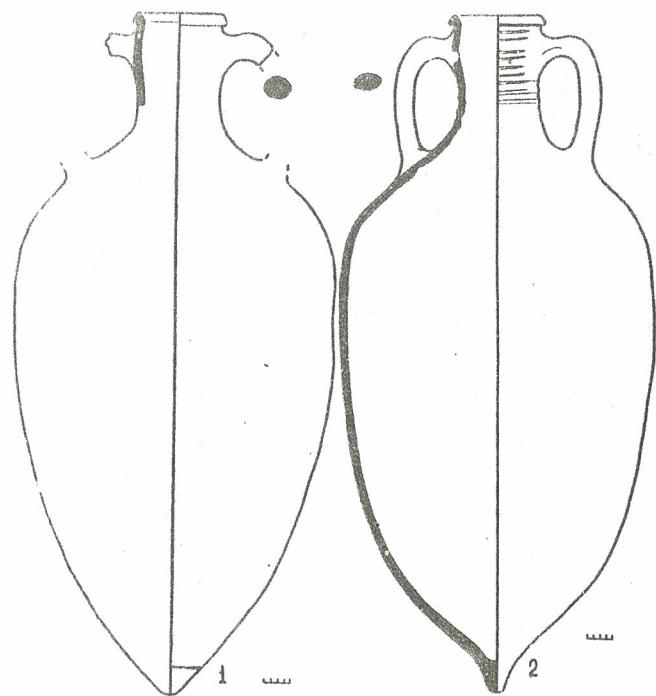

Рис. 9. 1,2 - амфоры №№ 830,954.

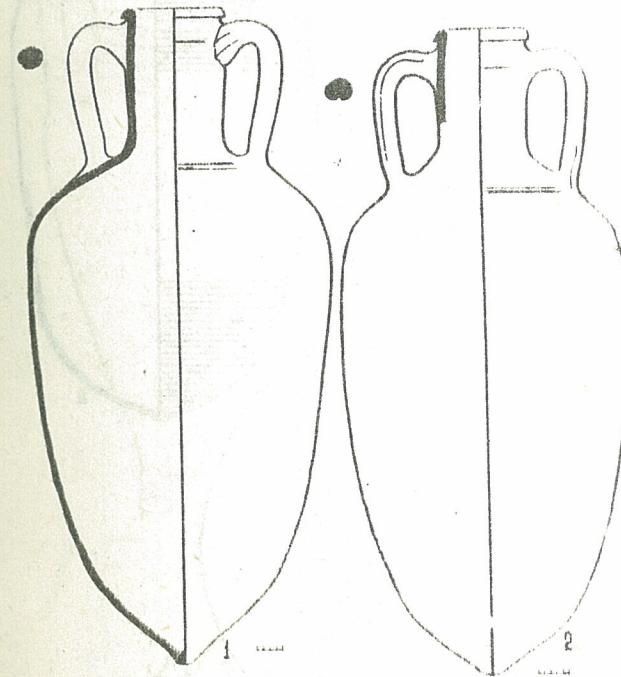

Рис. 10. 1,2 - амфоры №№ 639,666.

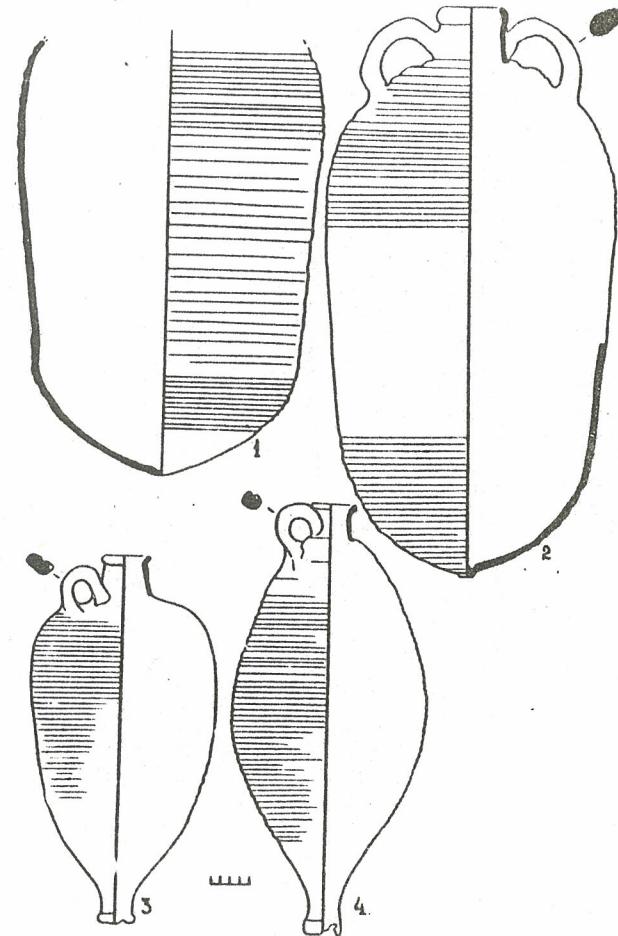
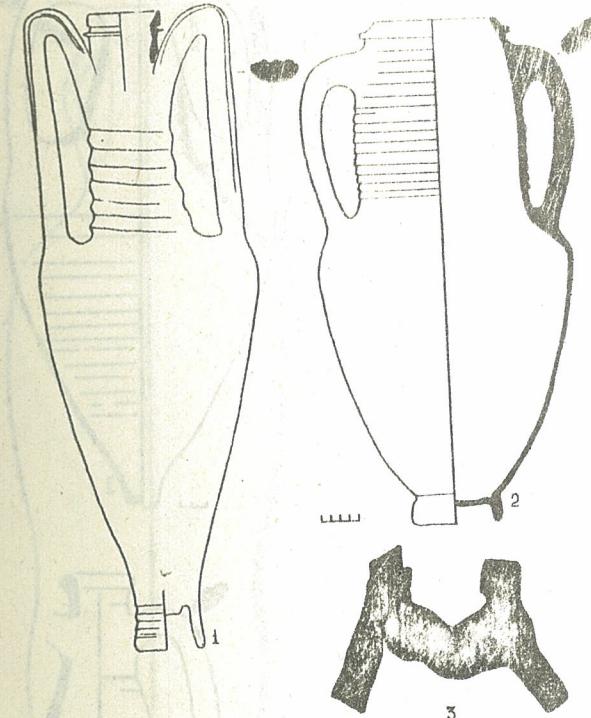

Рис. 11. 1 - 4 - амфоры №№ 521, 638, 574, 5.

Камфоры

Рис. 12. 1 - амфора № 597, 2,3 - амфора с надписью № 827.

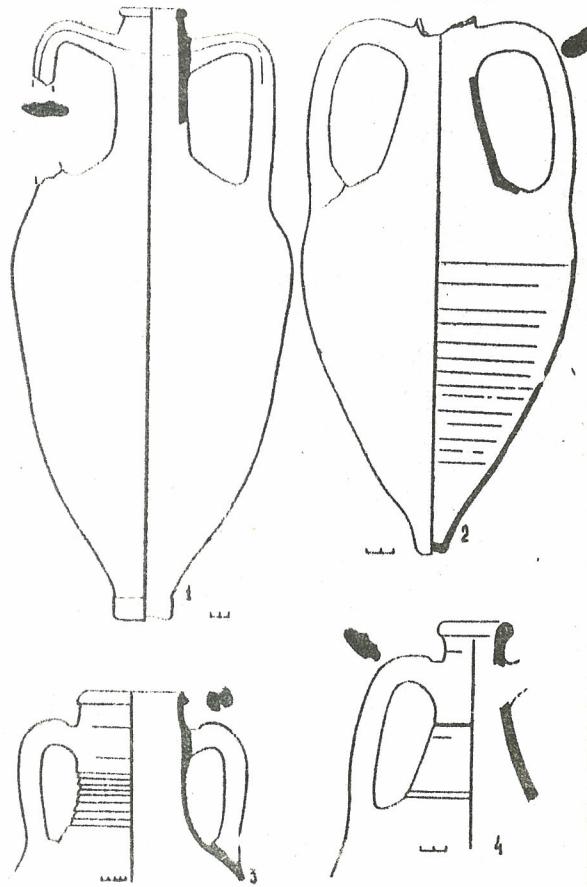
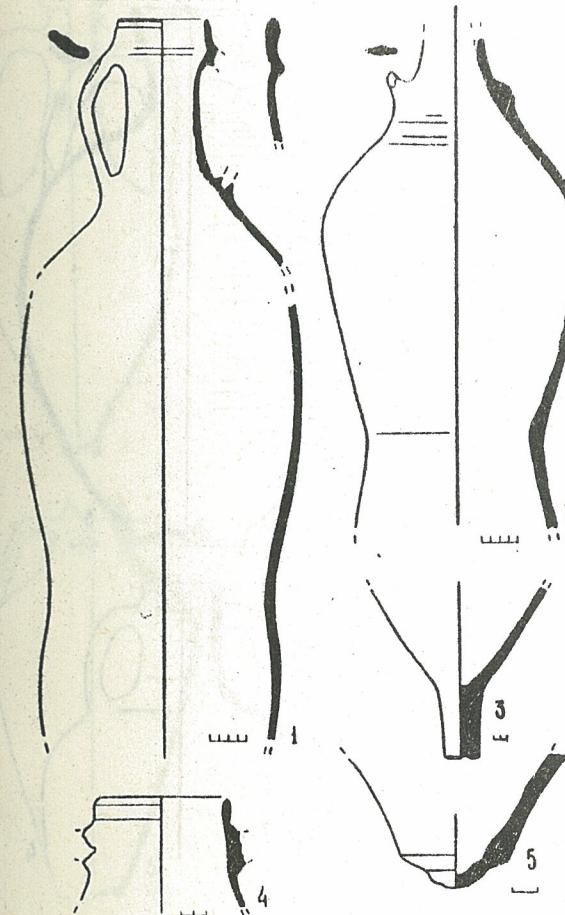

Рис. 13. 1 - 4 - амфоры №№ 523, 1074, 522

ис. 14. 1 - 5 - амфоры №№ 598, 581, 212, 1410, 1382.

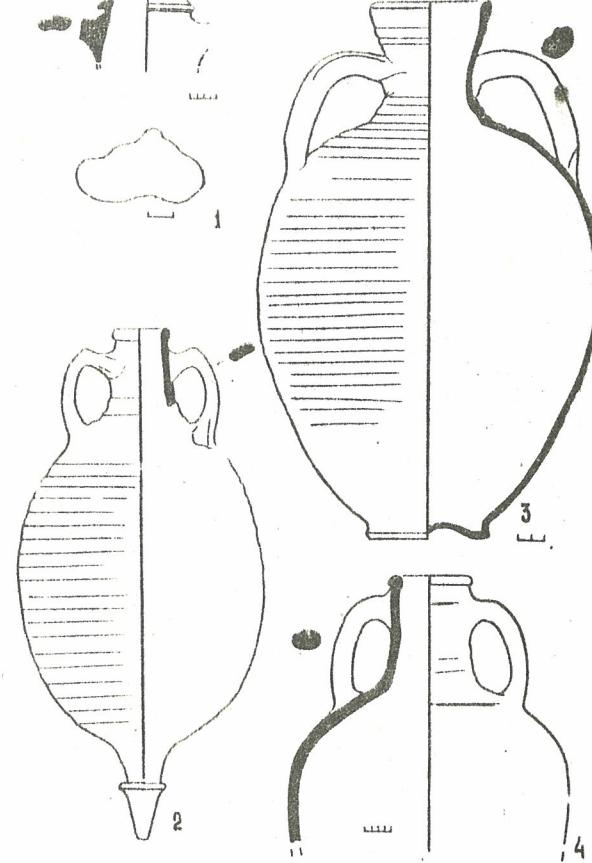

Рис. 15. 1 - 4 - амфоры №№ 1412, 784, 571

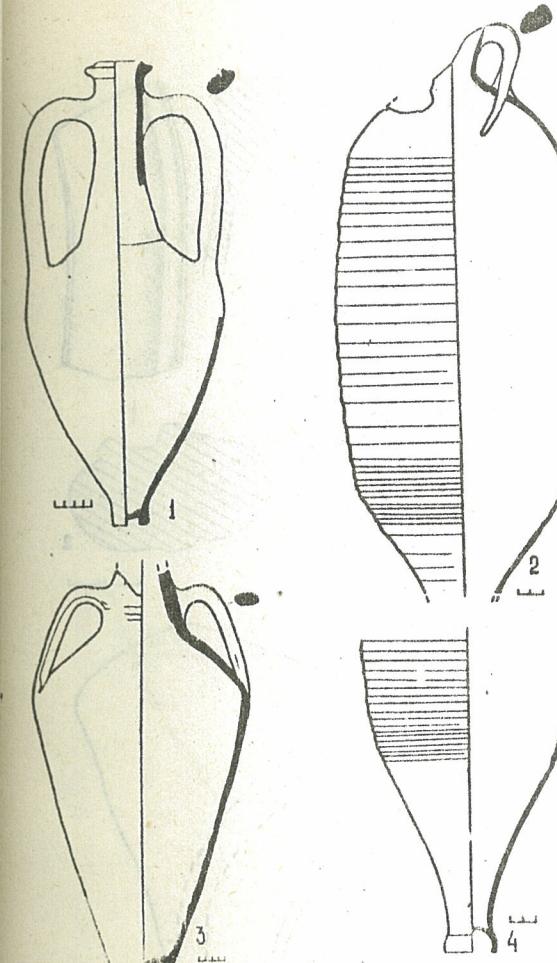

Рис. 16. 1 - 4 - амфоры №№ 1131, 590, 572, 573.

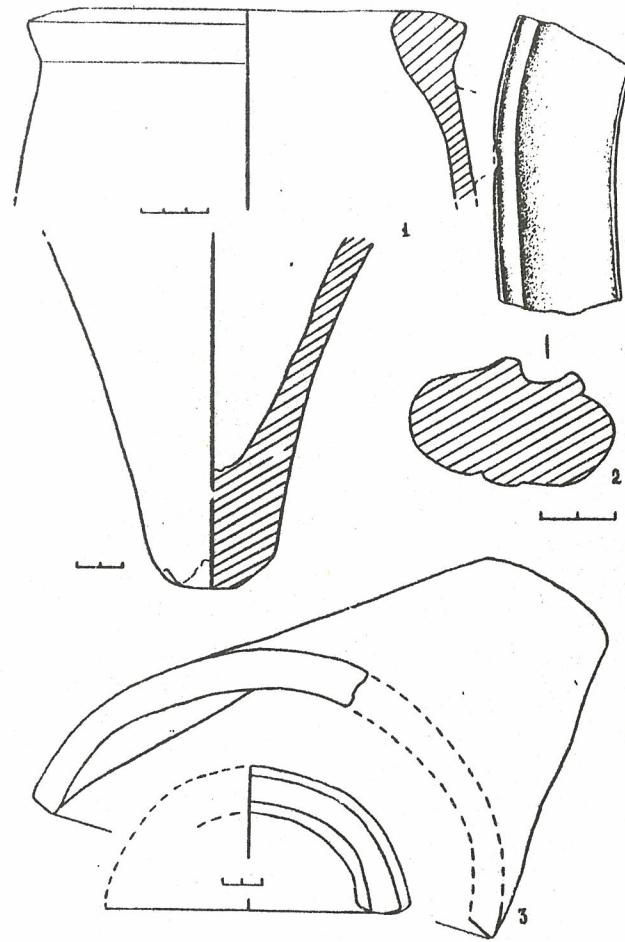

Рис.17. Обломки керамики: 1 - амфора № 1127, 2 - ручка амфоры № 1127, 3 - черепица № 1125.

94

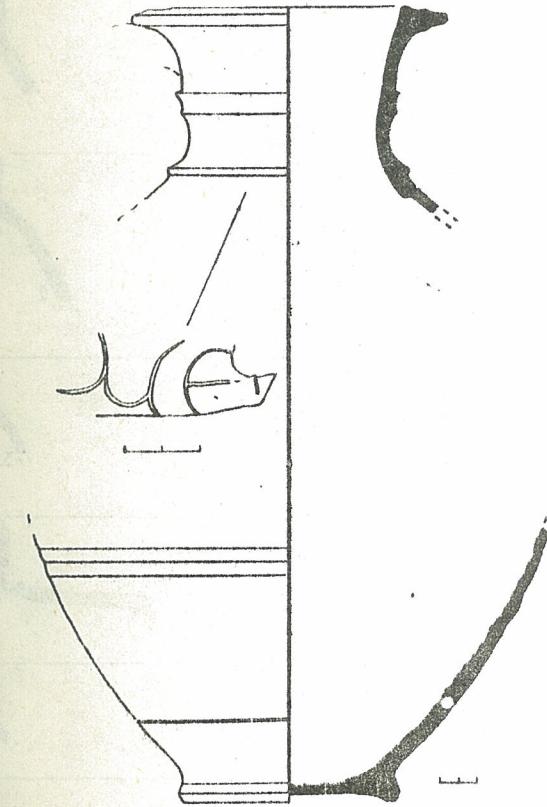

Рис. 18. Кувшин с граффити № 605.

95

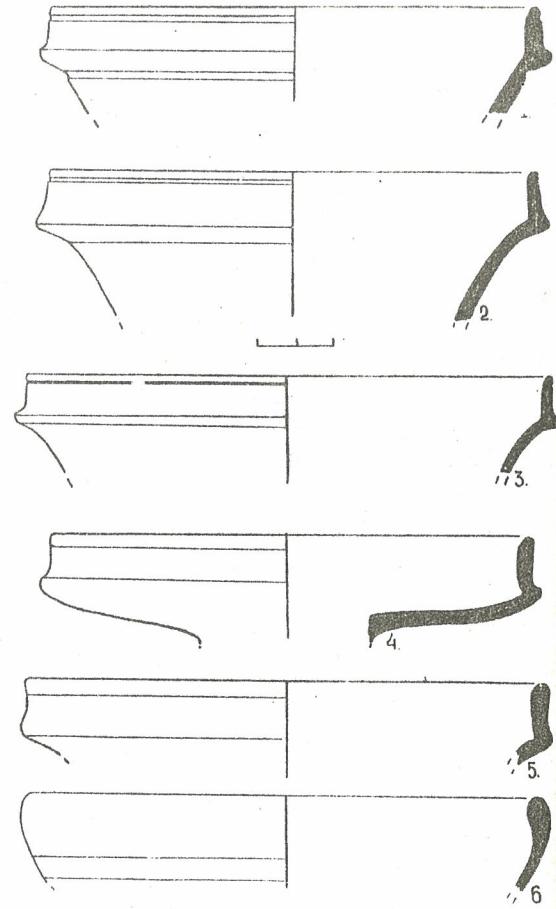

Рис. 19. Краснолаковые сосуды: 1 - № 1394, 2 - № 1386, 3 - № 1387, 4 - № 1396, 5 - № 1385.

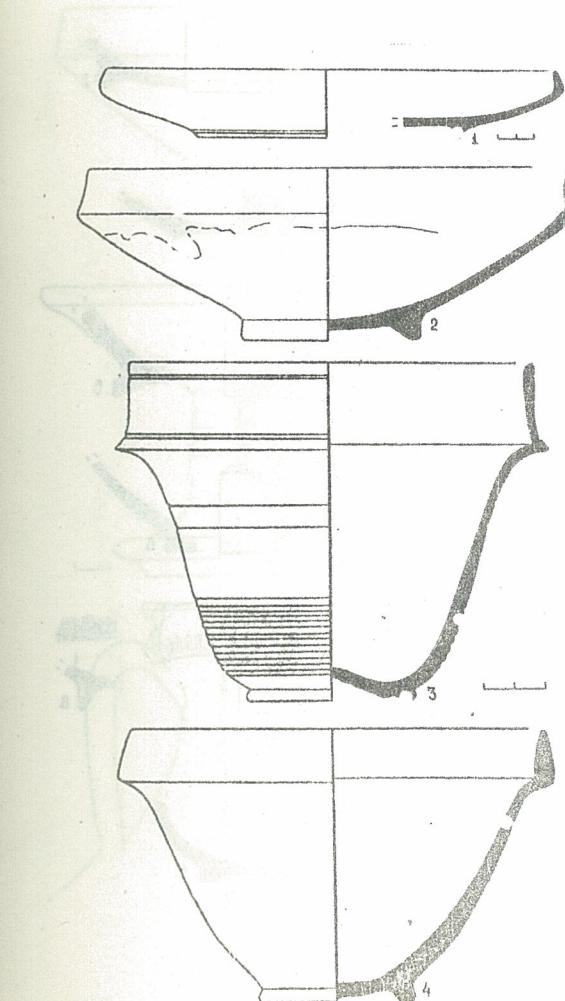

Рис.20. Краснолаковые сосуды: 1 - № 802, 2 - № 922, 3 - № 945, 4 - № 919.

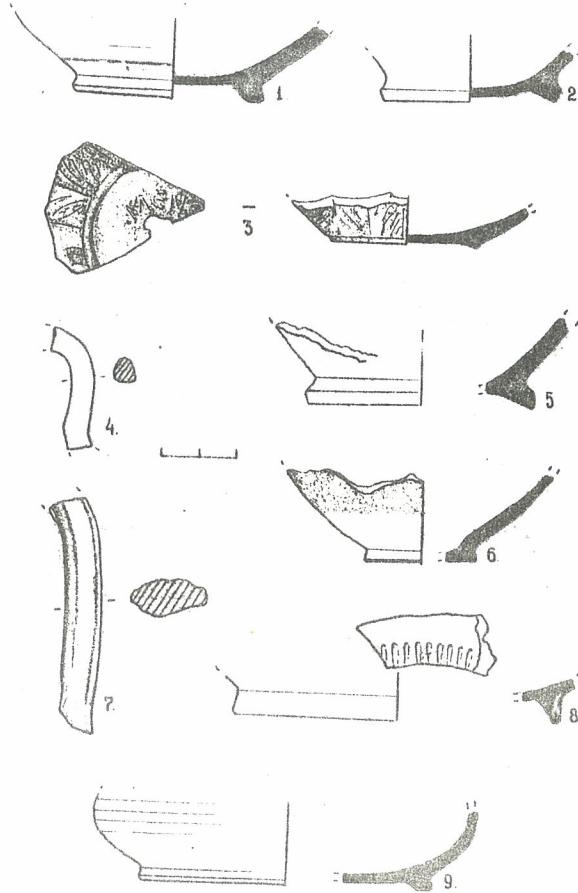

Рис. 21. Краснолаковые керамика: 1 - № 1398, 2 - № 1402, 3 - № 11
4 - № 1404а, 5 - № 1399, 6 - № 1395, 7 - № 1403, 8 - № 1400, 9 - № 1397.

98

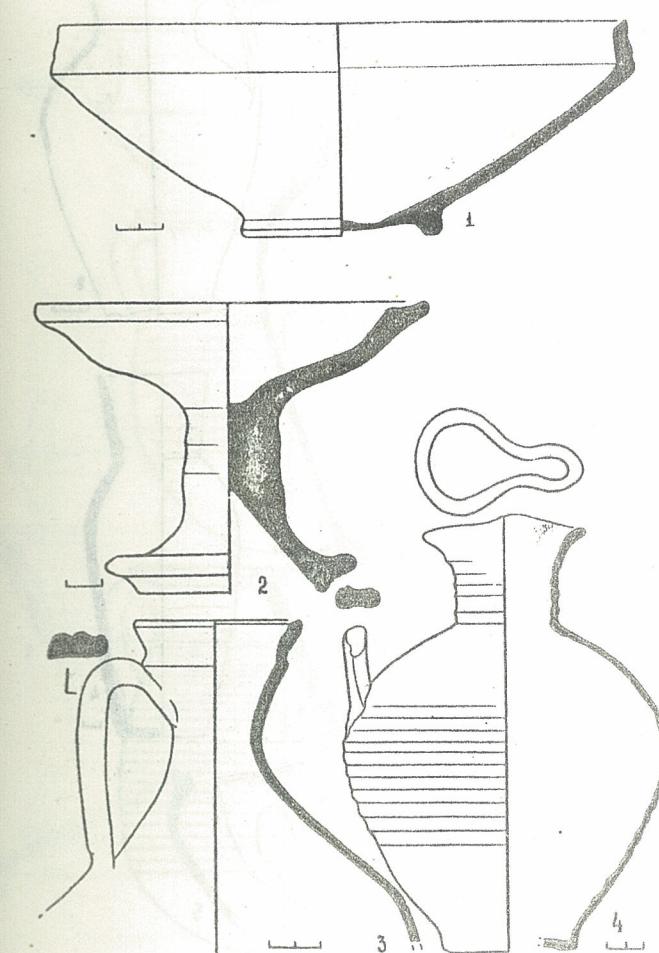

Рис. 22. Краснолаковая и простая кружальная керамика: 1 - № 940,
2 - № 1128, 3 - № 592, 4 - № 939.

99

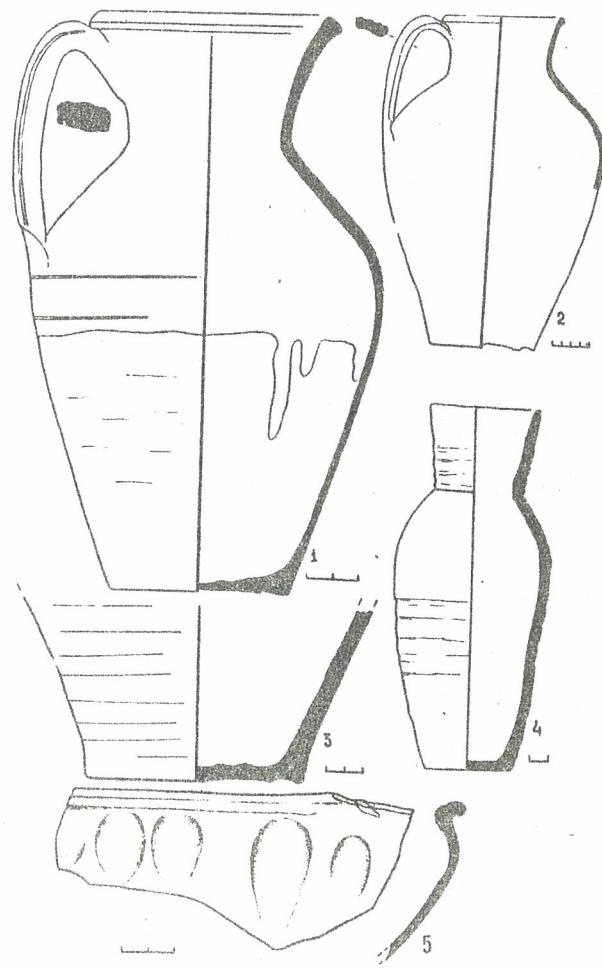

Рис. 23. Кружальная керамика: 1 - № 942, 2 - № 914, 3 - № 943, 4 - № 6
5 - № 738.

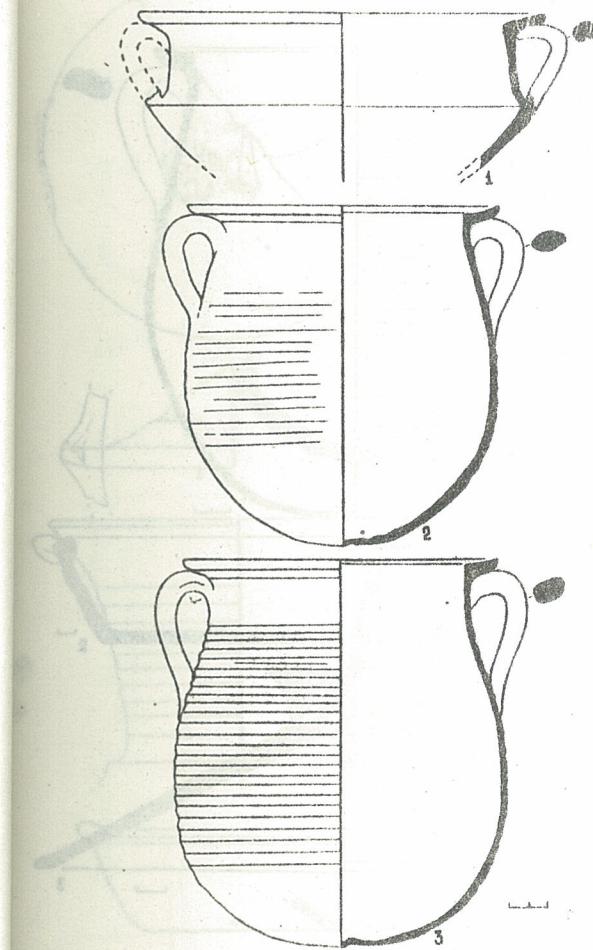

Рис. 24. Кастрюли: 1 - № 588, 2 - № 937, 3 - № 695.

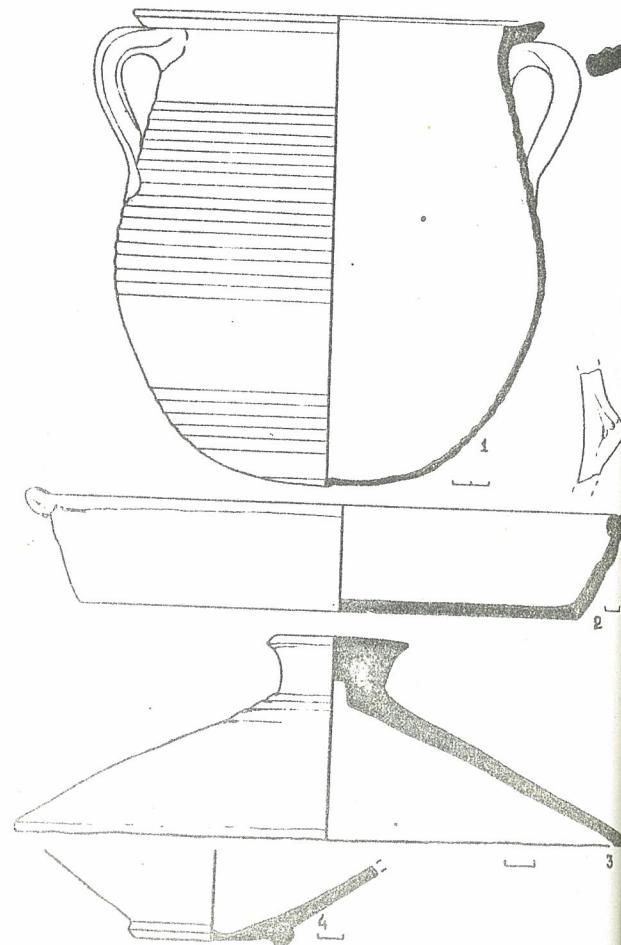
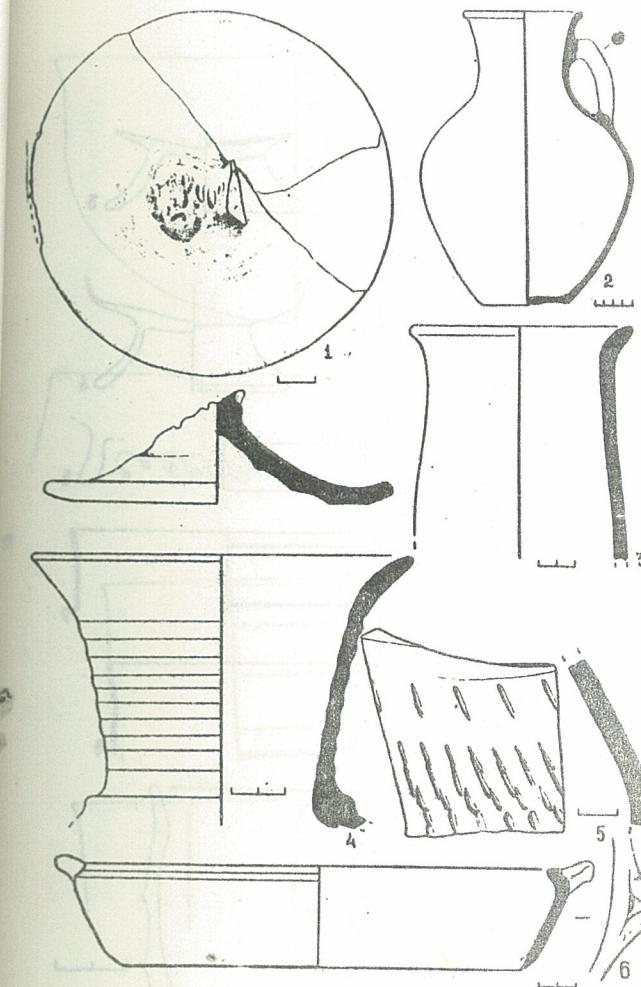

Рис. 25. Кружальная керамика: 1 - № 587, 2 - № 568, 3 - № 570, 4 - №

с. 26. Кружальная и лепная керамика: 1 - № 557, 2 - № 633, 3 - № 818, № 604, 5 - № 1401, 6 - № 941.

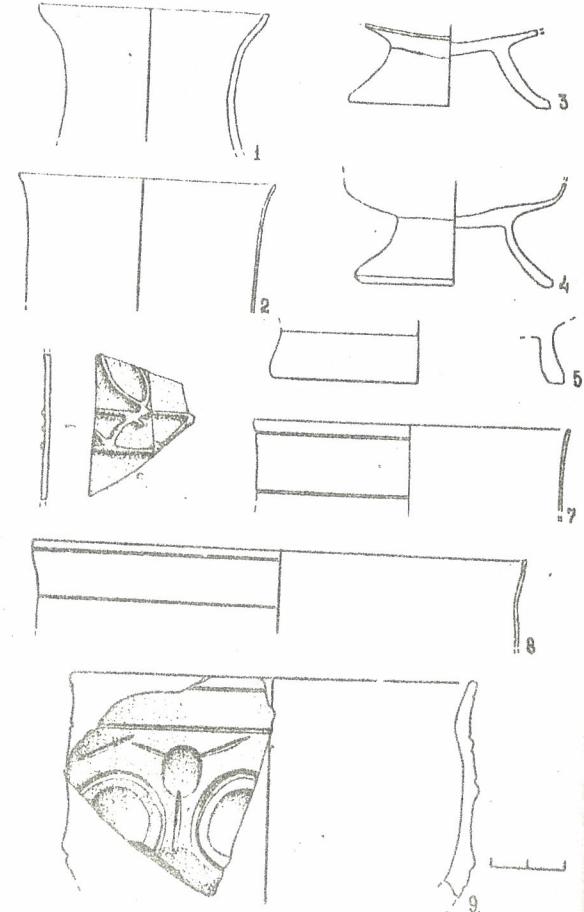
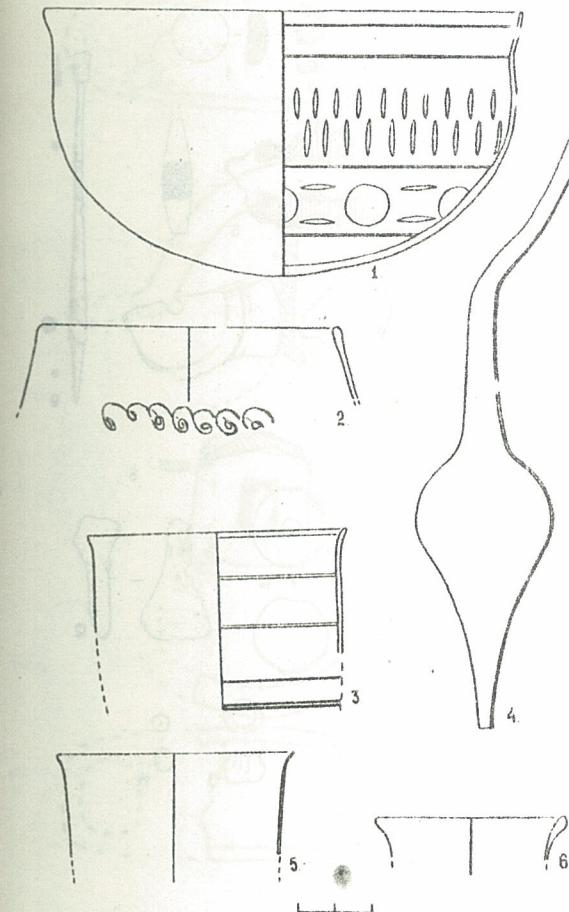

Рис. 27. Стеклянные сосуды: 1 - № 612, 2 - № 961, 3 - № 576, 4 - № 17
№ 1037, 6 - № 1029, 7 - № 611, 8 - № 1034, 9 - № 375.

28. Изделия из стекла: 1 - № 1034, 2 - № 962, 3 - № 1032, 4 - № 1005,
№ 965, 6 - № 1036.

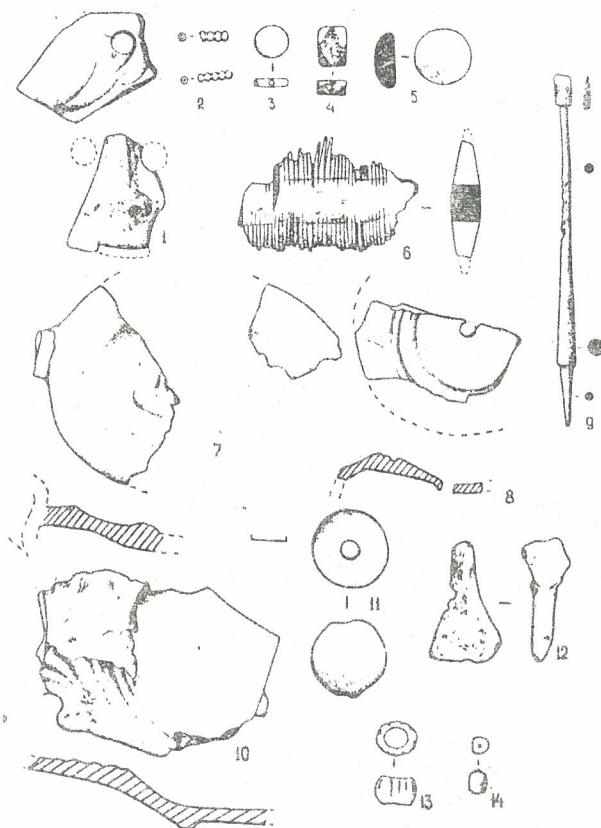

Рис. 29. Обломки терракоты: 1 - № 1881;
Бусы, вставка, подвеска: 2-5, 11-14 - №№ 1033, 1078, 1414, 1039,
1380, 1077, 1375, 1376; деревянный гребень: 6 - № 950;
свечильник: 7-8 № 1384, 1411;бронзовый стиль: 9-№ 1040;
обломок краснолакового блюда:10-№ 1063.

106

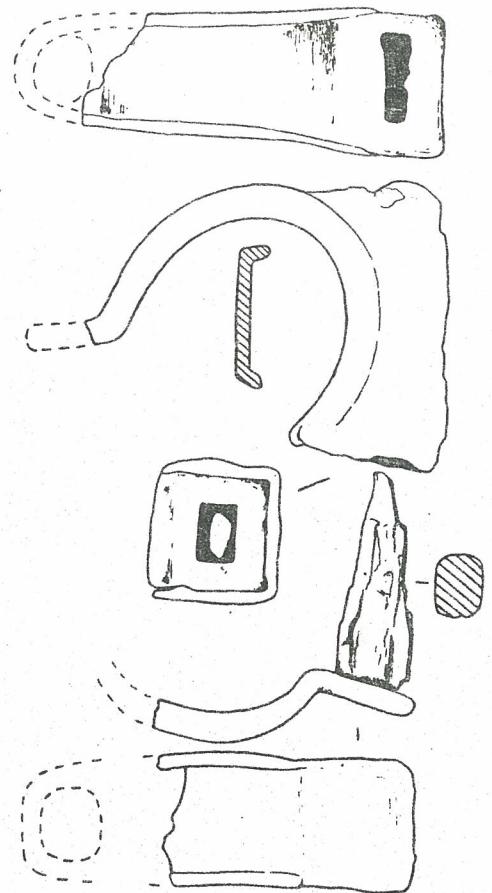

Рис. 30. Железные кандалы: 1 - № 932.

107

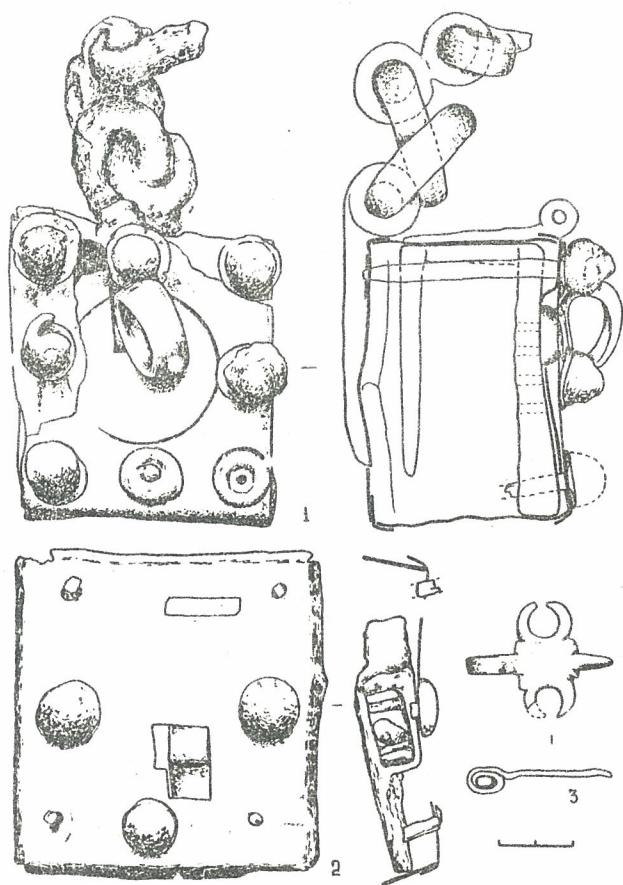

Рис. 31. Железные замки: 1,2 - №№ 927, 912.
Бронзовый язычок пряжки : 3 - № 897.

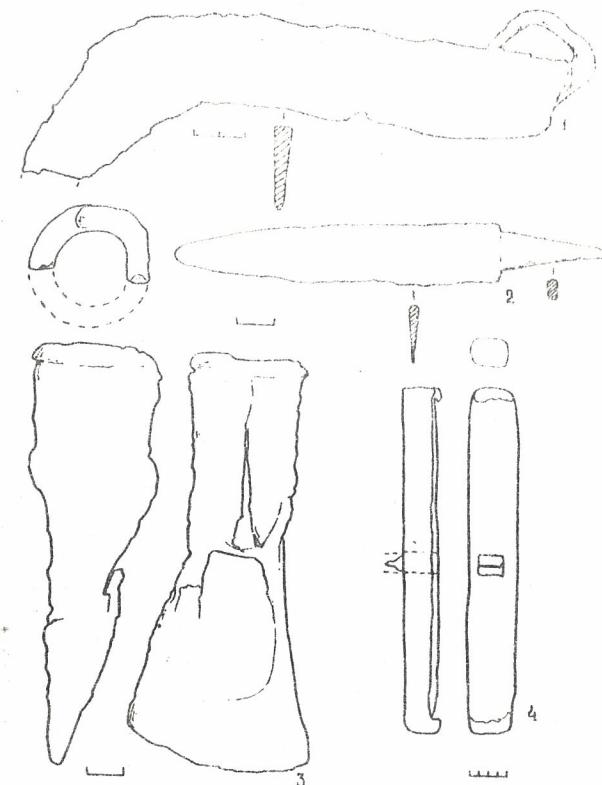

Рис. 32. Изделия из железа: 1 - № 909, 2 - № 527, 3 - № 577, 4 - № 931.

- Арсеньева Т. б., Науменко С. А. Усадьбы Танаиса. М. 1992
- Гайдукевич В.Ф. Илурат. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946-1952 гг. //МИА. № 85. 1958.
- Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора. //МИА. № 83. 1960.
- Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. //МИА. № 25. 1952.
- Арсеньева Т.М., Шелов Д.Б. Раскопки юго-западного участка Танаиса. //АПНП. I. M. 1974.
- Кузманов Г. Типология и хронология на ранневизантийские амфоры /IV-VI в./. Археология. 1973. I.
- Peacock D.P.S., Williams D.F. Amphorae and the Roman economy. London and New York. 1986.
- Riley J.A. Coarse pottery. //Excavations at Sidi Khreish Benghazi (Berenice) VII. Tripoli 1979.
- Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Раскопки Танаиса в 1981-1984 гг. //КСИА. 1987. Вып. 191.
- Robinson H.S. The pottery of the Roman period. The Athenian Agora. Y. Princeton. 1959.
- Haves J.W. The villa Dionysos excavations at Knossos : The pottery. The Annual of the British School of Archaeology at Athens. 1983.
- Panella C. Oriente ed occidente: considerazioni sulle alcune anfore «Egee» di età imperiale a Ostia //BCH. Supl. XIII. 1986.
- Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология. //КСИА. № 156. 1978.
- Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время. М. 1966.
- Коковцев П.К. Кальмийской археологии и эпиграфике //Известия Русского археологического института в Константинополе. т.XIII. София. 1908.
- В.С. Забелина. Импортные «мегарские» чаши из Пантикея. // Сообщения ГМИИ им. А.С.Пушкина. Вып. 7. 1984.

Список монст. /№№ 1-39 - монсты из слоя первой половины III в.н.э.,
№№ 40-55 - из слоя II в.н.э.

1	2	3	4	5	6	7
1.	502	Неопределима				МБ/12
2.	664	Боспор	Сестерций	II в.н.э.	МБ	
3.	665	Иннифимей	Денарий	234-238 гг.	МБ	
4.	839	Боспор	Денарий (?)	II-III в. ок.218-226 гг.	МБ/13 с-в (?)	
5.	890	Рескупорид III	Денарий	ок.211-224 гг.	МБ/15 пол всс.ч	
6.	891	Рескупорид III	Денарий	ок.133 г.	МБ/15 в амфоре	
7.	892	Риметалк	Сестерций	589 г.б.э.=242 г.	МБ/15 пол	
8.	893	Рескупорид V	Статер	ок.211-224 гг.	МБ/15 пол ю-в уч.	
9.	894	Рескупорид III	Денарий	ок.211-224 гг.	МБ/15 пол ю-в уч.	
10.	895	Рескупорид III	Денарий	ок.218-226 гг.	МБ/15	
11.	948	Рескупорид III	Денарий	ок.211-224 гг.	МБ, под полом	
12.	949	Боспор	Сестерций	II в.н.з.	МБ под	
13.	1006	Иннифимей	Денарий	234-238 гг.	МБ/15	
14.	1007	Риметалк	Сестерций	ок.136 г.	МБ/15	
15.	1008	Иннифимей	Денарий	234-238 гг.	МБ/15	
16.	1009	Боспор	Сестерций	II в.н.з.	МБ/15	
17.	1010	Боспор	Сестерций	II в.н.з.	МБ/15	
18.	1011	Риметалк (?)	Сестерций	ок.132 г. (?)	Ф-1 т.ХХI, 17	
19.	1012	Савромат III	Денарий	196-210 гг.	Ф-1 т.ХIII-ХIII	МБ/15
20.	1013	Савромат II	Денарий	196-210 гг.	Ф-1 т.ХIII-ХIII	МБ/15
21.	1014	Иннифимей	Денарий	234-238 гг.	Ф-1 т.ЛXII	МБ/15
22.	1015	Савромат II	Денарий	180-196 гг.	Ф-1 т.ХХХVIII, I	МБ/15
23.	1016	Савромат III	Денарий	229-231 гг.	Ф-1 т.ЛIX, 6-8	МБ/15
24.	1017	Иннифимей	Денарий	234-238 гг.	Ф-1 т.ЛXIII, 6	МБ/15
25.	1018	Не расчищена				МБ/15

26.	1019	Неопределима				III-III вв. II-III вв.		МБ/15
27.	1020	Неопределима				ок.218 г. Ф-І.Г.ІІІ, 31	МБ/15	МБ/15
28.	1021	Рескупорид III		Денарий Сестерций Драхма		186-196 г. Ф-І.Г.ХІІІ, 6	МБ/15	МБ/15
29.	1022	Савромат II		Денарий Сестерций		180-196 г. Ф-І.Г.ХІІІ, 16	МБ/15	МБ/15
30.	1023	Савромат II		Денарий Сестерций		234-238 г. Ф-І.Г.ІХ, 30	МБ/15	МБ/15
31..	1024	Иненфимей		Денарий Сестерций		ок.133-134г. Ф-І.Г.ХХІ, 9	МБ/15	МБ/15
32.	1025	Риметалк		Денарий Денарий Сестерций		180-196 г. Ф-Г.ХХХІІІ-ХХХІХ	МБ/15	МБ/15
33.	1026	Савромат II		Денарий Денарий Сестерций		ок.211-215г. Ф-І.Г.І, 20	МБ/15	МБ/15
34.	1027	Рескупорид III				II в.н.э.		
35.	1028	Боспор						МБ/15
36.	1068	Боспор Риметалк(?)		Сестерций		131-154 гг.(?) с надчеканкой времени Савромата II		
						МБ/15		
37.	1069	Боспор Савромат II		Драхма Сестерций		180-196 г. Ф-І.Г.ХІ, 6	МБ/15	
38.	1070	Боспор Савромат I		Сестерций		98-104 г. Ф-І.Г.ВІІІ, 17	МБ/15	
39.	1076	Боспор Савромат I		Сестерций		10 ^o -115 г. Ф-І.Г.ХІ, 9	МБ/15	
40.	1109	Боспор Савромат I		Сестерций		108-115 г. Ф-І.Г.ХІ-ХІІ	МБ/17	
41.	1110	Боспор Риметалк		Сестерций		ок.136 г. Ф-І.Г.ХХІІІ	МБ/17	
42.	1111	Боспор Риметалк		Сестерций		ок.133 г. Ф-І.Г.ХХІ, 24	МБ/17	
43.	1112	Боспор Савромат I		Сестерций		108-115 г. Ф-І.Г.ХІ-ХІІ	МБ/17	
44.	1113	Боспор Ри-теталк		Сестерций		ок.133 г. Ф-І.Г.ХХІ, 24	МБ/17	
45.	1114	Боспор Савромат I		Сестерций		108-115 г. Ф-І.Г.ХІ-ХІІ	МБ/17	

¹Расшифровку сокращений, к таблице см. в приложении к статье Шелова Д.Б. "Новые монетные находки в Танайсе /1981 - 1990 гг./" в данном сборнике.

46.	1115	Боспор Кетий	Сестерций	123-125 гг.	Ф-І.Г.ХVI, 9	МБ/17
47.	1116	Боспор	Сестерций	II в.н.з.		МБ/17
48.	1117	Боспор Риметалк(?)	Сестерций	131-154 гг.(?)	Ф-І.Г.ХХІ-ХХІІІ	МБ/17
49.	1118	Боспор Риметалк	Сестерций	ок.136 г.	Ф-І.Г.ХХІІІ, 11	МБ/17
50.	1119	Боспор Риметалк	Сестерций	ок.132 г.	Ф-І.Г.ХХІ, 22	МБ/17
51.	1120	Боспор Риметалк	Сестерций	ок.132 г.	Ф-І.Г.ХХІ, 22	МБ/17
52.	1121	Боспор Риметалк	Сестерций	ок.133 г.	Ф-І.Г.ХХІ, 24	МБ/17
53.	1122	Боспор	Сестерций	II в.н.з.		МБ/17
54.	1123	Неопределима				МБ/17
55.	1122	Б спор	Сестерций	II в.н.з.		МБ/17

Гугуев Ю.К.

Центральнокавказская керамика в Танаисе
во II - первой половине III в.н.э.
(к постановке проблемы)

Раскопки Недвиговского городища говорят о том, что в первые века н.э. его жители использовали в быту кружальную сероглиняную посуду. До сих пор она не была предметом специального исследования, не ставился также вопрос о возможных причинах ее однородности, давно подмеченной археологами [1, с.80-82; 2, с.211]. В настоящей работе предпринята попытка заполнить указанный пробел в наших знаниях в той мере, насколько позволяет автору первое знакомство с обширной коллекцией танаисской сероглиняной керамики. Хорошим подспорьем для изучения этой коллекции послужили накопившиеся в последние два десятилетия новые данные о гончарных центрах Кубани, Нижнего Подонья, Предкавказья, их связях с кочевым сарматским миром.

Ниже речь пойдет, главным образом, о 49 сосудах и крупных, легко поддающихся типологической идентификации фрагментах сосудов, происходящих из жилых комплексов, вскрытых на VI и XIV раскопах. Большинство сосудов было найдено в подвалах и помещениях, погибших при готском разгроме Танаиса в начале пятидесятых годов III в.н.э. [4]. Исключение составляют находки из подвалов Р и ДИ, суммарно датирующиеся II в.н.э.

По технологии изготовления кружальная сероглиняная керамика, оказавшаяся в нашей выборке, может быть подразделена на две резко различающиеся группы.

Внешняя поверхность всех сосудов первой группы серая или желто-коричневая, залощена, как правило, с большой тщательностью. На внутренней поверхности горшков, корчаг, кувшинов, не подвергшейся дополнительной обработке, заметны отчетливые следы круга - тонкие горизонтальные бороздки, сочетающиеся со спиральным рифлением, которое особенно хорошо выражено у доньев и на плечиках. Ручки прилеплены к тулову. Тесто тонкое, содержит мельчайшие частицы споды естественного происхождения и обильную примесь мелкого песка. Кроме того, иногда в нем имеются очень редкие крупные известковые включения.

Такая керамика, подобно античной, изготавливается на быстро вращающемся круге с использованием навыков вытягивания. Быстрый

¹ Такая выборка обусловлена тем, что первоначально статья готовилась для книги Т.М. Арсеньевой и С.А. Науменко "Усадьбы Танаиса", где опубликованы эти комплексы [3]. Публикации помещения МБ, материала из которого также использованы нами, см. в настоящем сборнике.

круг и тонкие формовочные массы, близкие по составу к описанной, применялись кубанскими гончарами с IV в. до н.э. [5, с.44-46; 6, с. 10-12]. Меоты, переселившиеся на Нижний Дон на рубеже н.э. [7, 8], привнесли собой эту совершенную технологию вместе с традиционными формами лощеной посуды [7, с.7-8], поэтому большинство сосудов первой группы относится к типам, хорошо известным на городицах округи Танаиса.¹

Фрагмент горизонтально отогнутого венчика и чуть припухлого горла, украшенного у перехода в плечики желобками и валиками (рис.1, 1), принадлежал меотному кувшину [9, рис.3, 4; 10, рис.5, 9, 10]. Пухлогорлость - поздний признак, присущий разным типам донских лощенных кувшинов второй половины II - середины III в.н.э. [11, с. 172, рис.2, 2, 7, 12].

Небольшие кувшинчики с вертикальным горлом, украшенным вилузу валиками, приземистым округлобиконическим туловом и петлевидной ручкой (рис.1, 2, 3),² имеют аналогии в погребениях Кобяковского грунтового некрополя второй половины II - первой половины III в.н.э. [9, с.22, рис.7, 10, 11]. В кобяковских комплексах того же времени найдены небольшие и средних размеров приземистые округлобиконические кувшины с зооморфными ручками-апотропеями [10, с.17, рис.7, 1, 4], аналогичные танаисским (рис.1, 4, 5). Ручки последних, вероятно, представляют собой стилизованное изображение собаки, легко распознавающееся благодаря нескольким экземплярам донской и кубанской лощеной керамики, на которых оно выполнено в более реалистической манере [9, рис.6, 1, 3; 12, с.156, рис.74, с.158, рис.80].

В этой связи застуживает особого упоминания происходящий из некрополя Нижне-Гильтовского городища крупный серелощечный сосуд («револидник») с носиком-спивом и зооморфной ручкой, выпеченный мастерски и с хорошим знанием природы. Ручка имеет вид зверя, привавшего на растопыренные передние лапы. Его задние конечности широко расставлены, хвост поджат. Детальная проработка большой свирепой морды позволяет дать довольно однозначную атрибуцию образа - это собака или, может быть, волк [13, с.126]. Близкая поза придана зверьку на одном из кобяковских сосудов [9, с.17-18, рис.6, 4].

Канфар (рис.2, 1) с характерными для донских меотов зооморфными («шарнирными») налепами на петлевидных ручках [14, рис.8, 5-9, 9, 4-7] находит аналогии в керамике Подазовского городища [15, рис.5, 1].

Сосуд с отогнутым венчиком и округлым асимметричным туловом (рис. 1, 6) относится к широко распространенным на Дону меотским

¹ По сути дела, на меотских городицах Подонья есть аналогии всем сосудам первой группы, но мы даем ссылки только на опубликованный материал.

² Ручка одного из сосудов отбита в древности.

кубышкам [9, с.32-33, рис. 1-9; 15, рис.5, 3, 6].

Два биконических сосуда с высоким отогнутым венчиком по форме родственны кубышкам, но немногим окрупнее и, по-видимому, имелиное функциональное назначение. У одного из них есть поддон - морфологическая деталь, скопированная мотивами с античной посуды (рис. 2, 2). Другой, орнаментированный по венчику волнистым зигзагом и косыми насечками, снабжен парой прогнувшихся, круглых в сечении, горизонтальных ручек, крепящихся к плечикам (рис.2, 5).

Корчаги местного производства представлены тремя экземплярами. Одна из них имеет отогнутый валикообразный венчик, вытянутое сферическое туло, украшенное в средней части рядом длинных косых желобков, и массивные петлевидные ручки с напильниками-лепешками (рис.2, 4), типичными для донской серебренецкой керамики [14, рис.3, 8-10]. Две небольшие кофтачи с приспособленным под крышки венчиком и горизонтальными ручками сохранились фрагментарно (рис.2, 3; 3, 1).

К сосудам первой группы относится такжелоценный горшок с отогнутым венчиком и сферическим туловом, плечики которого декорированы валиком с не глубокими вдавлениями (рис.3, 2). Лощеные горшки с отогнутым венчиком найдены на Подазовском и Гниловском городищах [15, рис.5, 4; 16, с.131]. Их модификацией является танаисский сосуд с истлевидной ручкой и отбитым носиком (рис.3, 3). Похожий сосуд происходит из разрушенного погребения Кобяковского некрополя (8, с.35, рис.1, 1).

Миски первой группы принадлежат к одному типу - со слегка загнутым внутрь бортиком и венчиком-выступом (рис.3, 4; 4, 1, 2). Они изготавливались на городищах окрест Танаиса [9, рис.10, рис.11, 1-6] и бытовали в Подонье II - первой половине III в.н.э. Крышки, имеющие полусферическое туло, представлены двумя типами: 1) с высокой, суживающейся кверху полой ручкой и прямым бортиком (рис.4, 3); 2) с короткой, округлой (рис.5, 1) или прямоугольной (рис.5, 2) ручкой-выступом, наклонным бортиком и закраиной. Первый тип, вероятно, мог использоваться также в качестве воронки.

В I - первой половине III в.н.э. описанная посуда делалась на всех нижнедонских меотских поселениях. На Кобякове и Подазовском были открыты печи для ее обжига с бракованной продукцией внутри [17, с.34]. Отсутствие подобных находок на остальных городищах Подонья объясняется, по-видимому, недостаточной изученностью этих памятников. Сложнее обстоит дело с Танаисом, где несмотря на многолетние интенсивные раскопки не обнаруживались [18, с.97-98] и до сих пор не найдены следы производства сероглиняной керамики местных

типов. Оно могло быть локализовано в плохо исследованной припортовой части города. Здесь располагается так называемый мусорный холм, разделенный надвое железной дорогой [19, с.94-96]. Как показала шурфовка северной его половины, почти вплотную примыкающей к городской оборонительной стене, холм, возможно, представляет собой остатки меотского поселения первых веков н.э. [19, 20].

Сероглиняная посуда второй группы преобладает в нашей выборке. Отсутствие рифления и незаглаженные швы, заметные на тулове и в месте стыка горла и туловища внутри некоторых закрытых сосудов, свидетельствуют о том, что она изготовлена на более примитивном, нежели меотский, медленно врачающемся круге с использованием насыпков скульптурной лепки. Обычно ее тесто содержит крупные, легко различимые примеси (песок, дресву, слюду, известковые включения), состав которых варьирует, но для некоторых кружек и кувшинчиков характерна тонкая формовочная масса, иногда без видимых примесей. Внешняя поверхность сосудов, лощеная или нелощеная, часто подвергнута томлению. На доньках нередко имеются отпечатки доски и рельефные кляйма-апотропеи. Ручки всегда крепятся к тулову «шифттом», т.е. хотя бы один из концов (обычно верхний) вставлен в отверстие, проделанное предварительно в стенке сосуда, и распилючен изнутри. Описанная технология применялась в первые века н.э. племенами-носителями раннеаланской (предаланской) культуры Центрального Предкавказья [22, с.71; 23, с.171-174].¹

Во вторую группу входят несколько кувшинов.

Лощеные кувшины с высоким расширяющимся желобчатым в верхней части горлом и стилизованной зооморфной ручкой (рис.5, 4), известные в грунтовом некрополе Танаиса [24, с.34-35, табл.XXI, 1], изготавливались в Притеречье (северных районах современной Кабардино-Балкарии и, возможно, Северной Осетии) [25, с.33-40, рис.5, 7, 8, 10]. В небольшом количестве они встречены на Зилгинском городище, расположеннном южнее [26, с.84]. Этот тип кувшинов, распространенный повсеместно в ареале обитания сарматов, датирован I-III вв.н.э. [27, с.45-47, рис.1, 1-13]. Сейчас верхняя хронологическая граница его бытования в степи может быть уточнена. После середины III в.н.э. кувшины с желобчатым горлом на Нижнем Дону не встречаются. Во второй половине III-IV вв.н.э. нет их и в Поволжье [28, с.52-55]. Любоп-

¹ Просматривая керамические коллекции Зилгинского городища (Северная Осетия), автор убедился, что во многих случаях по технологическим признакам, с трудом поддающимся описанию, но хорошо фиксируемым визуально (цвет и способ обработки поверхности, размер и концентрация частиц примесей), центрально-кавказские сосуды вообще неотличимы от танаисских.

пытно, что к середине III в.н.э. временно прекращает функционировать Нижне-Джулатский могильник [29, с.272], proximity к которому находилось одно из городищ, производивших такие сосуды.

Нелошеные кувшины с валикообразным венчиком, расширяющимся горлом, сфероконическим туловом и стилизованной зооморфной ручкой со слабо намеченным выступом сверху (рис.6, 1-4; 7.1) имеют аналоги на Зылге [23, рис.36, 1; 36, 2] и, по-видимому, в Алхан-Кале [30, рис. 3, 5].

У лощеного кувшина с расширяющимся горлом, чуть приземистым сфероконическим туловом и возвышающейся над венчиком ручкой с тремя налепами-лепешками на изгибе (рис.7, 2) нет прямых соответствий в кавказском материале, однако без труда можно уловить его сходство с серией раннеатанских сосудов, снабженных крепящимися к венчику ручками [31, рис.2, 2-6, 8-12].

По моим наблюдениям, при изготовлении подобной формы меотские гончары пристегали верхний конец ручки к наружной или внутренней стороне венчика, кавказские же раздували его и накладывали на венчик, что, как и штифтовое крепление, диктовалось, вероятно, использованием малогластичной формовочной массы.

Оригинален фрагмент нелощеного кувшина со слегка расширяющимся горлом и двумя ручками, одна из которых оформлена в верхней части налепом, а другая, утраченная, была, по всей вероятности, вертикальной, полой и являлась одновременно носиком-сливом (рис.7, 4). Единичные кувшины с ручкой-носиком и дополнительной ручкой известны в алансской керамике, датируемой В.А.Кузнецовым IV-VI вв.н.э. [32, с.83, рис.24, А, 9, с.109, рис.27, А, 5]. Есть они и на Зылге [23, с.182, рис.8]. Один такой сосуд найден в катакомбе второй половины III-IV вв.н.э. на левобережье реки Дон.¹ Функционально к этому типу близки кувшины с одной вертикальной ручкой-носиком, изготовленные в первые века н.э. как меотами, так и аланами [15, рис.5, 2; 25, с.38-39, рис.4, 5-9]. Танаисский экземпляр (рис.8) по технологии, несомненно, должен быть причислен к кавказской группе.

Два небольших лощеных кувшинчика с расширяющимся горлом, приземистым сфероконическим («грушевидным») туловом и петлевидной ручкой имеют аналогии в Хумаринском могильнике [31, рис.2, 15] и на Зылге [23, рис.10в]. Ручка одного из них увенчана раздвоенным выступом (рис.7, 6). Второй сосуд высокогорный. Его поврежденная ручка первоначально имела зооморфный вид. Горло внизу украшено двумя рядами кружков, разделенных горизонтальным валиком, верхний прилеп - тонкими параллельными насечками (рис.7, 5). По форме туловая

и месту посадки ручки-петли с упомянутыми сосудами сближается еще один миниатюрный кувшинчик (рис.7, 3).

Ручка лощеного кувшина с расширяющимся горлом и приземистым сфероконическим туловом (рис.9, 3) орнаментирована глубокими насечками. Такие насечки, весьма характерные для восточно-кавказской керамики первых веков н.э. [32, рис.1, 9, рис.2, 4, 18; 34], бывают и на зылгинской посуде.

Ничего определенного, за исключением принадлежности к центральнокавказскому керамическому комплексу, нельзя сказать о лощеном кувшине с высоким расширяющимся горлом и несколько асимметричным приземистым туловом (рис.6, 3)¹ а также о поврежденном кувшинчике с округлым туловом, петлевидной ручкой с налепом и клеймом на дне, изображающим шестиконечный крест в круге (рис.9, 5).

Среди керамики второй группы есть два крупных фрагментированных нелощеных кувшинов из серии центральнокавказских двуручников. У них валикообразный венчик, расширяющееся горло и вытянутое сфероконическое туло, к середине которого крепится пара массивных овальных в сечении ручек (рис.9, 1, 4). По пропорциям и декору (широкая полоса из горизонтальных желобков на тулове) они особенно близки нескольким сосудам из донских² и поволжских сарматских погребений II - первой половины III в.н.э. [28, с.55, рис.6, 1]. Двуручники такого типа изготавливались на Зылгинском городище [23, с. 180-181, рис.4]. Вероятно, похожему сосуду принадлежал фрагмент лощеной орнаментированной стенки с ручкой (рис.9, 2).³

Попубликации известен танаисский кувшин, немного отличающийся от описанных, но сделанный в той же технологии. Его туло менее стройное, а витые ручки имеют вид стилизованных фигурок кабана [35, с.164, табл. XXXIV, 1]-животного, разные варианты изображения которого были столь популярны у зылгинских гончаров [23, рис.56, 6а, 11, 10в].

Лощеных кавказских кружек две. У одной из них прямые, слегка расширяющиеся кверху стенки, а ручка выполнена в виде знакомого нам кабана, только совершенно реалистично (рис.10, 1). Другая кружка имеет прямой венчик и напоминающее бочонок туло. Ее ручка, похожая на ручки кувшинчиков из Подкумского и Хумаринского могильников [31, рис.2, 1, 7], представляет собой стилизованного зверя (рис.10, 2).

¹ Ручка сосуда утрачена.

² Могильник Новосадковский, к. 25, п.1, раскопки Л.С. Ильюкова, 1985; могильник Полгорянский IV, к.21, п.1, раскопки С.А.Науменко, 1986 г.

³ Фрагмент принадлежит типичному позднетанаисскому двуручному сосуду и должен быть исключен из нашей выборки.

¹ Могильник Потаповский I, к.3, п.1. Раскопки В.П.Копылова. 1974 г.

В массовом керамическом материале Зилгинского городища попадаются фрагменты лощенных корчаг с вертикальным или слегка наклоненным внутрь прямым венчиком, сферическим туловом и ушками.¹ В нашей выборке представлена корчага этого типа, снабженная подковообразными налепными ушками, с отверстиями для подвешивания (рис.10, 3). Корчаги с прямым венчиком найдены на левобережье Дона в подкурганных захоронениях финального этапа позднесарматской культуры [34, рис.3, 1, 12].²

Во второй группе керамики есть сосуд, сочетающий в себе признаки двух централюкавказских форм - корчаги и двуручники. Это большая нелощеная корчага с прямым венчиком, парой горизонтальных ушек и сфероконическим гулом, к середине которого, перпендикулярно линии ушек, прикреплены две массивные овальные в сечении ручки с зооморфными выступами сверху (рис.10, 4). В одном месте по ее тулову, декорированному аналогично тулову двуручников, прочерчен крестообразный знак. Такие сосуды характерны для Северной Осетии: несколько экземпляров происходят из Бесланского (Зилгинского) курганных могильника³, один - из Алхастинской катакомбы III в.н.э., один из катакомбы в г.Орджоникидзе [37, с.97-99, рис.19, 3].

Морфологически близок к корчагам нелошеный горшок с отогнутым венчиком (рис.10, 5). Небольшие централюкавказские горшочки с ушками, отличающиеся друг от друга в деталях, иногда входят (вместе с крышечками) в инвентарь сарматских погребений конца I - первой половины III в.н.э. [38, с.45].⁴

В нашей выборке оказались также крупный нелошеный горшок с отогнутым, украшенным косыми насечками венчиком (рис.11, 1) и лощенная миска с загнутым бортиком (рис.11, 2). Горшки с отогнутым

¹ Устная информация Д.В. Деопика.

² Неопубликованные корчаги: могильник у х.Новый, к.108, п.1, (2-я пол. III в.н.э.), раскопки Л.С.Ильюкова, 1982 г.; могильник Ново-Садковский, к.9, п.1 (IV в.н.э.), раскопки Л.С.Ильюкова, 1985 г.; могильник Вербовый Лог VII, к.1, п.1 (2-я пол. III-IV в.н.э.), раскопки С.А.Науменко, 1989 г.; могильник Кузнецовский I, к.4, п.1 (2-я пол. III-IV в.н.э.), раскопки А.А.Узянова, 1975 г.

³ Корчага с ручками из разрушенной экскаватором могилы была передана местными жителями начальнику Зилгинского отряда Северо-Осетинской комплексной археологической экспедиции ИА АН СССР и СОГУ И.А.Аржанцевой летом 1988 г. Аналогичные сосуды найдены в катакомбах III-IV вв.н.э., раскопанных в 1989 г. Гицхрати Н.И., Дзуцевым Ф.С., Фидаровым Р. (Информация В.Ю. Малашева)

⁴ Неопубликованные горшочки с ушками: могильник Высочино V, к.18, п.1 (2-я пол. II-1-я пол. III в.н.э.), раскопки Е.И.Беспалого 1985 г.; могильник Подгоренский IV, к.35, п.1 (II в.н.э.), раскопки С.А.Науменко, 1987 г. В фондах РОМК хранятся (КП 4891, 4892) горшочек, имитирующий корчагу с прямым венчиком, и крышка к нему, происходящие из окрестностей г.Водопоя.

венчиком производились повсюду в Центральном и Восточном Предкавказье. Это верно и в отношении упомянутых мисок, с той лишь сговоркой, что для западных областей Центрального Предкавказья они, по-видимому, менее характерны [25, с.42]. Оба типа керамики очень часто встречаются в танаисских помещениях, погибших в середине III в. н.э. [18, с.108, рис.5, с.127, рис.4; 35, табл.XIII, I, XXXV, I], и в сарматских погребениях Подонья II-IV вв.н.э.¹

Лощенные крышки второй группы, имеющие отверстие в центре, принадлежат к двум типам: 1) конические с наклонным, прогнутым внутрь и образующим закраину бортиком (рис.11, 3; 12, 1), 2) полусферические с наклонным бортиком и закраиной (рис.12, 2). Первый тип, имеющийся на Зилге [23, с.190, рис.35, 1], встречается в донских кочевнических комплексах второй половины II - первой половины III в.н.э.² Крышка второго типа найдена в богатом сарматском захоронении конца I - первой половины II в.н.э., раскопанном в кобяковском курганном могильнике [38, с.45].

Горшок с горизонтально отогнутым венчиком, шаровидным туловом и рельефным валиком-уступом, на плечиках невозможно с уверенностью отнести ни к первой, ни ко второй группе керамики. Снаружи поверхность хорошо залощена, внутри на стенках заметны следы быстрого круга, но тесто, содержащее крупные примеси отично от меотского (рис.12, 3).

Итак, анализ некоторых технологических особенностей³ и морфологии описанной выше сероглиняной керамики позволил отделить продукцию донских меотов от сосудов, принадлежащих раннеаланской керамической традиции.

Редкие обломки привозных кавказских кувшинов встречаются в культурных напластованиях Нетиговского городища, датирующихся I в.н.э., однако в закрытых комплексах этого времени подобной посуды пока нет, хотя присутствует меотская.

В слоях, лежащих над слоем пожара середины III в.н.э., также имеются довольно многочисленные фрагменты раннеаланской керамики, а в синхронных помещениях отдельные целые сосуды [39, рис.4, 2, 6], однако это может быть связано с перекопами и вторичным использованием ранних вещей населением позднего Танаиса.

¹ В погребениях доминируют эршики небольших размеров; крупные экземпляры, хорошо представленные в Ганансе, довольно редки (могильник Потайной IV, к.24, п.1, раскопки С.А.Науменко, 1986 г.).

² Могильник Высочино V, к.18, п.1, раскопки Е.И. Беспалого, 1989 г.

Создается впечатление, что пик распространения в городе такой посуды пришелся на II - первую половину III в.н.э. В этот период она представлена разнообразными типами, многие из которых остались за пределами нашей выборки [2, рис.3, 2, 4, 3; 35, табл. VIII, I; 40, рис.27, 5], а в жилых комплексах, погибших при готском разгроме, преобладает над меотской.

География раннеаланского керамического производства пока слабо изучена, поэтому трудно с абсолютной уверенностью говорить о том, с каким из его локальных вариантов демонстрирует наибольшее сходство танаисская керамика кавказского облика II - первой половины III в.н.э. Кажется в ней нет форм, специфичных для западных районов Центрального Предкавказья (Подкумок, Хумаф-1) и для северо-восточного Дагестана (Андрей-аул и др.), зато имеется целый ряд типов (кувишины с валикообразным венчиком, кувшины с желобчатым горлом, двуручники с вытянутым туловом, корчаги с прямым венчиком, низкие цилиндрические кружки с ручкой в виде стилизованного кабана¹), характерных, по-видимому, преимущественно для Зилги и близких ей в территориальном, хронологическом и культурном отношении памятников. Последние представлены расположеными неподалеку от Зилгинского городищами Владикавказской равнины (Брут, Змейское, Эльхотовское), а также притеречными городищами Кабардино-Балкарии (Нижний Джулат, Хамидиевское, Терекское, Урванское, Старо-Лескенское, Аргуданское) и городищами терско-сунженского между речь (Алхан-Кала и др.) [41; 42; 43; 44; с.111-118].² Для определения генетических связей интересующей нас группы керамики важно и то обстоятельство, что миски с загнутым бортиком и горшки с насечками по всему краю, не имеющие узкой локализации и в обширном регионе к востоку от Кубани, являются массовыми категориями находок на памятниках зилгинского круга.

Возможны разные объяснения «центральнокавказского керамического феномена» II - первой половины III в.н.э. в Танаисе.

1. В пользу гипотезы местного производства керамики второй группы при желании может быть истолковано как само ее количество, так и обилие среди них сосудов (двуручников, больших горшков).

¹ Этот зилгинский тип кружек [23, рис. 6а; табл. IV, 5] не попал в нашу выборку, но встречается в танаисских помещениях первой половины III в.н.э. Фрагмент одной из них был найден, например, в подвале М.

² На тождество керамического комплекса названных городищ с зилгинским обратил внимание В.Ю.Малашев. К сожалению, иногда эту керамику, а следила за ней и слои, она содержалась, ошибочно относили к эпохе средневековья. В печать сдана работа, которой они переданы [45].

транспортировка которых на далекие расстояния довольно сложна и кажется неоправданной, так как услугам горожан были эквивалентные меотские формы (корчаги) и амфорная тара. Слабыми звеньями этой гипотезы являются, во-первых, отсутствие сколь-нибудь заметных следов взаимодействия меотской и аланско-керамических традиций (например, аланских форм, изготовленных по донской технологии и т.п.), весьма вероятного при условии длительного проживания бок о бок их носителей; во-вторых, отсутствие в Танаисе горнов для обжига кавказской керамики и бракованных изделий.

2. Гипотеза приобретает право на существование, если предположить, что в двуручниках другой вместительной таре из Центрального Предкавказья в Танаис доставлялись какие-то продукты. Кавказский импорт, включавший в себя и столовую посуду, мог обмениваться здесь на другие товары. Наличие на Зилге светлоглиняных амфор вариантов Си D [26, с.91], датирующихся соответственно II и первой половиной III в.н.э., указывает на то, что одним из них могло быть вино. Возможно, Танаис, прославившийся в античном мире «самым крупным после Пантиапея эмпорием варваров», выступал также в роли транзитного центра, откуда часть кавказского импорта, не использованная для удовлетворения внутригородских потребностей, переправлялась на Боспор (кроме столовой посуды) и в сарматские степи.

3. Наконец, можно допустить, что некоторые сосуды второй группы импортированы, а другие сделаны на месте гончарами - выходцами из Центрального Предкавказья, которым по каким-то неясным для нас причинам удалось сохранить неизменными морфологию своих изделий и основные технологические приемы их изготовления, несмотря на необходимость адаптации к новому сырью и близкое соседство более развитого керамического производства.

Пока ни одна из сформулированных выше версий происхождения посуды в таре группы нельзя признать наиболее обоснованной. Бессспорно, однако, что широкое распространение в городе такой керамики практически совпадает по времени с седентаризацией сарматов, начавшейся, если верить надписям, не позднее 50-х годов II в.н.э. [18, с. 232, 258; 46, с.51-54], и хорошо документированной находками в поместьениях лепных квадратных курильниц, луков «гуннского типа» и других вещей, а также появлением ярких степных черт в погребальном ритуале курганного некрополя [47]. На закономерный характер отмеченного хронологического совпадения указывает, на мой взгляд, редкость кавказских сосудов в грунтовых могильниках

Кобяковского [22] и Нижнегниловского¹ градищ, обусловленная, по-видимому, не только меньшей в сравнении с Танаисом торговой активностью этих поселений и наличием на них своего гончарства, но и тем, что они не подверглись столь интенсивной сарматизации, как сам город [8].

Судя по инвентарю подкурганных захоронений, во II - первой половине III в.н.э. большинство типов сероглиняной керамики второй группы было в обиходе "кочевника", населявших степи Подонья. Потребность в привычных сосудах, а возможно и в некоторых видах продуктов, традиционно приобретавшихся степняками на Кавказе, существовала также у тех сарматов, которые оседали в Танаисе. Вероятно, привычные ираноязычные танаиты удовлетворяли свой спрос с помощью своих соплеменников, сохранивших прежний образ жизни, поскольку без участияnomадов город в устье Дона вряд ли мог бы поддерживать торговые или какие-то иные отношения с обитателями отдаленных районов Центрального Предкавказья.

По-видимому, роль одного из факторов, стимулировавших подобного рода контакты, играла военная активность мощного донского союза сарматских племен, находившегося с I в.н.э. в тесном экономическом и политическом взаимодействии с Танаисом. На данную мысль наводит сходство посуды второй группы с керамическим комплексом раннеаланских городищ Владикавказской равнины и сопредельных с ней территорий; ведь именно по этой низменности, ограниченной горными массивами, образующими на севере удобный выход в степь (Эльхотово), пролегал заключительный отрезок пути к Дарьяльскому ущелью, через которое, согласно мнению авторитетных исследователей античной традиции, сарматы чаще всего совершали свои набеги в Закавказье [48, с.230-231].

Подводя итоги нашей работы, отметим, что для успешного решения обозначенных в ней проблем необходима прежде всего более подробная публикация результатов раскопок древнего Танаиса - уникального памятника греко-римской цивилизации и варварских культур в Северном Причерноморье.

¹ В 380 погребениях Нижнегниловского могильника, изобилующих местной кружальной керамикой, найдено только 10 кавказских сосудов (раскопки Гугуева В.К., 1988-1990 гг.)

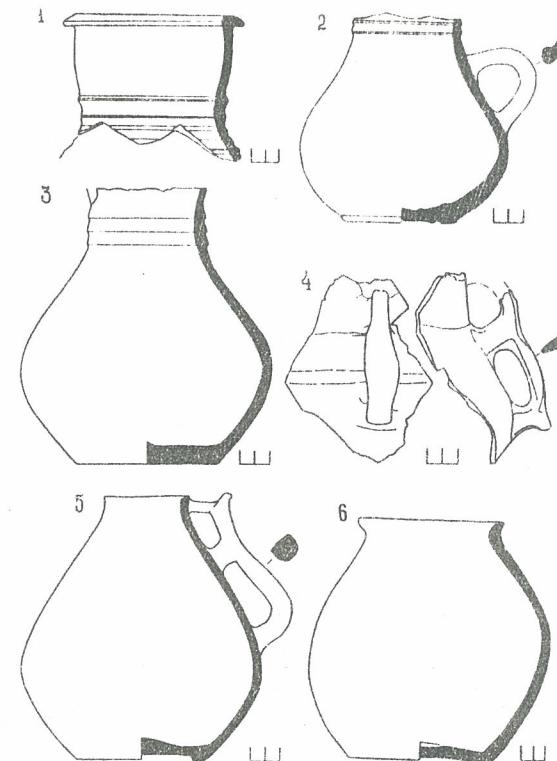

Рис. 1. 1) 1975 г., раскоп XIV, усадьба 19, помещение Р.
2) 1984 г., раскоп XIV, усадьба 15, помещение КЖ.
3) 1989 г., раскоп XIV, усадьба 17, помещение ЕЮ.
4) 1987 г., раскоп XIV, усадьба 18, вход в помещение ЕН.
5) 1975 г., раскоп XIV, усадьба 19, помещение З.
6) 1985 г., раскоп VI, усадьба 13, помещение ДЧ.

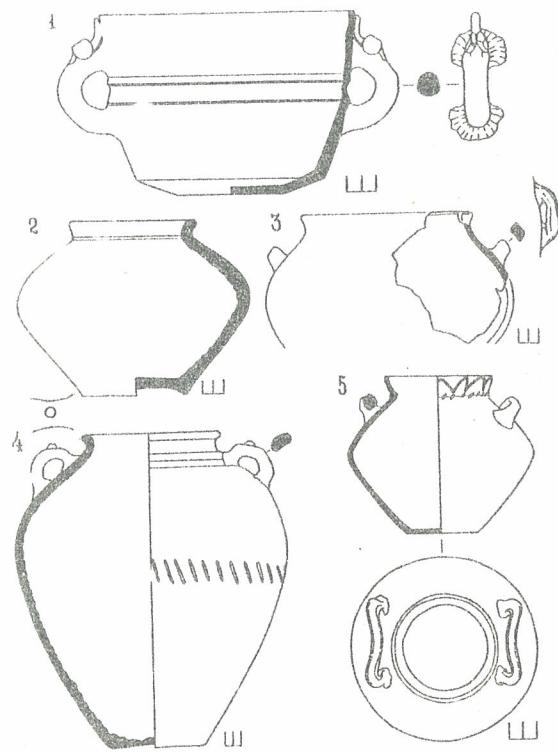

Рис.2. 1) 1976 г., раскоп XIV, усадьба 19, помещение Р.
2) 1986 г., раскоп VI, усадьба 16, помещение ЕЗ.
3) 1985 г., раскоп VI, усадьба 13, помещение ДЧ.
4) 1983 г., раскоп XIV, усадьба 15, помещение ГО.
5) 1987 г., раскоп VI, усадьба 17, помещение ЕМ.

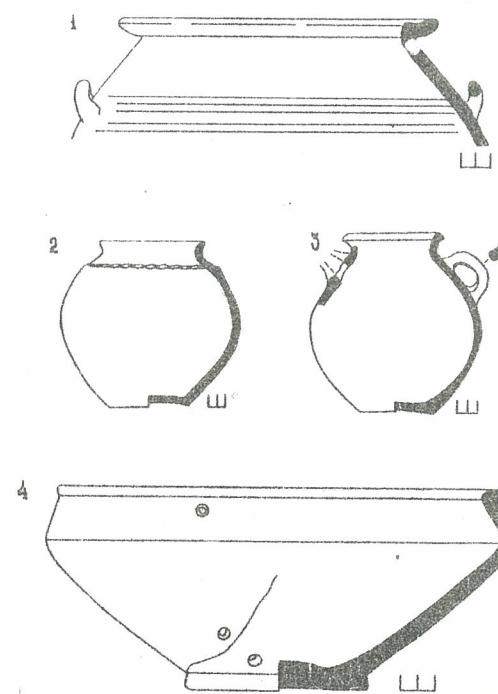

Рис. 3. 1) 1985 г., раскоп VI, усадьба 13, помещение ДЧ.
2) 1986 г., раскоп VI, усадьба 16, помещение ЕЖ.
3) 1984 г., раскоп XIV, усадьба 15, помещение КЖ.
4) 1986 г., раскоп VI, усадьба 16, помещение ЕЖ.

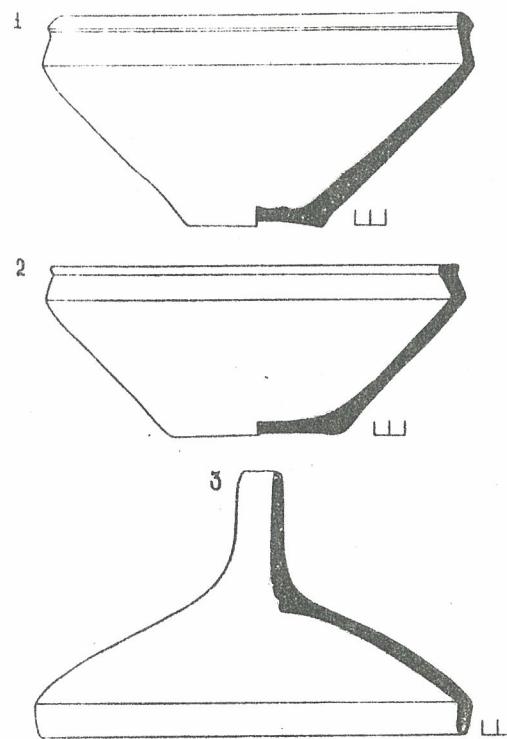

Рис. 4. 1) 1983 г., раскоп VI, усадьба II, помещение ДФ.
2) 1967 г., раскоп VI, двор усадьбы 2.
3) 1985 г., раскоп VI, усадьба 16, помещение ДЧ.

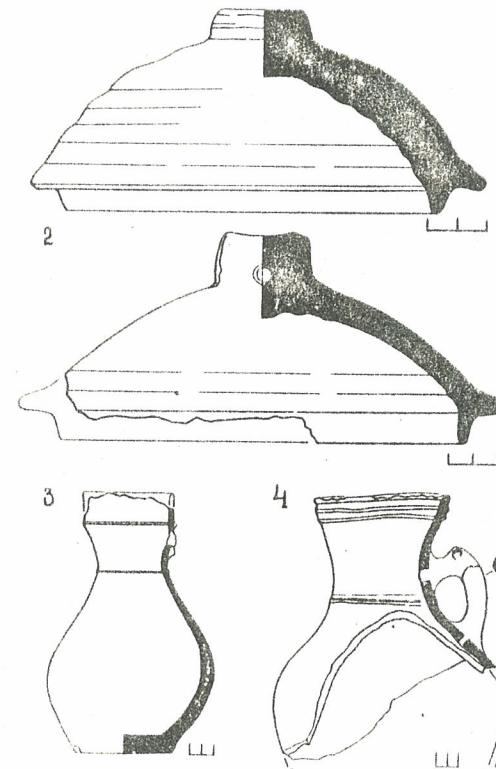

Рис. 5. 1) 1983 г., раскоп VI, усадьба II, помещение ДФ.
2) 1983 г., раскоп VI, усадьба II, помещение ДФ.
3) 1983 г., раскоп VI, усадьба II, помещение ДФ.
4) 1978 г., раскоп XIV, усадьба 23, помещение С.

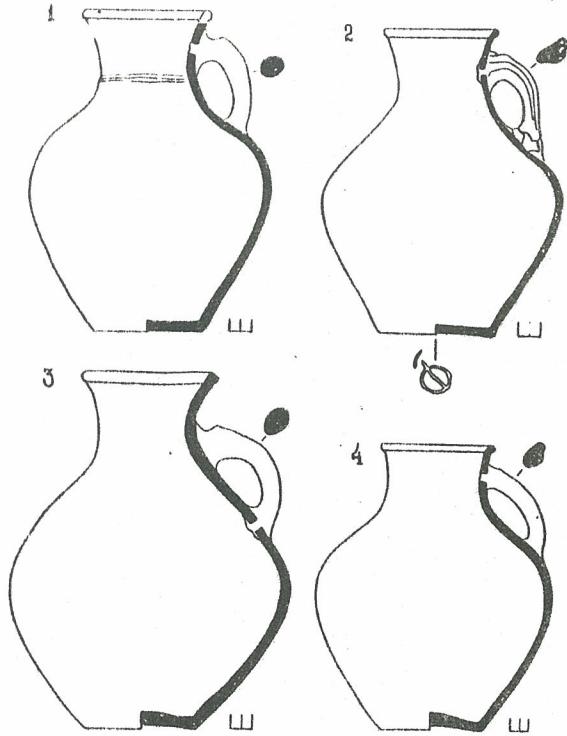
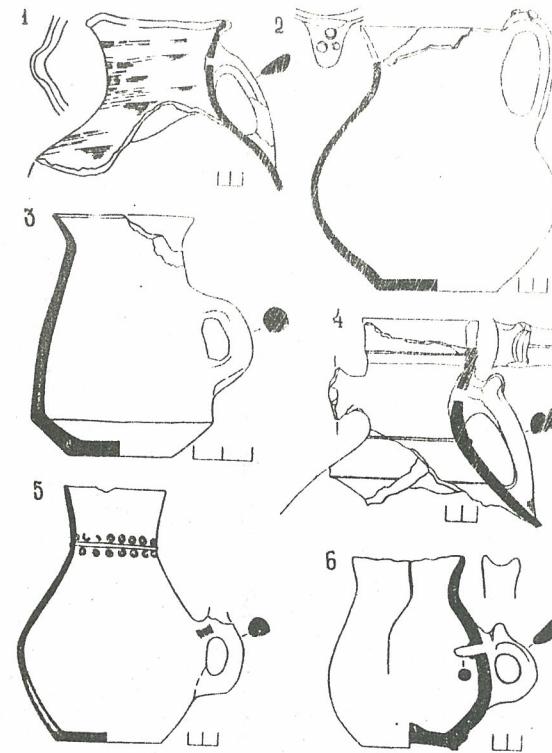

Рис. 6. 1) 1991 г., раскоп XIV, усадьба 20, помещение МБ.
2) 1991 г., раскоп XIV, усадьба 20, помещение МБ.
3) 1991 г., раскоп XIV, усадьба 20, помещение МБ.
4) 1989 г., раскоп XIV, усадьба 17, помещение ЕЮ.

- 1) 1991 г., раскоп XIV, усадьба 20, помещение МБ.
- 2) 1983 г., раскоп XIV, усадьба 21, помещение КЕ.
- 3) 1987 г., раскоп XIV, усадьба 18, помещение ЕШ.
- 4) 1986 г., раскоп VI, усадьба 16, помещение ЕЖ.
- 5) 1987 г., раскоп XIV, усадьба 17, помещение ЕМ.
- 6) 1977 г., раскоп XIV, усадьба 19, помещение Х.

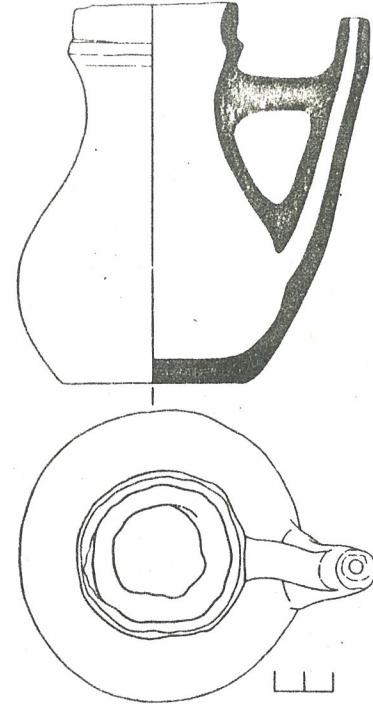

Рис. 8. 1989 г., раскоп XIV, усадьба 17, помещение ЕЮ.

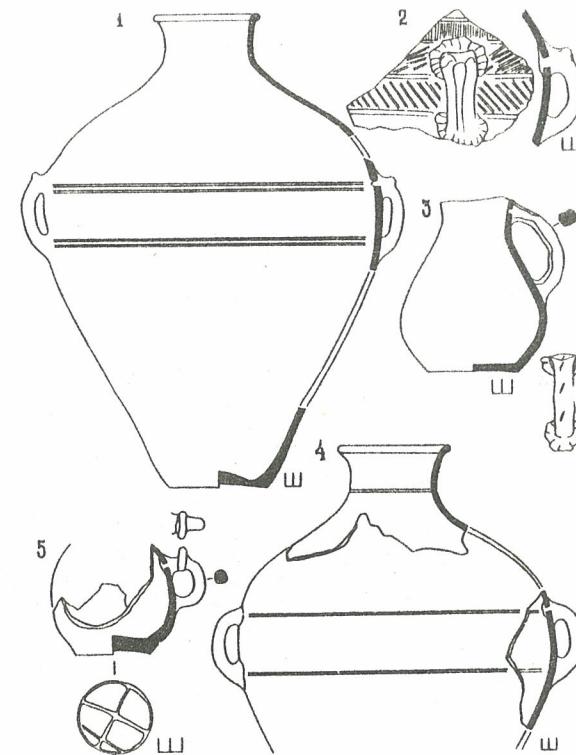

Рис. 9. 1) 1986 г., раскоп VI, усадьба 16, помещение ЕЖ.
2) 1977 г., раскоп VI, усадьба 12, двор.
3) 1986 г., раскоп VI, усадьба 16, помещение ЕЗ.
4) 1985 г., раскоп VI, усадьба 13, помещение ДЧ.

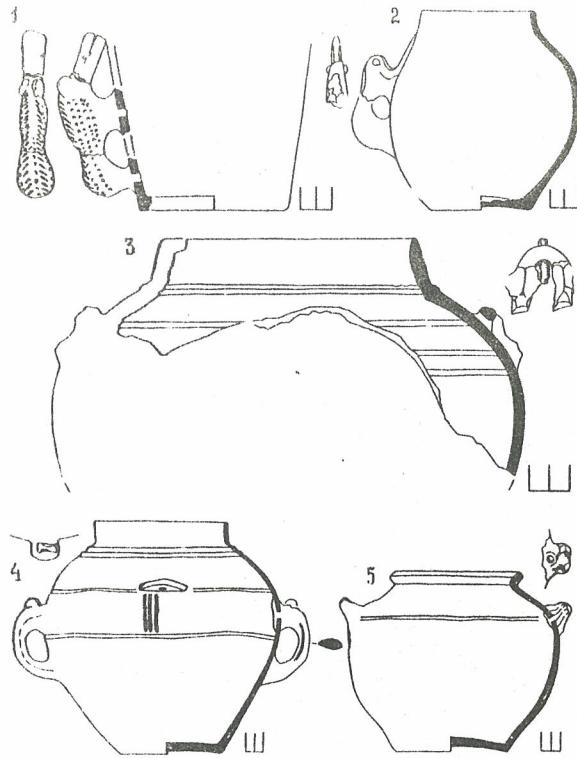

Рис. 10. 1) 1987 г., раскоп XIV, усадьба 18, помещение ЕШ.
2) 1987 г., раскоп VI, усадьба 18, помещение ЕФ.
3) 1989 г., раскоп XIV, усадьба 17, помещение ЕЮ.
4) 1975 г., раскоп XIV, усадьба 20, помещение У.
5) 1986 г., раскоп VI, усадьба 16, помещение ЕЖ.

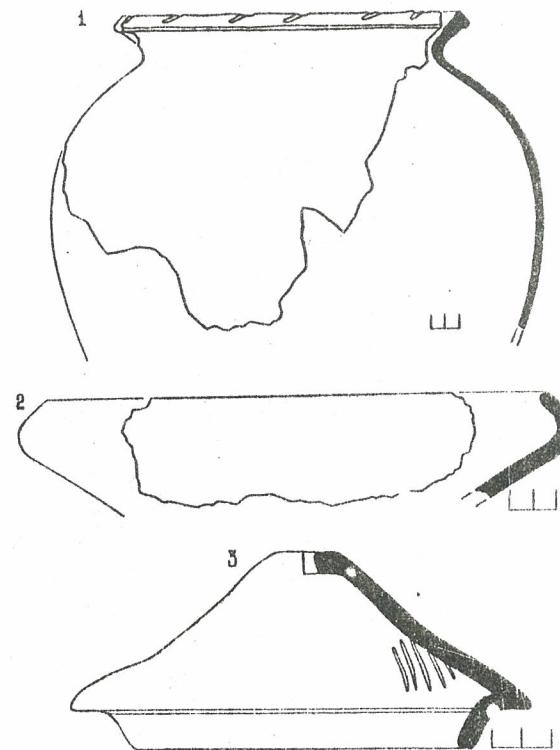

Рис. 11. 1) 1986 г., раскоп VI, усадьба 16, помещение ЕЗ.
2) 1991 г., раскоп XIV, усадьба 20, помещение МБ.
3) 1989 г., раскоп XIV, усадьба 17, помещение ЕЮ.

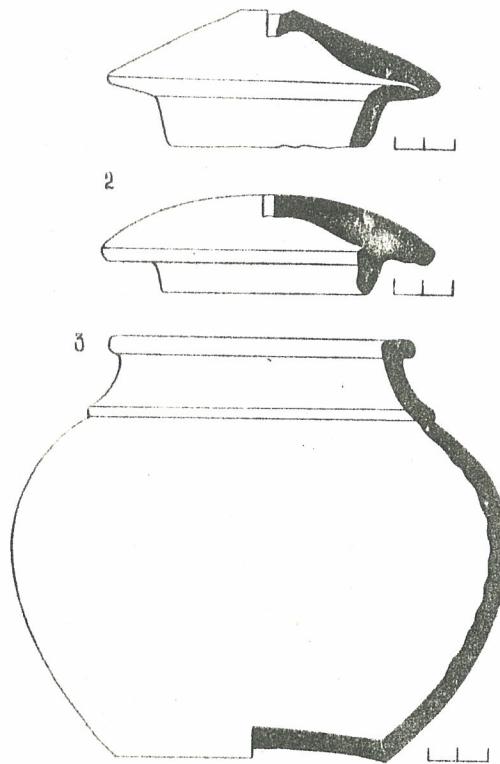

Рис. 12. 1) 1984 г., раскоп XIV, усадьба 15, помещение КЖ.
2) 1989 г., раскоп VI, усадьба 13, помещение ДЧ.
3) 1974 г., раскоп XIV, усадьба 20, помещение Д.

1. Киповиц Т.И. Танаис. М.-Л., 1949.
2. Арсеньева Т.М. Местная керамика из Танаиса //СА, 1968, № 3.
3. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Усадьбы Танаиса. М., 1992.
4. Анисимов А.И. О продвижении племен готского союза в Северо-Восточное Причерноморье в середине III в.н.э. (по нумизматическим данным) //Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989.
5. Жупанин О.Ф. К вопросу о технологических признаках и форменных могильника города № 3 станицы Старокорсунской //Древности Кубани (Материалы семинара). Краснодар, 1987.
6. Жупанин О.Ф., Марченко И.А. К вопросу о технологии производства меотской керамики //Древности Кубани (Материалы к семинару). Краснодар, 1986.
7. Каменецкий И.С. Население Нижнего Дона в I-III вв.н.э. Автoref. дис. М., 1965.
8. Гугуев В.К., Безуглов С.И. Меоты и сарматы на Нижнем Дону в I-III вв.н.э. (Структура и эволюция погребального обряда) //Проблемы сарматской археологии и истории. Азов, 1988.
9. Косяненко В.М. Хронология сероглиняной керамики некрополя Кобякова городища (раскопки 1956-1962 гг.) //Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 6. Ростов-на-Дону, 1989.
10. Братченко С.И. Правобережное Мокро-Чалтырское городище на Нижнем Дону //СА, 1957, № 2.
11. Шепко Л.Г. Позднесарматские курганы в Северном Приазовье //СА, 1987, № 4.
12. Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки, М. 1987.
13. Косяненко В.М. Работы в Ростове-на-Дону //АО - 1982. М.: 1984.
14. Капошина С.И. Одна из групп керамики с Кобякова городища //КСИА, вып. 94, М., 1963.
15. Каменецкий И.С. Итоги исследования Подазовского городища //СА, 1974, № 2.
16. Каменецкий И.С. Нижне-Гниловское городище (раскопки 1954 и 1955 гг.) //Краеведческие записки Таганрогского краеведческого музея. Вып. I. Таганрог, 1957.
17. Керамическое производство и античные грамматические строительные материалы //САИ, Г 1-20. М., 1966.
18. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. М., 1972.

19. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III-I вв до н.э. М., 1970.
20. Чалый В.В. Отчет об охранных работах в припортовой части Танаиса в 1977 г. //Архив музея-заповедника Танаис (без шифра).
21. Каменецкий И.С. Городища донских меотов. (Вопросы читировки). В печати.
22. Гугуев В.К., Гугуев Ю.К. Керамический импорт из Центрального Предкавказья в грунтовом некрополе Кобякова городища по материалам раскопок 1984-1985 гг.) //Известия РОМК. Вып.6. Ростов на-Дону, 1989.
23. Деопик Д.В. Керамика Центрального Предкавказья I-IV вв.н.э. по материалам городища Зилги (Северная Осетия) //Материальная культура Востока. Ч.II. М., 1988.
24. Шелов Д.Б. Некрополь Танаиса //МИА, 92. М., 1961.
25. Абрамова М.П. К вопросу о связях населения Центрального Кавказа сарматского края //СА, 1979, № 2.
26. Аржанцева И.А., Деопик Д.Б. Зилги-городище начала I тыс.н.э. на стыке степи и предгорий в Северной Осетии //Ученые записки комиссии по изучению памятников цивилизации древнего и средневекового Востока (Археологические источники). М., 1989.
27. Мошкова М.Г. К вопросу о месте производства некоторых групп сарматской лощеной керамики //КСИА. Вып.162. М., 1980.
28. Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века н.э. Саратов, 1984.
29. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
30. Мамаев Х.М. Хронология катакомбных могильников Чечено-Ингушетии конца IV - первой половины VIII в. //Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии, Грозный, 1986.
31. Абрамова М.П. Западные районы Центрального Предкавказья во II-III вв.н.э. //КСИА. Вып.197. М., 1990.
32. Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа //МИА, 166, 1962.
33. Абрамова М.П., Магомедов М.Г. О происхождении тул. уры Андреяульского городища //Северный Кавказ в древности средние века.. М., 1980.
34. Гмыря Л.Б. Столовая керамика Андреяульского городища типология и стратификация //Средневековые древности евразийских степей. М., 1980.
35. Арсеньева Т.М., Шелов Д.Б. Раскопки юго-западного участка Танаиса 1964-1972 гг. //АП. ИП. Т. I. М., 1974.
36. Безуглов С.И., Копылов В.П. Катаомбные погребения II-IV вв.н.э.на Нижнем Дону //СА, 1989, № 3.
37. Кузнецов В.А. Зилгинское городище в Северной Осетии //Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе, 1986.
38. Прохорова Т.А., Гугуев В.К. Богатое сарматское погребение в кургане на восточной окраине г.Ростова-на-Дону //Известия РОМК. Вып.5. Ростов-на-Дону, 1988.
39. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Раскопки Танаиса в 1981-1984 гг. //КСИА. Вып.191. 1987.
40. Наливкина М.А. Раскопки юго-восточного участка Танаиса(1960-1961 гг.) //Древности Нижнего Дона. М., 1965.
41. Кузнецов В.А. Раскопки Змейского поселения VIII-X вв.Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т.II. Орджоникидзе, 1969.
42. Чеченов И.М. Раскопки городища Нижний Джулат в 1966 г./ Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Т. XV. Нальчик, 1967.
43. Чеченов И.М. Археологические работы на городищах Кабардино-Балкарии в 1965 г. //Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Т.XV. Нальчик, 1967.
44. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грязный, 1963.
45. Деопик Д.В., Малашев В.Ю. Городища предгорной полосы Центрального Предкавказья первой половины первого тыс. н.э. //В печати.
46. Данышин Д.И. Танаиты и танаисцы во II-III вв.н.э. //КСИА. Вып.197. М., 1990.
47. Гугуев В.К. Новые подкурганные захоронения в Танаисе и их этническая при надлежность //Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1983.
48. Скржинская Е.И. Иордан. О происхождении и действиях гетов, М., 1960.

Л.А.Демиденко
Костяные изделия
первых веков нашей эры из Танаиса

Изделия из кости и рога - обычные находки культурных слоев античных городов, и Танаис в этом отношении не является исключением. Его коллекция насчитывает сотни поделок из кости, относящихся ко всему периоду существования города.¹ Часть из них происходит из хорошо датированных комплексов II - первой половины III вв.н.э., но особенно много находок отмечено в слоях последнего периода жизни города конца IV - первой половины V вв.н.э.

Специальных работ, посвященных косторезному танаисскому ремеслу, нет. Новцеломядеисследований Д.Б.Шелов, Т.М.Арсеньева, рассматривая назначение и происхождение отдельных костяных поделок [1, с.117-118; 2, с.111; 3, с.152, 153, табл.XXV, 1-14; 4, с.105, рис.3, 3; 26, с.91, 92, 323, 324; 27, с.129, рис.10], отмечали его существование в Танаисе. Часть костяных изделий из Танаиса опубликована Б.Г.Петерсоном в монографии, посвященной косторезному ремеслу в античное время [19, с.43, табл.3, 12, 13, 15, 16; с.47, табл.5, 22; с.48, табл.6, 4; с.51, табл.6, 32; с.52, табл. 7, 18-20, 27; с.53, табл.7, 31, табл.8, 1; с.62, табл.12, 23; с. 67, 68, табл.13, 16-19; с.71, табл.14, 13; с.76, 77, табл.15, 21, 25, 26, 29; с.86, табл.18, 1, 9].

Настоящая публикация является первым опытом классификации костяных изделий из Танаиса на основании их функционального назначения.²

Танаисское косторезное ремесло имело значительную сырьевую базу, основанную на развитии местного скотоводства. В.И.Цалкин, исследовавший остеологические находки, полученные во время раскопок, сделал ряд интересных заключений относительно развития животноводства в городе. Основная масса костей, по его наблюдениям, принадлежит крупному и мелкому рогатому скоту, а также лошадям и свиньям [25, с.284, табл.5]. Кости диких животных найдены в небольшом количестве [25, с.274]. Перечисленные костные остатки служили сырьем для косторезного танаисского производства. Гораздо реже для этих целей использовались кости птиц и рыб [табл.II, 10, табл.XIII, 14-19; табл.XVIII, 19]. О развитии данного ремесла можно также судить на основании находок заготовок, полуфабрикатов,

отходов производства /табл.I, 1-6; табл.II, 1-10/.

Как правило, обработке подвергались трубчатые и тазовые кости, ребра, позвонки, фаланги и клыки животных, часто рога благородного оленя и сайгака. Неисключено, что в качестве сырья использовался как стержень рога, так и его роговая оболочка [9, с.237, 238]. После тщательного отбора кости обезжиривались, просушивались, затем подвергались разнообразной обработке. Следы ее, оставленные на заготовках и изделиях, свидетельствуют о разнообразии способов обработки и применяемых инструментов. Большинство поделок подвергались стесыванию, строганию, пилению, сверлению, шлифовке. Для отделения сухожилий, рубки кости и стесывания могли применяться топоры. Следы работы ими видны на заготовках рогов диких животных [табл.1, 1, 3, 4]. Да и сами топоры являются довольно частой находкой в усадьбах Танаиса II-III вв.н.э. Кроме них для обработки кости использовали ножи. Следы работы ими оставлены, например, на костяном шиле [табл.XI, 10], роге оленя [табл.1, 5], на заготовке наконечника стрелы [табл.II, 8].¹ Применялись и сверла разных диаметров, о чем свидетельствуют встреченные на многих изделиях отверстия различных размеров. Для обработки кости использовался и токарный станок, применение которого заметно не только на готовых изделиях, но и на заготовках. Так, на отростке рога благородного оленя /табл.II, 4/ в верхней части имеются круговые бороздки, аналогичные следы прослеживаются и на веретенообразной заготовке /табл.II, 9/. Подобные следы могли возникнуть при обработке изделий на токарном станке.

Наряду со следами обработки, на костяных изделиях прослеживаются следы сработанности в виде сточенности, заполированности, царина, возникшие при использовании их в качестве орудий труда. Функции костяных изделий по следам употребления были тщательно изучены С.А. Семеновым, чьи выводы и методика использованы нами при определении функционального назначения танаисского материала [20, с.200-227].

Рассматриваемые костяные изделия сгруппированы в таблицы и описание этих предметовдается на их основании. Они объединены в пять групп: орудия труда, предметы бытового назначения, украшения, оружие. Следует иметь в виду, что в таблицах приведены наиболее хорошо сохранившиеся экземпляры изделий. В слоях городища II-III и IV-V вв.н.э. они встречаются в гораздо большем количестве. Однако из-за плохой сохранности часть их не поддается полному определению.

¹ В работе рассмотрены костяные изделия, добытые Нижне-Донской экспедицией во время раскопок на городище в 1955-1987 гг.

² Автор выражает признательность С.А.Науменко, выполнившей рисунки к статье.

¹ Остеологические определения сделаны кандидатом геолого-минералогических наук В.С.Байгушевой и кандидатом биологических наук Ю.Я.Мягковой.

ОРУДИЯ
ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.
Орудия для обработки кожи

Гладилки /коныки/. Широкое применение в хозяйственной деятельности имели орудия труда, связанные с обработкой кожи и получившие в археологической литературе название «коныков» или «гладилок» [20, с.226,225, рис.105; 21, с.353, рис.1-4]. Они сделаны из метаподии лошадей и реже быков. В Танаисе обнаружено 15 подобных орудий [табл. III, 2-4; табл. IV, 1-3; табл. V, 1-3; табл. VI, 1-3; табл. VII, 1, 2, 4] [3, с.152, 153, табл. XXV, 10; 19, с.43, рис.2, табл. III, 13-16; 26, с.90, 91, 93, с.92, рис.1] и одна заготовка [табл. III, 1]. Она дает представление о последовательности обработки кости при изготовлении этого типа орудий. Ее первоначально стесывали по фронтальной поверхности у эпифизов, а затем подвергали шлифовке. Следы стесывания прослеживаются и на готовых изделиях с последующей шлифовкой поверхности до плоского основания. На некоторых экземплярах эпифизы были косо срезаны с боков и стесаны снизу таким образом, что передняя часть становилась заостренной и приподнятой [табл. III, 2; табл. V, 3; табл. VI, 2; табл. VII, 2], что, видимо, и дало основание некоторым исследователям назвать их «коныками». Следы сработанности на изделиях этого типа прослеживаются в виде тонких царапин и стертости. Степень изношенности неодинакова. На некоторых экземплярах она прослеживается только на поверхности компактного слоя [табл. III, 3; табл. IV, 1; табл. V, 3; табл. VI, 1, 2; табл. VII, 2]. В других случаях рабочая часть орудия стерта до губчатого слоя [табл. III, 2, 4; табл. IV, 2, 3; табл. V, 1; табл. VI, 3; табл. VII, 1, 4], а на одном экземпляре - до полости [табл. V, 2]. Время и пространственный диапазон распространения гладилок велик. Они известны на территории Восточной Европы с эпохи поздней бронзы вплоть до позднего средневековья [26, с.91]. На Нижнем Дону они встречаются и в XVII-XVIII вв., например, в крепости Лютик.¹ В античный период эти орудия были известны в городах Северного Причерноморья [19, с.43, табл. III, 12, 17], встречаются они и на памятниках черняховской культуры [14, с.76, рис.32, 13].

Для этих же целей служил, вероятно, фрагмент кости с сработанной плоскостью [табл. IX, 1].

Шилья, греколки. Значительную группу изделий, связанных с обработкой кожи, составляют поделки в виде стержней с заостренны-

ми концами. Среди них выделяются два типа: шилья и проколки. Шилья заострены с одного конца, к верхнему тупому они в большинстве случаев расширяются. Следы сработанности прослеживаются в виде заполированности, которая возникла от трения с кожей при ее прокалывании [табл. X, 1, 2, 4, 7, 10, 11; табл. XI, 11, 3, с.152, 153, табл. XXV, 8; 19, с.52, табл. VII, 27, VIII, 1]. На одном из экземпляров невооруженным глазом видны царапины [табл. X, 13]. На тупом конце часто имеется заложенная площадка для упора большого пальца.

Ко второму типу относятся поделки удлиненной формы с обоюдо-острыми концами и расширяющиеся в средней части [табл. XI, 1-3, 5-10, 12-17]. В литературе они имеют различные наименования: греколки сигаровидной формы [26, с.90], двусторонние шилья [19, с. 52, табл. VII, 11-20]. Существует предположение об ином их использовании [16, с.192; 19, с.52].

Кости с кольцевыми и полукольцевыми врезками. Трубчатые кости с характерными следами в виде кольцевых и полукольцевых врезок и коротких насечек, вероятно, сл. жили орудиями для обработки сухожилий и сечения ниток. В Танаисе аналогичные следы обнаружены на 20 трубчатых костях² [табл. XV, 1-9; табл. XVI, 1-11]. Они имеют вид полукольцевых и кольцевых врезок с несмыкающимися и заходящими друг за друга концами около миллиметра и менее глубиной. Их может быть несколько, и они делят кость на отрезки разной длины, но не более 5-6 см. Иногда врезки расположены рядом. Их характер различен: в одних случаях они аккуратны с ровными краями и как бы сделаны в один прием, в других имеются следы многократной проработки в виде наложенных друг на друга врезок. Однако все они без исключения имеют мягкие округлые ложа. Подобные следы могли образоваться от трения с тонким эластичным материалом шириной не более миллиметра. Они также заметно отличаются от надпилов, сделанных ножом или пилой, которые обычно бывают тоньше и имеют более четкие края и грани. На многих костях отсутствуют эпифизы, удаленные преднамеренно, на тех же изделиях, где они сохранились, в них имеются отверстия овальной или округлой формы. Орудия, вероятно, насыживались на деревянные или железные стержни для жесткого крепления, и в таком рабочем положении на них растягивались сухожилия и сучились нити. Обработка сухожилий и

¹ Лютик, 1973, № 568.

² Б.Г.Петров высказал предположение, что одна кость из Танаиса [табл. XVI, II] имеет календарные зарубки, т.к. количество врезок на ней соответствует числу дней и недель лунного греческого календаря [19, с. 62, табл. XIII, 23]

кожаных ремней подобным способом известна и в более позднее время. Например, растягивание имянение кожаных ремней на разбильниках /орудиях из метаподий лошадей/ из Родонова городища /XI-XIII вв./ [20, с.223-225, рис.104].

Костяные предметы для шитья, вязания, ткачества

Иглы для вязания сетей. Стержни, заостренные с одного конца, и вырезом у другого определены как иглы для вязания сетей. В Танаисе встречены две подобные иглы. Одна из них сделана из метаподии волка или собаки [табл.X, 3]. Конец ее небрежно заострен, у эпифиза неглубокая выемка. Вторая игла фрагментирована. Она четырехгранный в сечении, имеет у тупого конца треугольный вырез [табл.X, 12]. Иглы часто находят в культурных слоях городищ античного времени [12, с.65-67, 69, рис.23, 4, 5; 19, с.53-54, табл.VII, 33-38, табл.VIII, 11-43, IX, 1-55].

Челюски для плетения сетей представляют собой трубочки с одним боковым отверстием. Из Танаиса происходят три таких поделки [табл. XIV, 4, 5, 6]. Они имеют отверстие эллипсоидной формы, в одном случае расположено в центре, на других экземплярах ближе к расширенному концу. Края отверстий залощены.

Предметы для шитья и вязания. В хозяйственном комплексе IV-V в.н.э. были обнаружены предметы, связанные с этим видом деятельности. Это вязальный крючок [3, с.152, табл.XXV, 7; 19, с.50, табл.VI, 12], прямоугольная пластинка с выемками на длинных сторонах для наматывания ниток [табл.XIX, 8] и игольник, представляющий собой полую, закрытую с одной стороны трубочку с двумя отверстиями для пропускания ниток [XVII, 2]. Намотки и крючки достаточно известны в Северном Причерноморье [19, с.48-50, табл.VI, 5-8, 11]. Игольники характерны для сарматских погребений II-III вв. до н.э. [15, с.39, табл.23, 34-41], встречаются они и в памятниках черняховской культуры [18, с.74, рис.8, 18, 19, 22].

Пряслица. Костяные пряслица - обычная находка в культурных слоях античных памятников Северного Причерноморья [19, с.59, 60, табл.X, 6-10, 15, 16, 19-21, табл. XI, 1, 2, 4, 7, 9, 10, 16-23]. В Танаисе их два. Одно из них трапециевидной формы с цилиндрическим отверстием [табл.XVIII, 5], второе куполовидное [табл.XVIII, 6].

Орудия для полировки

В Танаисе встречены орудия из тазовых костей лошади, аналогий которым мы пока не знаем. Они представлены двумя экземплярами.

Имеют подтреугольную форму с вырезом по центру рабочего края. Выступающая часть, видимо, служила рукоятью, ее поверхность равномерно заполирована. Рабочий край срезаны до губчатого слоя. На одном из орудий край горизонтальный с треугольным вырезом в центре [табл.VIII, 1]. На рабочей поверхности следы длительного трения в виде залощенности губчатого и наружного компактного слоя. Рабочий край, видимо, повторяет форму обрабатываемого предмета. Второй экземпляр [табл.VII, 2] служил для обработки изделия треугольной формы с острым углом. Кроме залощенности рабочей поверхности, здесь имеются глубокие насечки в вершине выреза. Хотя губчатая ткань не является прочным материалом, она достаточно упруга и пориста и с применением абразивного вещества могла использоваться для полировки даже такого плотного материала как камень. Орудия для полировки камней, обработанные подобным образом, но из других костей, обнаружены в Ольвии в слоях античного времени. Одно из эпифиза крупного рогатого животного, другое из рога оленя [20, с.222-223, рис.102, 1-3].

Инструменты для обработки глиняных изделий

Две костяные поделки предположительно можно отнести к орудиям гончара. Одна из них имеет форму ножа с заостренной гранью [табл.IX, 4]. На заостренном конце и боковой рабочей грани есть следы стертости, которые могли образоваться при обработке поверхности гончарных сосудов [19, с.47, табл.V, 22]. Вторая сделана из отрезка трубчатой кости с заостренным концом. Боковая рабочая грань у нее сильно стерта [табл.IX, 2].

Поделка из рога оленя [табл.IX, 7], заостренная с одного конца, с расширением к верхнему тупому, имеющему круглое отверстие. На рабочей поверхности заостренного конца видны следы в виде заполированности и кольцевых насечек. Характер следов позволяет предположить, что орудие использовалось в качестве сверла для изготовления отверстий в глиняных изделиях. Возможно, вращение происходило с помощью стержня, который крепился в отверстии рога.

Стержень из диафаза трубчатой кости с заостренным и слегка раздвоенным концом. Вероятно, использовался как инструмент для нанесения орнамента в виде двух параллельных линий или окружностей диаметром 0,4 см на поверхность глиняных изделий [табл.X, 6].

Орудия, связанные с земледелием

К этой группе изделий отнесены две находки. Одна из них была определена Б.Г.Петерсом как мотыга [19, с.48, табл.VI, 4]. Она сделана

из трубчатой кости с рабочим краем подтреугольной формы втулкой, и могла служить, судя по размерам, для разбивания комьев земли и заделывания семян при посеве [табл.IX, 3]. Второе изделие из рога крупного рогатого животного с косо срезанным рабочим краем имеет следы сработанности на рабочей поверхности в виде заполированности и царапин, возникших, вероятно, при трении с твердыми частицами земли или песка [табл.IX, 5]. Такое орудие могло применяться для рыхления почвы.

Инструменты для письма - стили

К ним отнесены изделия в виде удлиненного стержня с одним заостренным и вторым тупым концами. В Танаисе обнаружены четыре таких предмета, имеющих различную конфигурацию стержня: уплощенно-овальную, округлую и трехгранную [табл.X, 5; 9; табл.XI, 4]. У одно из них [табл.X, 5] на тупом конце имеется заполированная площадка, которая, видимо, служила для затирания написанного [3, с. 152, табл.XXV, 4; 19, с.61, табл.XII, 7]. Предметы, подобные танаиским, объясняемые как стили-инструменты для письма, широко известны в античных памятниках Северного Причерноморья [16, с.192; 19, с.60-62, табл.XII, 1-22].

ПРЕДМЕТЫ БЫТОВОГО НАЗНАЧЕНИЯ.

Костяные трубочки

Трубочки для доения. Полые костяные трубочки, спиленные с двух сторон, с тщательно обработанной поверхностью - самые многочисленные находки среди костяных изделий Танаиса [табл.XII, 1-27, табл.XIII, 1-18, табл.XIV, 7]. Сырьем для их изготовления служили берцовые и бедренные кости мелкого и крупного рогатого скота, птичьи кости, а в одном случае берцовая кость собаки [табл.XII, 17]. Применение трубочек было широким. Существует предположение об их использовании для дойки заболевших коров [6, с.186-191], а также кобылиц. Б.Г. Петерс к этому типу орудий отнес две трубочки из Танаиса [табл.XII, 3, 5] [19, с.77, табл.XV, 21, 27]. Сего мнением можно согласиться. При этом следует иметь ввиду, что значительную часть населения Танаиса составляли сарматы, осевшие кочевники, для которых подобный способ доения был вполне приемлемым.

Рукоти из кости. Костяные трубочки могли служить рукоятками для ножей, сверл и т.д. Удалось проследить способ их крепления.

На черенок ножа насаживалась цилиндрик, на который одевалась костяная рукоятка. На ее внутренней поверхности сохранились остатки дерева [XIV, 7]. Аналогичные рукояти известны и в других городах Северного Причерноморья [11, с.180, 18]. К этому же типу изделий нами отнесена поделка из фрагмента метаподии [табл.VII, 3] [19, с.43, табл.III, 14].

Сунаки. Интересны трубочки, обрезанные с одного конца, с отверстием у эпифиза [табл.XIV, 1, 2, 3]. Б.Г.Петерс предположил, что подобные изделия являются сунаками - младенческими мочеводами и мочеприемниками [19, с.76-77, табл.XV, 22-28]. Их бытование известно в Средней Азии и на Северном Кавказе вплоть до наших дней.

Костяные накладки

В коллекции костяных изделий Танаиса имеется целый ряд пластин разных форм, сделанных из трубчатых костей и ребер животных [табл. XVIII, 7, 9; XIX, 7, 10, 11], которые применялись в качестве накладок на рукояти ножей [табл.XIV, 9, 12], а также на деревянные шкатулки и сосуды. Помимо простых форм в Танаисе встречены и художественно обработанные экземпляры. Это резные тщательно выполненные пластины с изображением, в основном, мифологических персонажей. Они либо рельефные /Дионис, крылатый гений/ [8, с.429, рис.28; 26, с.92, 93], либо плоские - с торсом юноши [табл.XVIII, 8] [4, с.105, рис.3, 3]. Фигурные костяные накладки были распространены на Боспоре [13, с.103 и сл.].

Игровые кости /астрагалы, шашки/

Астрагалы. Обычны для античных поселений находки поделок из таранных костей овцы-козы /астрагалы/. В Танаисе представлены почти все типы астрагалов, выделенные Б.Г.Петерсом: экземпляры со слегка подточенной поверхностью без других следов обработки [табл.XVIII, 1, 4-6, 12, 15], сточенные до плоского основания с четырех сторон [табл. XVIII, 2, 7, 13, 16], со сквозными отверстиями в центре [табл.XVIII, 3, 14], с двумя глазками на широкой стороне [табл.XVII, 10], которые, по мнению Б.Г.Петерса, обозначают цену [19, с.81, табл.XV, 28]; без следов сточенности, утяжеленные свинцом [табл.XVIII, 8]. Они считаются игровыми костями и широко известны на Боспоре [19, с. 77-84, табл.XVI, 1-34; табл.XVII, 1-28]. Астрагалы без следов обработки, но с граффити на поверхности и сквозными отверстиями в верней части [табл.XVII, 9, 11, 29]. Они могли использоваться и в качестве амулетов.

Шашки. Известны в Танаисе и поделки небольшого размера окружной или прямоугольной формы с выпуклой лицевой и плоской тыльной сторонами, иногда орнаментированные глазками [табл. XVII, 17, 18, 21, 22]. Такой тип изделий некоторые исследователи относят к шашкам [19, с. 84-86, табл. XVIII, 1, 2-4].

ПРЕДМЕТЫ ТУАЛЕТНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Из встречающихся в Танаисе к ним относятся костяные гребни и фрагменты туалетных коробочек /пиксиды/.

Гребни. Костяные гребни происходят из слоя последнего периода жизни Танаиса IV-V вв. н.э. и относятся к одному типу односторонних трехчастных гребней. Они состоят из одной или нескольких пластин с зубцами, скрепленных с двух сторон накладками, имеющими полу-круглую спинку с выступами по бокам [табл. XIX, 1-5]. Один из них орнаментирован кружками [табл. XIX, 1] [7, с. 152, 153, табл. XXV, 9; 19, с. 67, 68, табл. XIII, 17], другой параллельными бороздками [табл. XIX, 2]. Подобные гребни являются обычной находкой на памятниках черняховской культуры, где известны мастерские по их производству [17, с. 15*, рис. 10, 11; 14, с. 73-75, рис. 32, 3, 4]. Для античных городов Северного Причерноморья они не характерны, их появление там связано с распространением элементов черняховской культуры [22, с. 138; 28, с. 322-323].

Пиксиды. Наиболее яркий из них - фрагмент стенки пиксиды из слоновой кости, украшенный высокохудожественным рельефом и происходящий из Танаиса II-III вв. н.э. [1, с. 117-118; 19, с. 69, табл. XV, 13]. Он относится к привозным изделиям. Пиксиды местного производства предстают отдельными фрагментами. К ним относится дис профилированное концентрическими окружностями [табл. XVII, 20], а также шахматоподобные фигуры, служившие, вероятно, ручками от крышек пиксид [табл. XVII, 26, 27].

Из единичных находок бытовых предметов можно выделить несколько. Изделие из грифильной кости лошади в форме птицы с поперечными и сечками на остром конце [табл. X, 8], который, возможно, использовался как щитырь. Поделка из рога с двумя отверстиями является, вероятно, заготовкой пряжки [табл. XIX, 9], а голографической пряжке из некрополя [табл. XIX, 6]. Два изделия кротко-цилиндрической формы, одно из них имеет тщательно заполированную поверхность [табл. XIV, 11]. Близкие им цилиндрики, но только со сквозными поперечными отверстиями обнаружены в Ольвии [16,

с. 199, табл. XLII, 1, 2] и Панткапеи [11, с. 177, рис. 3, 2]. Как первые, так и вторые, вероятно, служили для крепления ремней. Отметим находку из отрезка кости цилиндрической формы, которую можно отнести к пестам [табл. IX, 6].

Украшения из кости

Украшения из кости многочисленны и представлены главным образом подвесками-амулетами. Одна из них, имеющая пирамидальную форму и орнаментированная концентрическими окружностями [табл. XVIII, 3], находит широкие аналогии на памятниках черняховской культуры [10, с. 154-155]. Вторая в виде круглого в сечении стержня, расширяющегося книзу, заостренного в виде конуса, вверху профилирована двумя бороздками и имеет отверстие для подвески [табл. XVIII, 3]. Она близка экземпляру, происходящему из Панткапеи [11, с. 175, 10]. Подвеска в виде луники [табл. XVII, 26]. Для большинства подвесок использовались клыки и метаподии мелких животных [табл. XVII, 3-25; табл. XVIII, 4, 10, 12]. Они подвергались обработке в незначительной степени или не обрабатывались вовсе.

К украшениям относится и кольцо с врезной круговой бороздкой [табл. XVIII, 11].

ОРУЖИЕ

Кость нашла применение и в военном деле для изготовления наконечников стрел, накладок на лук.

Наконечники стрел в Танаисе двух типов: втульчатые и черешковые. Втульчатые представлены двумя экземплярами. Один из них имеет трехгренное перо и массивную втулку [XVII, 17], второй - четырехгренное перо [табл. XVIII, 13]. Черешковые наконечники имеют обычные четырехгреневые перо [табл. XVIII, 15, 16, 18]. На одном из экземпляров по ребру с двух противоположных сторон проходит продольная бороздка [табл. XVIII, 14]. Аналогичные наконечники стрел встречаются в Северном Причерноморье, а черешковые и на памятниках Центральной Азии [24, с. 93-95, рис. 37, 1, 17-20].

Накладки на луки. Наряду с наконечниками стрел, встречаются костяные накладки на луки. В Танаисе было обнаружено несколько их комплектов [табл. XX, табл. XXI, 1, 2, 3]. Они относятся к сложносоставным лукам «гуннского типа», которые обычно имеют семь накладок: три срединные и четыре концевые. Луки этого типа достаточно известны в Центральной и Средней Азии [24, с. 27, рис. 2, 1-22], откуда

бии, вследствие миграционных процессов, происходящих там на рубеже и в начале нашей эры, попали на территорию Подонья [7, с.17, рис.2, 9, 10]. Аналогичные накладки на луки были обнаружены и в Поднестровье [23, с.17-20, рис.18, 23].

Анализ рассмотренных выше костяных изделий позволяет сделать ряд выводов.

Танайские косторезы достигли достаточно высокого уровня техники обработки кости, о чем свидетельствует разнообразие продукции и применение различных инструментов, в том числе и токарного станка.

Большинство костяных поделок, не требовавших при изготовлении особых технических навыков и специальных инструментов, были изделиями домашнего ремесла. Однако, наличие поделок, выполненных с применением токарного станка, предполагает существование мастеров, специализировавшихся на обработке кости.

Косторезное ремесло в Танайсе играло достаточно скромную роль по сравнению с другими отраслями ремесленного производства. Костяные изделия составляют небольшой процент среди общего числа находок. Область их применения ограничена.

Подписи к таблицам.

Табл.I. Заготовки и отходы из рога: 1. 1985, VI, пом.ЕД, № 127; 2,3. 1977, VI, пом.ГГ, № 1277, 2285; 4. 1973, XIV, № 197; 5. 1972, VI, пом. АЗ., № 3007; 6. 1977, VI, №29.

Табл.II. Заготовки и отходы из рога и кости: 1. 1968, VI, №1819; 2. 1978, VI, пом.ВЭ, № 536; 3. 1956, IV, № 212; 4. 1985, VI, пом.ЕД, № 126; 5. 1961, VI, № 2454; 6. 1979, VI, случ. нах.; 7. 1985, VI, № 69; 8. 1978, VI; 9. 1979, VI, пом.ВН, №1298; 10. 1972, VI, пом.АЗ.

Табл.III. Гладилки: 1. 1979, VI, случ. нах.; 2. 1972, IV, № 179; 3. 1972, XIV, чод.АЯ, № 1480; 4. 1957, р. IV, № 5.

Табл.IV. Гладилки: 1. 1978, VI, № 2202; 2, 3. 1986, VI, пом.Е3, № 95, §.

Табл.V. Гладилки: 1. 1985, VI, № 54; 2. 1976, XIV, пом.С, № 842; 3. 1986, случ. нах.

Табл.VI. Гладилки: 1,2. 1986, VI, пом.Е3, № 98, № 96; 3. 1977, XIV, пом.С, № 315.

Табл.VII. Гладилки: 1.1960, XII, № 84; 2.1977, XIV, пом.С № 254; 3. 1972, IV, № 188; 4. 1975, VI, пом.БН, № 1181.

Табл.VIII. Орудия для полировки: 1,2. 1976, VI, №№ 50, 463

Табл.IX. Орудия из рога и кости: 1.1976, VI, пом.БР № 1947; 2.1975, XIV, пом.Р, № 105; 3. 1971, XIV, № 181; 4. 1955, II, № 1397; 5. 1975, XIV, пом.Г, № 1603; 6. 1986, VI, случ. нах.; 7. 1973, IV, случ. нах.

Табл.X.Шилья, стили, стержни, иглы для вязания: 1.1965, VI, № 143; 2. 1960, № 40; 3. 1973, VI, № 190; 4. 1974, XIV, № 83; 5. 1977, VI, пом.ВН, № 1293; 6. 1977, VI, пом.ВС, № 1542; 7. 1972, VI, № 14; 8. 1971, XIV, пом.А, № 74; 9. 1975, XI, стена пом.К, № 1572; 10. 1987, VI, № 63; 11. 1981, XIV, случ. нах.; 12. 1971, VI, кв.72-/6; 13. 1975, XIV, пом.Р, № 512.

Табл.XI. Проколки, шилья, стили 1. 1981, VI, случ. нах.; 2. 1968, VI, пом.. АБ; 3. 1973, VI, № 851; 4. 17. 1971, XIV, пом.А, № 73, № 735; 5. 1957, VI, № 86; 6. 1960, VI, № 103; 7. 10. 1965, IV, № 23, № 24; 8. 1981, XIV, № 2454; 9. 11. 13. 1981, XIV, № 2455, № 2452, № 2453; 12. 1980, VI, № 681; 14. 1966, случ. нах.; 15. 1983, VI, № № 809; 16. 1984, XIV, случ. нах., № № 14; 18. 1985, VI, № № 9.

Табл.XII. Костяные трубочки: 1. 1960, XII, № 24; 2.9. 1973, XIV, № № 1140, 1139; 3.25. 1972, IV, № 105, № 50; 4. 1955, I, № 205; 5. 1955, II, колодец № 2332; 6. 1971, XIV, случ. нах., № 62; 7. 1972, XIV, № 403; 8. 1972, VI; 12. 1975, VI, пом.АС, № 1438; 13. 1981, VI, № 1582; 14. 1987, VI, пом.ЕК, № 27; 15. 1976, XIV, пом.С, № 843; 16. 1975, XIV, пом.Е, № 1599; 17. 1980, XIV, № 2587; 18. 1985, VI, № 82; 19. 1972, XIV, № 250; 20. 1958, IX, № 11; 21. 24. 1985, XIV, № 163; 26. 1972, VI, пом.АЗ, № 933; 27. 1981, VI, № 1810.

Табл.XIII. Костяные трубочки: 1. 1971, XIV, № 248; 2. 1984, XIV, № 1538; 3. 1976, XIV, пом.Е, № 839; 4. 1962, случ. нах., № 3071; 5. 1979, VI, случ. нах.; 6. 1977, VI, пом.ВС, № 2303; 7. 1976, VI, пом. БЯ, № 2630; 8. 1977, VI, № 28; 9. 1975, пом.Р, № 108; 10. 13. 1979, случ. нах.; 11. 1971, XIV, № 171; 12. 1957, II, выброс, № 676; 14. 1973, VI, № 1000; 15. 1978, VI, пом.ВЦ, № 50; 16. 1955, р. I, № 341; 7. 1977, VI, пом.ГС, № 1278; 18. 1977, VI, 17, № 30; 19. 1975, XIV, пом.У, № 1590.

Табл.XIV. Сунаки, челноки, костяные рукояти, накладки: 1. 1975,

XIV, пом. У, № 183; 2. 1971, XIV, № 249; 3. 1978, XIV, № 22; 4. 1957, II, кв. XIV, шт. 13; 5. 1956, II, № 40; 6. 1977, XIV, пом. С, № 387; 7. 1972, IV, № 106; 8. 1975, IV, № 34; 9. 1987, VI, пом. ЕЛ, № 194; 10. 1955, II, № 1252; 11. 1955, IV, № 1329; 12. 1988, IV, под. М, № 1588.

Табл. XV. Кости с нарезками: 1. 1975, VI, № 99; 2. 1985, VI, № 265; 3. 1967, IV-Ю, № 774; 4. 1975, IV, № 170; 5. 1984, XIV, № 19; 6. 1975, VI, № 1182; 7. 1956, II, № 716; 8. 1986, XIV, № 45; 9. 1986, случ. нах.

Табл. XVI. Кости с нарезками: 1. 1978, VI, пом. ВЭ, № 166; 2, 7. 1977, VI, № 884, № 2282; 3. 1977, VI, № 4188; 4, 5, 10. 1986, случ. нах. 6. 1979, VI, случ. нах.; 8. 1960, XII, № 2; 9. 1975, VI, № 1180; 11. 1971, VI, № 358.

Табл. XVII. Астрагалы, шашки, фрагменты пиксиц, подвески: 1. 1976, VI, № 2685; 2. 1983, IV, пом. КЕ, № 97; 3. 1959, IX, № 42; 4. 1960, IV, № 139; 5. 1957, VI, № 354; 6. 1981, XIV, № 827; 7, 8. 1987, случ. нах.; 9. 1973, VI, № 901; 10. 1966, IV, № 1187; 11. 1961, VI, № 2473; 12, 13. 1957, VI, под стеной пом. А, № 381, 382; 14. 1977, VI, № 4; 15. 1979, случ. нах.; 16. 1977, пом. Ф, № 41; 17. 1986, VI, пом. ЕШ, № 1; 18. 1967, VI, № 2237; 19. 1975, XIV, пом. К, № 1578; 20. 1974, XIV, пом. А, № 972; 21. 1966, VI, № 1630; 22. 1975, XIV, пом. Р, № 272; 23. 1956, III, № 467; 24. 1975, случ. нах.; 25. 1963, IX, № 4; 26. 1955, II, № 1190; 27. 1976, к. 10, п. 6, № 1; 28. 1974, XIV, № 270; 29. 1973, XIV.

Табл. XVIII. Подвески, прядильца, накладки, наконечники стрел: 1. 1968, под. ЭЭ, № 1824; 2, 10, 17. 1972, I, № 15, № 53, 13; 3. 1973, XIV, № 117; 4. 1980, VI, пом. ГГ, № 1704; 5. 1955, II, выброс, № 116; 6. 1960, IX, № 147; 7. 1957, IV, № 239; 8. 1976, VI, пом. ВК, № 253; 9. 1977, VI, пом. ГГ, № 1551; 11. 1977, XIV, пом. С яма, № 550; 12. 1975, VI, пом. ГР, № 1571; 15. 1968, VI, пом. АБ, № 4018; 16. 1970, случ. нах., № 152; 18. 1973, XIV, № 40.

Табл. XIX. Гребни, пружки, накладки: 1. 1972, IV, под. Ф, № 154; 2. 1977, VI, № 2637; 3. 1956, IV, № 156; 4. 1969, IV, № 1144; 5. 1958, VI, № 44; 6. 1975, НЗ-1, к. 10, п. 24; 7. 1986, IV, под. М, № 598; 8. 1972, IV, № 80; 9. 1984, XIV, № 105; 10. 1982, IV, пом. ДИ, № 556.

Табл. XX. Костяные накладки на лук: 1. 1964, p. VI, № 2801.

Табл. XXI. Костяные накладки на лук: 1. 1984, р. XIV, пом. КЖ; 2. 1975, XIV, погр. у стены пом. А, № 1585а; 3. 1978, VI, пом. ВЛ, № 2246.

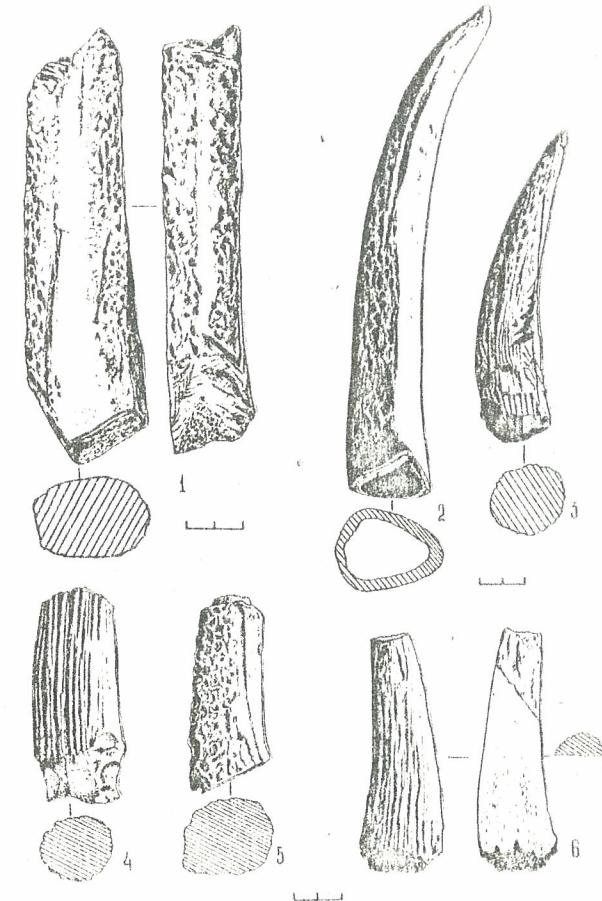

Табл. I

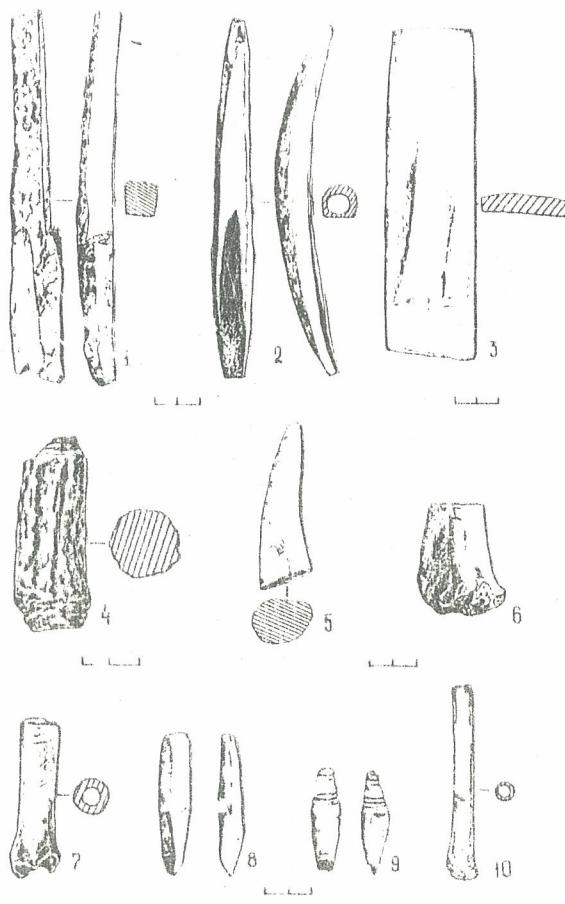

Табл. II

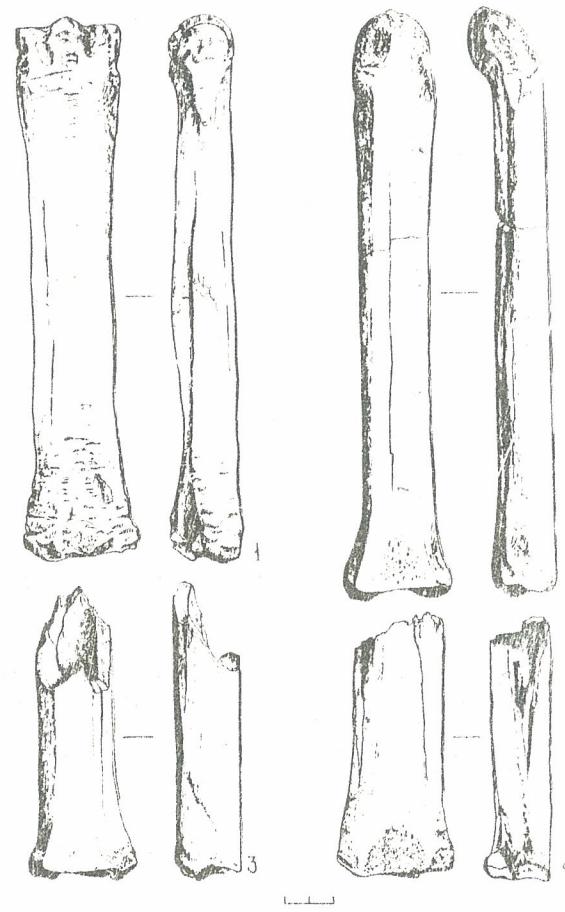

Табл. III

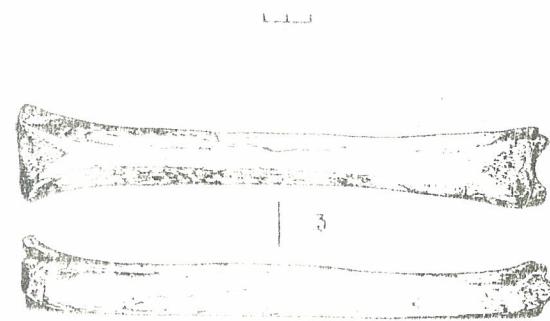
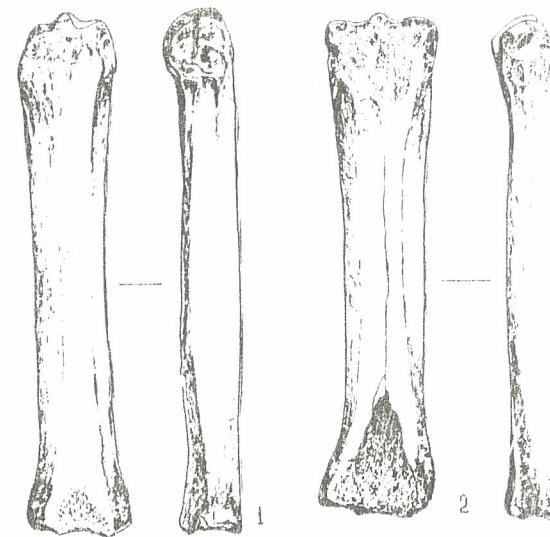
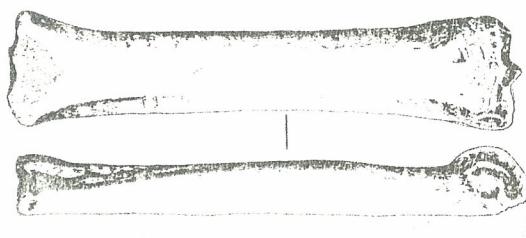
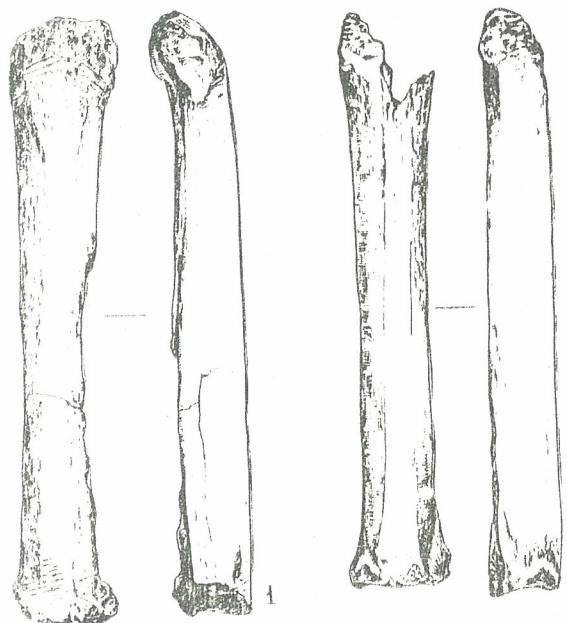

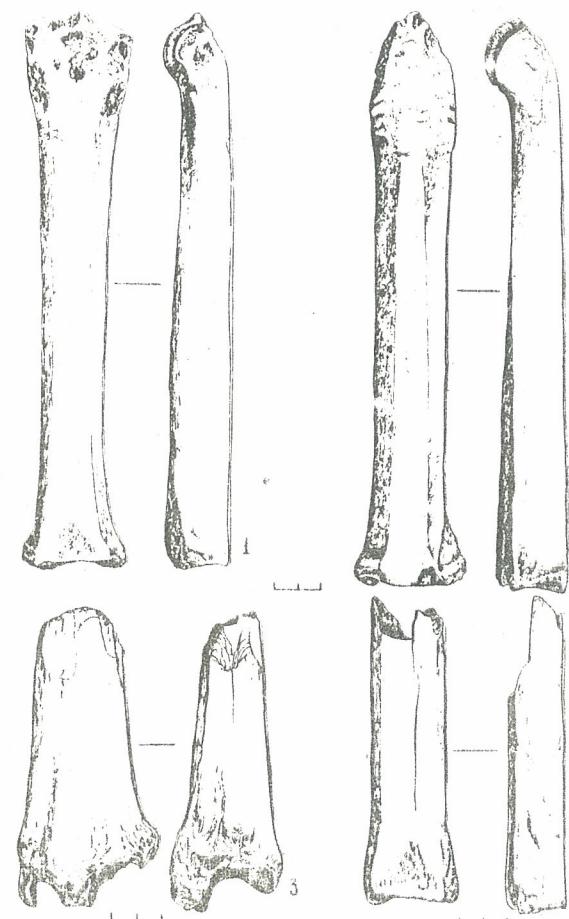
Табл.IV Табл.V

158

Табл.VI

159

Табл.VII

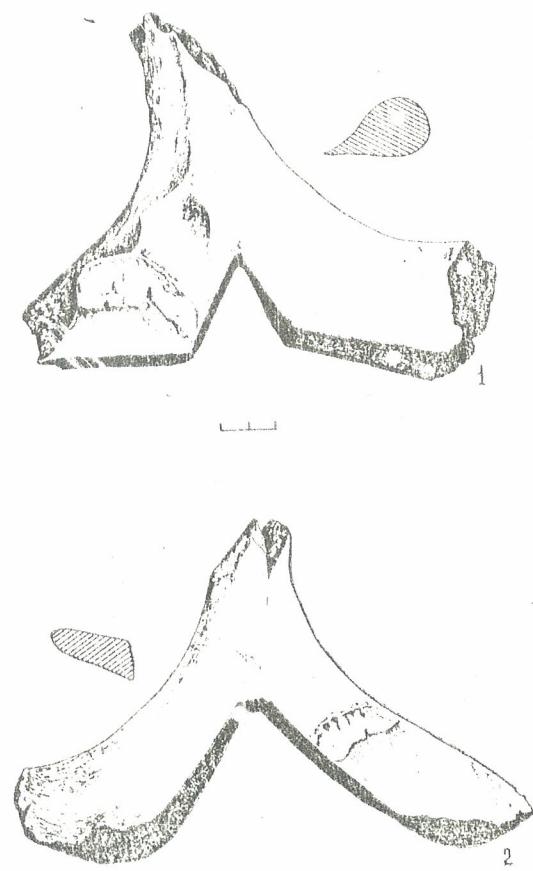

Табл.VIII

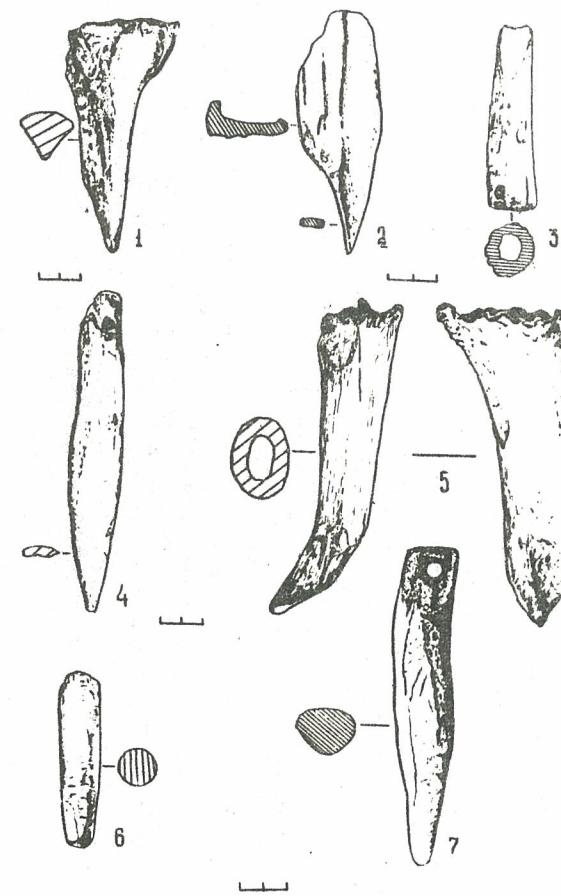

Табл.IX

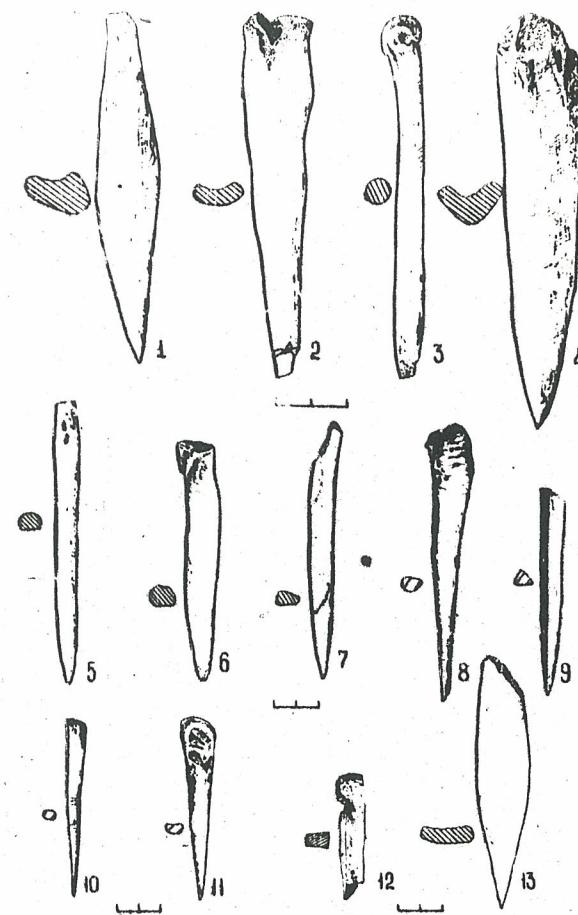

Табл.X

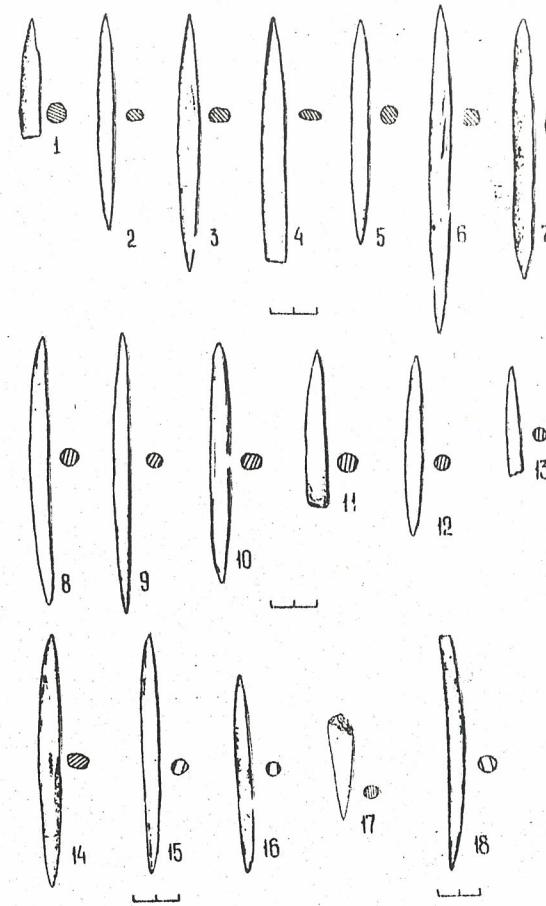

Табл.XI

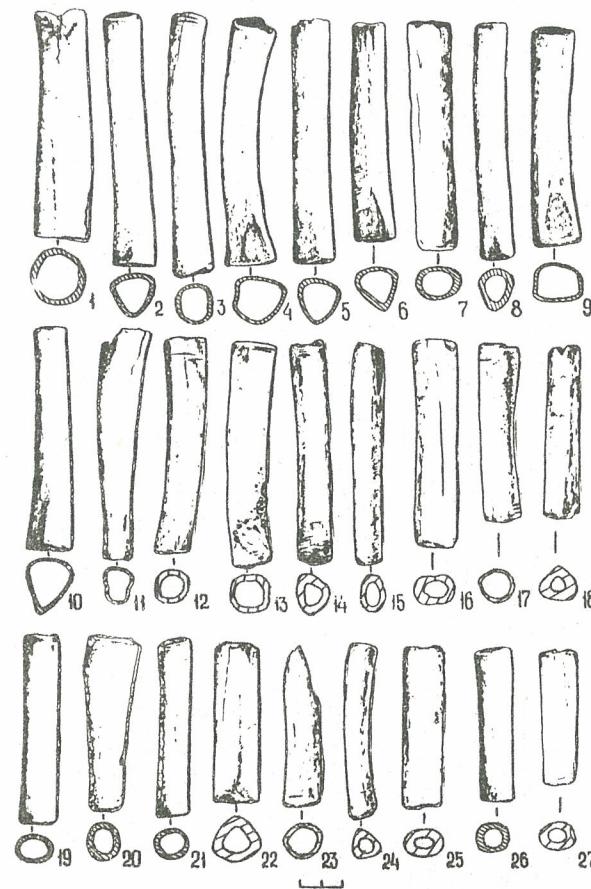

Табл.XII

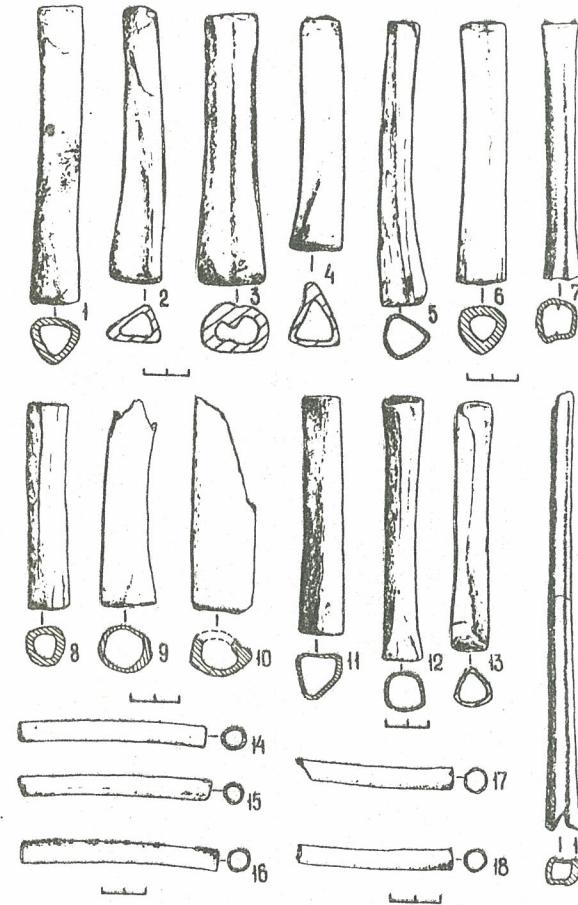

Табл.XIII

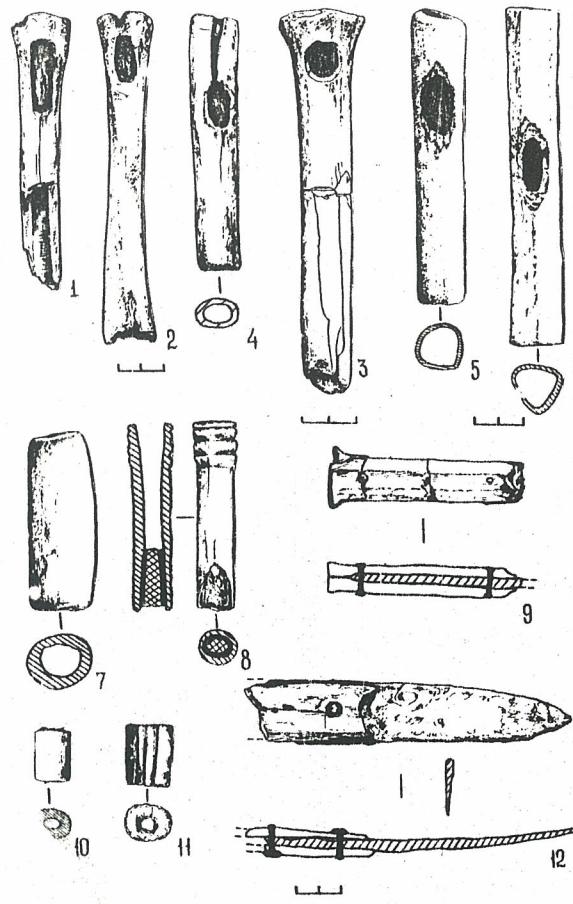

Табл.XIV Табл.XV

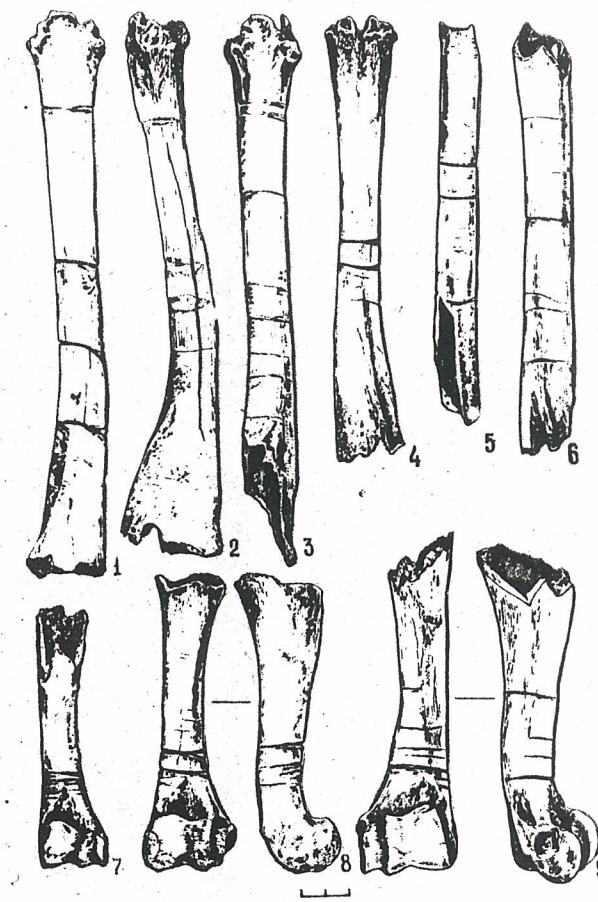

Табл. XVI

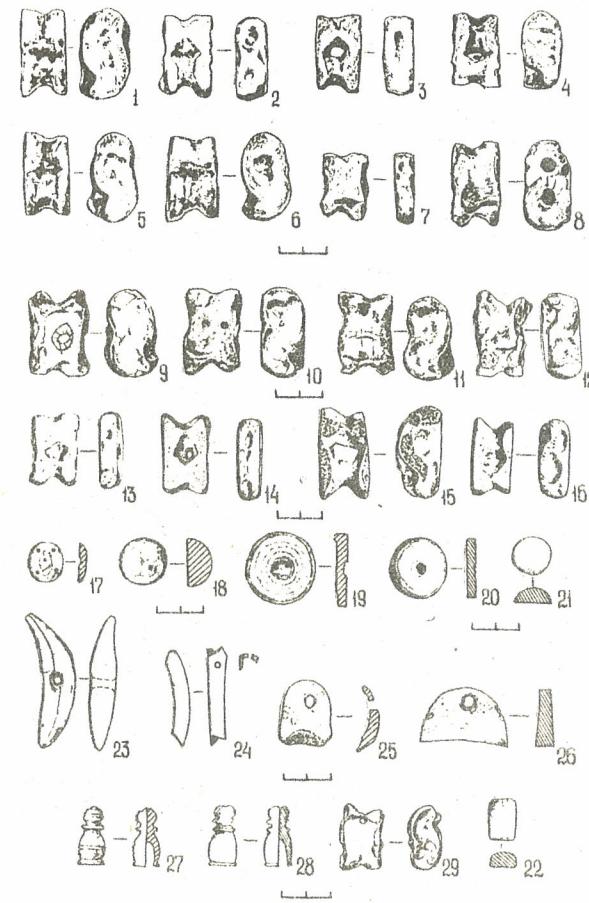

Табл. XVII

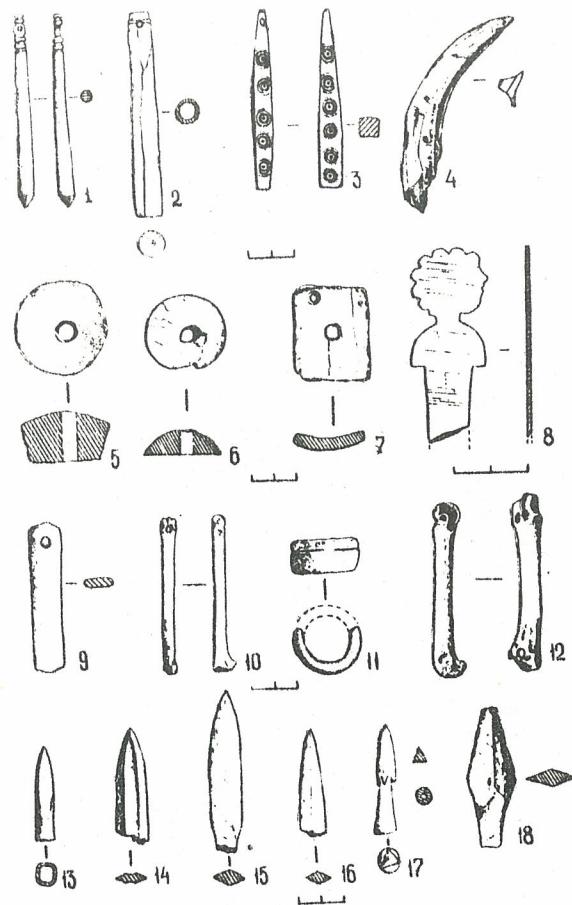

Табл.XVIII

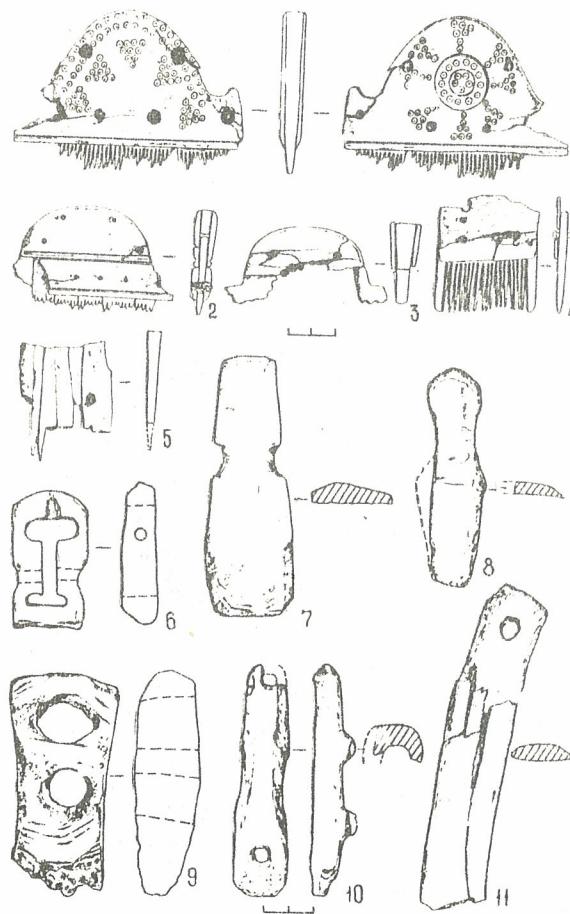

Табл.XIX

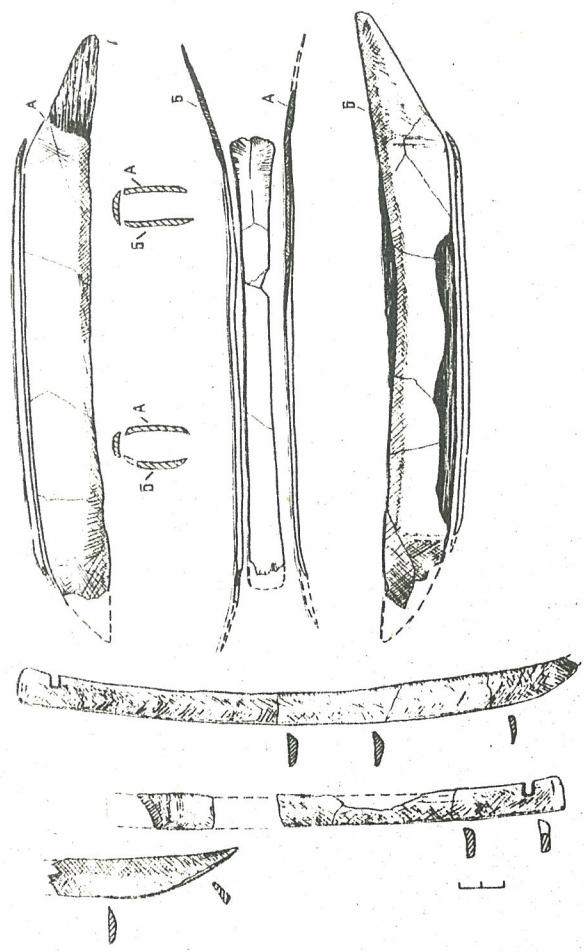

Табл. XX

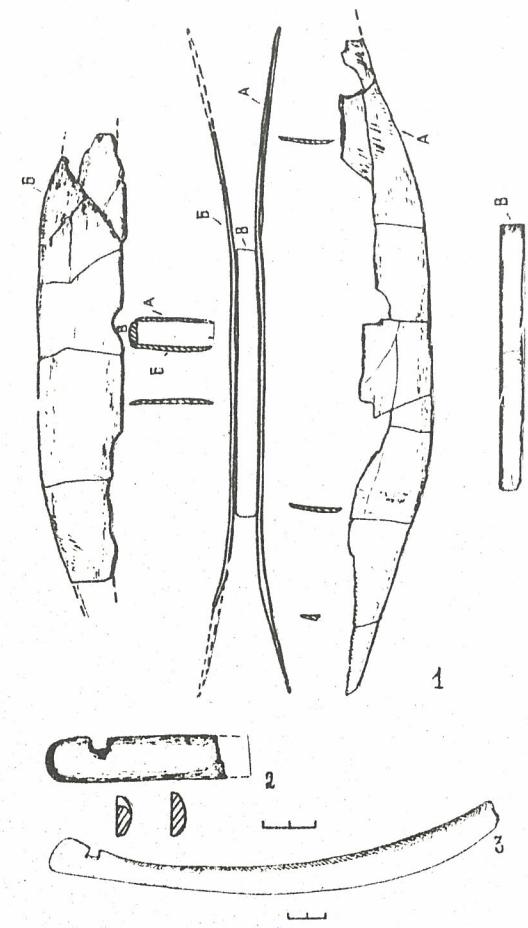

Табл. XXI

1. Арсеньева Т.М. Раскопки в Танаисе //АО, 1968 г. М., 1969.
2. Арсеньева Т.М. Работы в Танаисе //АО, 1971 г. М., 1973.
3. Арсеньева Т.М., Шелов Д.Б. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1964-1972 гг.) // АПНП М., 1974.
4. Арсеньева Т.М. Раскопки Танаиса в 1977-1980 гг. //КСИА, 1983, № 174
5. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Усадьбы Танаиса. М., 1992.
6. Галкин Л.Л. Одно из древнейших практических применений скотоводов. //СА, 1975, № 3.
7. Гугусев В.К., Безуглов С.И. Всадническое погребение первых веков нашей эры из курганного некрополя Кобяково-городище на Дону //СА, 1990, № 2.
8. Иванова А.П. Художественные изделия из дерева и кости //АГСП, 1955, т. I.
9. Кадеев В.И. Косторезное производство в позднеантичном Херсонесе II-IV вв.н.э. //Археология. Киев, 1969 г., т.ХХII.
10. Кропоткин В.К. Черняховская культура и Северное Причерноморье. Проблемы советской археологии. М., 1978 г.
11. Кругликова И.Т. Изделия из кости и рога, найденные при раскопках Пантикея в 1945-1949 гг. //МИА, 1957, № 56.
12. Кругликова И.Т. Работы Восточно-Крымского отряда Причерноморской экспедиции в 1957 г. //КСИИМК, 1960, № 78.
13. Кругликова И.Т. Костяная фигурка Эрота из Керчи /к вопросу косторезном ремесле на Боспоре. //ВДИ, 1949, № 2.
14. Магомаев Б.Ш. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1987.
15. Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры //СА, 1963, вып. Д-1-10.
16. Наливкина М.А. Костяные изделия из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг. // Ольвия. Киев, 1940, т. I.
17. Никитина Г.Ф. Гребни черняховской культуры. //СА, 1969, № 1.
18. Сымонович Э.А. Коблевский и Ранжевский могильники окрест г. Одессы. //В кн.: Могильники черняховской культуры. М., 1979.
19. Петерс Б.Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986.
20. Семенов С.А. Первобытная техника //МИА, 1957, № 54.
21. Семенов С.А. О назначении «фризиков» и костей с нарезками из Саркела-Белой Вежи //МИА, 1959, № 75.
22. Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья //МИА, 1971, № 178.
23. Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Сарматские древности Днестровско-Дунайского междуречья /Курганные могильники Васильевский и Кубей/. Киев, 1990. Вып. III
24. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, Наука, 1986.
25. Цалкин В.И. Фауна Танаиса. //Античные древности Нижнего Подонья. М., 1969.
26. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972.
27. Шелов Д.Б. Экономическая жизнь Танаиса //Античный город. М., 1963.

С.М.Ильяшенко, И.В.Толочко

Детское погребение из раскопок грунтового некрополя Танаиса

В 1990 году новостроенным археологическим отрядом Нижне-Донской экспедиции¹ при исследовании западного участка грунтового некрополя Танаиса было обнаружено детское погребение² в могиле подбойной конструкции³.

Входная яма имела форму прямоугольника с округлыми углами (1.65 x 0.85 м), вытянутого по оси ЮЮВ-ССЗ. Камера-подбой примыкала к шахте с запада, соединяясь с ней маленьkim пологим уступом. В плане прямоугольная, ориентирована с юга на север (1.3 x 0.66 м).

Вход в подбой был закрыт двумя рядами крупных камней, стоявших, в основном, на торцах, причем в северной части ямы они опирались на камни, лежавшие в плане, в южной - «горизонтальная» часть заклада располагалась под «вертикальной». В 0.42 м от северной стенки ямы, среди камней нижнего ряда обнаружено антропоморфное надгробие, направленное основанием к камере. Высота заклада 0.62 м (север) - 0.68 м (юг). На камнях внутреннего ряда - следы огня.

На дне подбоя, к СЗ углу в деревянном гробу, развернутом на 15 градусов от оси камеры (и параллельно, таким образом, оси шахты входной ямы) лежал вытянуто на спине детский костяк, черепом на ССЗ, значительно разрушенный норой. Лицевая часть черепа развернута к левому плечу (ЮВ).

Прямая левая рука была отведена в сторону, правая, легка согнутая в локте, положена на бедро (кисть отсутствует). Ноги параллельны, правая развернута. Возможно, череп искусственно деформирован.

Костяк находился в гробу трапециевидной в основании формы (0.24 x 0.28 x 1.18 м); высота боковых досок 6-7 см. Они были прикреплены к основанию жёлезными гвоздями (8 шт.) под углом около 63 градусов.

В СВ углу гроба, за черепом, стоял развернутый ручкой на ЗСЗ глиняный сосуд трапециевидной формы с плоским дном, невысоким поддоном, округлым туловом вытянутых пропорций, прямоотогнутым ёнчиком, подчеркнутым врезным пояском и вертикальной, овальной в сечении

¹Авторы статьи выражают благодарность начальнику Нижне-Донской экспедиции за предоставленную возможность публикации данного материала.

²Гребенок 3-5 лет. Определение выполнено сотрудником археологической лаборатории РГУ Е.Ф.Батиевой.

³Раскопками руководила Л.Н.Гречанова. Здесь далее описание погребений дается согласно отчету об исследованиях некрополя (1, с. 28, 29).

ручкой. Из верхней части туловы - круговая надпись - «pinto», написанная белой краской.

С обеих сторон от черепа были найдены серьги из серебряной окружной в сечении проволоки. Слева лежала крупная окружной формы с чуть заходящими друг за друга концами. Справа - меньшая по размеру, струглая, с многовитковой обмоткой на конце.

Между ключицами, под нижней челюстью и под черепом, образуя овальный абрис, располагалась нитька бус (23 единицы). Из них: пронизи из стекла с внутренней позолотой в форме округлых бусин, составленных в столбцы по две (4 экз.) и три (3 экз.), одна распалась на составные части; аналогичные одинарные бусины (5 экз.). Сердоликовые - бочковидная бусина оранжевого цвета [2.табл.38, 27], четырнадцатигранные пронизи (5 экз.), пронизи в виде уплощенных восемигранников (2 экз.); бочковидная бусина из полупрозрачного белого стекла и четырнадцатигранная из глухого оранжевого стекла, пронизь уплощено-дисковидная из полупрозрачного стекла василькового цвета.

Между позвоночником и центром чешуи найдены фрагменты уплощенно-цилиндрической пронизи полупрозрачного голубого стекла с волнообразным орнаментом из глухого белого.

Над левым плечом, слева от левой щиколотки, и в 8-10 см к югу от стоп лежали сгруппированные соответственно как 2:1:4 и расположенные поперечно керамические «фишки» в виде разновеликих многогранных фрагментов светлоглиняных (6 экз.) и красноглиняных (1 экз.) амфор, подобных так называемым «чайным пробкам» или «заготовкам для пряниц». Среди фишек нижнего ряда обнаружен бесформенный фрагмент железного предмета. Подним зафиксирована меловая подсыпка

Западнее, перекрывая верхней частью фалангой правой стопы, лежала развернутая лицевой частью к востоку терракотовая статуэтка, изображающая сидящую на троне богиню, держащую в правой руке лепешку или плоскую чашу, а в левой яйцо. Правая рука была найдена в норе в полутора метрах к СВ от подбойной камеры. Погребение датируется первой половиной III в. н.э. Остановимся на двух наиболее интересных, на наш взгляд, предлогах из погребения.

Терракотовая статуэтка. Очень хорошо сохранилась: утрачены лишь ступни правой ноги. Имеет сравнительно большие размеры, ее высота 19,2 см. Внутри полая, открыта снизу. Лицевая сторона, по-видимому, была изготовлена в форме, обратная лепилась от руки (на внутренней стороне статуэтки незатертые следы соединения частей). На боковой поверхности видны следы пучка травы, которым заглаживались неровности. Руки присоединялись к туловищу при помощи маленьких

металлических стерженьков. На местах прикрепления рук к туловищу остались отпечатки пальцев мастера. Поверхность равномерно окрашена в темно-розовый цвет. На выпуклых частях статуэтки подсыпавшейся краской видна светлая обмазка. Глина оранжевая с мелкими блестками. Тесто неплотное, рыхлое.

Изображение богини традиционно для похожих терракотов III века н.э. Детали фигуры крупные: покатые плечи, полная грудь, широко расставленные ноги, несоразмерно большие руки согнуты в локтях. Лицо с выделенным большим носом, длинное, зауженное книзу. Подбородок острый и выступает вперед. Богиня сидит на троне с высокой пирамidalной формы спинкой. Ноги стоят на скамеечке. В правой руке - лепешка (или чаша), левая поднята немного выше правой, в ней - яйцо. Одета богиня в длинный хитон и короткую одежду типа туники, спадающую на колени шестью рельефными складками. На голове - традиционный калаф и покрывало, стилизованные до такой степени, что стали больше походить на спинку кресла. На шее - ожерелье с массивным украшением в центре. Изображение близкостатуэткам из Пантикалея, Фанагории Илурата [3, с.159 и сл., табл.XXXVI, 1; 4, с.116, табл. 55, 3; 56, 3; 5, с.277, илл.29; 6, с.207, рис.68, 4].

То, что статуэтка была положена в погребение, видимо, не случайно. М.М.Кобылина [3, с.14] предполагает даже, что подобные терракоты покупались специально для погребений. И как характерные черты ее отмечены: симметричное расположение статуэток в могиле, особый подбор терракотов, удивительно последовательный и так или иначе связанный с погребением: в женских погребениях находят только статуэтки женщин и женских божеств, в мужских - как женские, так и мужские. Из божеств и героев преобладает Дионис и его спутники и Геракл. В детских больше всего изображений детей и Эрота, но встречаются и изображения женских и мужских фигур.

Какое же женское божество изображала терракотовая статуэтка? Традиционно считается, что это Великая богиня [7, с.110-114; 8, с.8; 9, с.162], почитавшаяся жителями Боспора под именем Афродиты Урании, владычицы Апатура [10, с.212 и сл., с.376; 11, с.199-202].

Подобные статуэтки - довольно частая находка при раскопках боспорских городов, сельских поселений и некрополей. И появляются они в связи: с приходом на Боспор ногой волны скифо-сарматских племен постепенным сближением, перемешиванием культов греческой богини с чертами хтонического женского божества варваров и малоазийской Реп-Кибелы [2, с.33]; с утверждением культа Афродиты

Апатуры в качестве государственного, общебоспорского, и широким распространением его в первые века нашей эры на европейской и азиатской территориях Боспора [11, с.200].

Т.И.Кругликова отмечает характерную позу богини: на троне, в высоком головном уборе, с покрывалом, возможно, являющуюся изображением культовой статуи из храма Афродиты в Апатуре, которое в то время чеканилось на боспорских монетах [13, с.281; 14].

В левой руке богиня держит яйцо. Е.Г.Кастанаян анализируя погребальный обряд архаической и классической Греции, отмечает, ссылаясь на Харрисона, что яйца в погребениях следует рассматривать как очистительную жертву умершему, связанную с орфическим мировоззрением, отождествляющим яйцо с вселенной с яйцом. Но яйцо - космогонический символ рождающейся жизни, противопоставленной смерти, известен не только у орфиков. На протомах хтонических божеств из Беотии фигурки держат у груди яйцо [18, с.267], во многих мифологиях народов мира известен образ мирового яйца, из которого возникает вселенная или, какая-то возрождающаяся сила: бог-творец, герой-демиург, человеческий род [19, с.681]. Наконец, в пасхальной обрядности христиан яйцо не только занимает центральное место в празднике, но и является главным символом.

По-видимому, в нашем случае синcretическая богиня выступает в одном из своих многочисленных образов: в ипостаси божества смерти и жизни, принимающего очистительные жертвы для возрождения новой жизни.

В правой руке ее, вероятно, все-таки лепешка. Известен пример (его приводит Е.Г Кастанаян), когда на погребальном лекифе V в. до н. э. изображена корзинка с приношениями умершему, в которой среди прочих погребальных приношений лежат жертвенные лепешки и два яйца [18, с.267].

Вероятно, кульп синcretической верховной богини был широко распространен и пользовался большой популярностью у боспорян. Уникальность же находки подобной статуэтки в Танаисе в том, что здесь до сих пор было найдено лишь несколько терракотов, предположительно относящихся к культу Великой богини или одной, похожей на нашу [15, с.87; 16, с.16-20; 13, с.292]. Стела, найденная в 1965 г., в типане фронтона которой помещалось погрудное изображение женского божества, долго считалась единственным опубликованным документом, свидетельствующим о почитании женской ипостаси Верховного бога жителями Танаиса [17, с.48].

Несмотря на интересной, на наш взгляд, находкой является одноручный горшок типа кружечки, на тулове которого по кругу нанесена белой краской еще одна надпись - фриз. Такие сосуды были хорошо известны в Северном Причерноморье, а также далее за его пределами. Они датируются I-II вв.н.э. [29, с. 105; 30, с. 97].

Т.Н. Книпович особо отмечает причерноморский тип этрусиков, главным центром производства которых стал Херсонес [20, с.304]. О херсонесском их происхождении говорит и Э.И.Соломоник, так как анализ серии обломков из Херсонеса показал, что глина на горшочках имеет примеси, характерные для керамики этого места [21, с.69].

Очертания нашего сосуда близки к более поздним типам, происходящим из херсонесских комплексов III в.н.э. Как и херсонесские, он имеет буровато-красную, плотную и довольно мелкозернистую глину.

Подобные горшочки - не редкость и среди находок первых веков нашей эры, происходящих из раскопок некрополя и городища Танаиса [1, с.19; 13, с.136]. Но почти все танаисские сосуды лишены надписей, которые, впрочем, довольно редки и на других формах керамики, кроме амфор III-IV вв.н.э. [23, с.8-18]. Исключение в этом отношении составляют краснолаковый кувшин второй половины II в.н.э. с надписью *Φάνητοι θεος* обнаруженный в окрестностях Недвильского городища в 1968 г. [15, с.81 и сл.], и кружальный сосуд из подвала М епископа IV. Первый из них был подробно рассмотрен в статье Д.Б. Шелова и Ф.В. Шелова-Коведяева [24, с.104 и сл.]. Однако он отличен от нашего не только о формой и предположительно датой, но и характером самой надписи, процарашанной сначала острым предметом, а затем сдублированной самой краской. Надпись является указанием на принадлежность сосуда некоему жрецу Фану.

Второй сосуд был найден в слое пожара, в огне которого в середине III в.н.э. погиб подвал М (22, с.18). Он аналогичен нашему, но сильно деформирован и закопчен. Однако на нем просматриваются остатки надписи белой краской, нанесенной по кругу на тулове.

Таким образом кружечка из погребения 33 с надписью белой краской является пока весьма редкой находкой в Танаисе, что определяет специальное выделение ее среди прочих вещей наряда с терракотой. По аналогии с сосудом из подвала М, она может быть датирована первой половиной III в.н.э.

Надпись можно прочитать как *Εἰλεός μοι ὁ θεός* «(Да будет) милостив ко мне бог». Ее прочтение и понимание обычно чаются тем, что подобные надписи белой краской на горшочках

известны из находок в городах Северного Причерноморья, а также за его пределами. Они часто встречаются в погребениях римского времени, причем, достаточно богатых. Это позволило Э.И.Соломоник выделить их в особую группу, в которую входят и семь экземпляров с надписью, подобной нашей. Они происходят из погребений и хорошо датированных помещений. Из них четыре были найдены в Херсонесе, два - в Тире и один - в Тире ил. Ольвии [21, с. 60 и сл.].

Шрифт танаисской надписи близок к курсивному и сходен с dipinti, приведенными Э.И.Соломоник. Буквы надписи имеют общую удлиненность, характерную для письма III века н.э. Написание букв лямбд [25, с. 11, табл. IV, с.28-31], лунарного эпилона, сммы сходно, по нашему мнению, с надписью фиаситов 221 г.н.э. из Пантикея, нанесенной красной краской [26, с.1, 1]. Буква омикрон в слове близка к ромбовидному омикрону таинской надписи о строительных работах 236 г. [27, № 433; 28, № 1249]. Не противоречит отнесению нашей надписи к III в.н.э. и написание буквы мю с дугообразной средней частью. Буквы достаточно близко стоят друг к другу, местами сливаясь. В надписи можно отметить характерную для языка позднего времени замену *i* < *e i* [28, с.203-204]. Это еще более сближает ее с надписями, приведенными Соломоник, где они датированы временем не ранее III в.н.э. В связи с этим мы можем, видимо, и рассматривать эту надпись отнести ориентировочно к III в.н.э., чему не противоречит и дата терракотовой статуэтки.

Помещение такого горшочка с надписью в погребение, видимо, имело определенный смысл. Э.И.Соломоник считает, что имена богов на некоторых сосудах свидетельствуют об их культовом характере, а находки большинства из них в некрополе - о возможной связи с представлениями о загробном мире. Такие горшочки ставили в могилы как апотропеи, «чтобы боги-покровители мертвых охраняли погребения и заботились о душах». Иногда их ставили вместе со светильниками [21, с.69]. Интересно, что в погребении 33 присутствовал фрагменты сосуда, похожего на лепной светильник [1, с.29].

Любопытна надпись и тем, что в выражении *Εἰλεός μοι ὁ θεός* как отмечает Э.И. Соломоник, отсутствует имя бога, названного просто *θεός*. Такое обращение заставляет предполагать не греческого, а чужеземного бога, так как греки имели обыкновение называть своих богов по именам. Об иных же богах они говорили обычно описательно (Бог высочайший, Мать богов и т.д.) Однако иногда и греческих богов называли просто *θεός* или *θεά*, но

¹ К сожалению, фрагменты светильника не сохранились в коллекции.

это было в тех случаях, когда речь шла о храме или культе какого-то одного известного в данном центре божества.

Очевидно, в нашем случае это было божество, хорошо известное танайцам. Более того, эпиграфические и другие данные свидетельствуют о возрождении Шв.н.Э. на Боспоре роли верховного мужского божества [8, с.8-9; 9, с.163; 13, с.278-280; 29, с.134 и сл.].

Известно также, что танайские лапидарные источники середины II в. н.э. отмечают почитание безымянного синкретического божества - Бога Высочайшего, Всемлющего, Справедливого [28, №1260-1261, 1277-1289; 29, с.139-140].

В этой связи можно предположить, что терракотовая статуэтка и горшочек из погребения 33 - воплощенное в глине жертвоприношение двум верховным божествам - безымянному синкретическому Богу Высочайшему и Великой Богине-Матери, почитавшейся под именем Афродиты, владычицы Апатура. Симметричное положение их в могиле, характерное для терракот-посвящений богам, вероятно, лишь еще одно подтверждение этому. Кроме того, известен случай находки подобной женской терракотовой фигурки в паре с изображением мужского божества - при раскопках очага в Ново-Отрадном в 1970 г. [9, с.160-161].

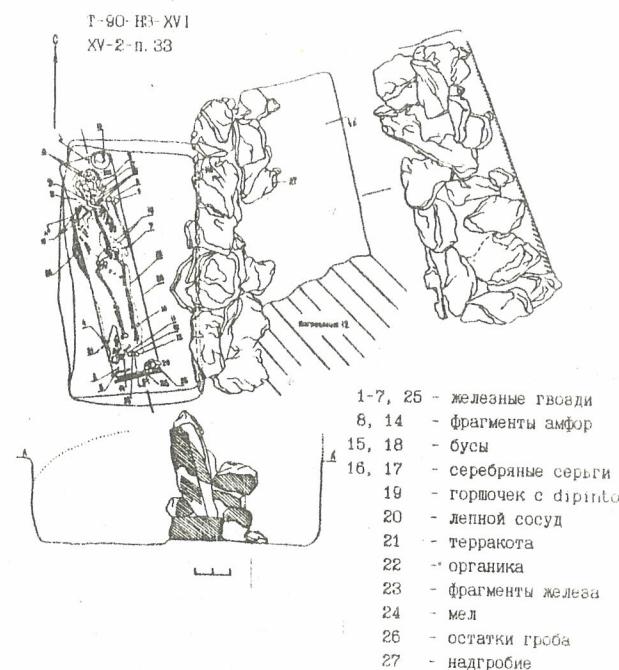

Рис. 1. 1. Чертеж погребения 33

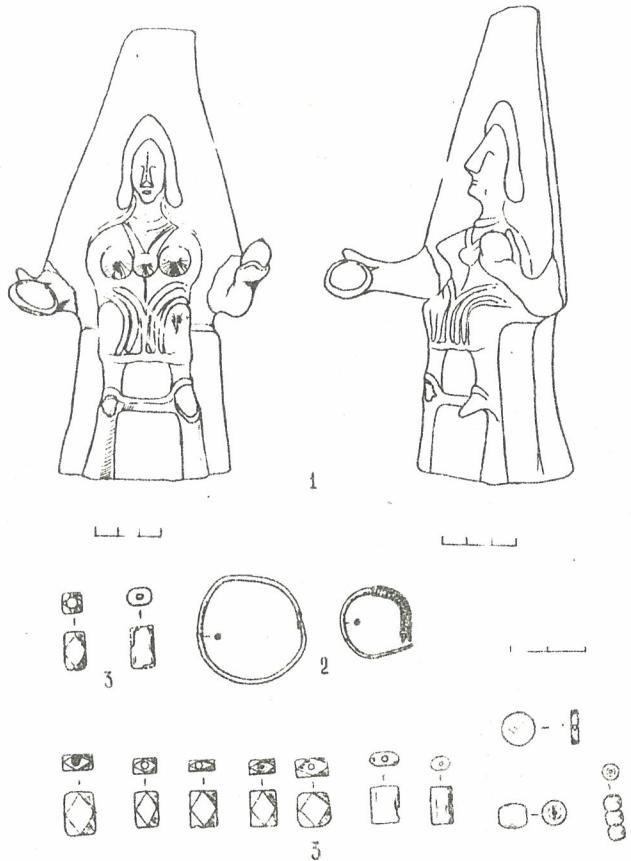

Рис. 2. 1. Терракотовая статуэтка
2. Серьги
3. Бусы

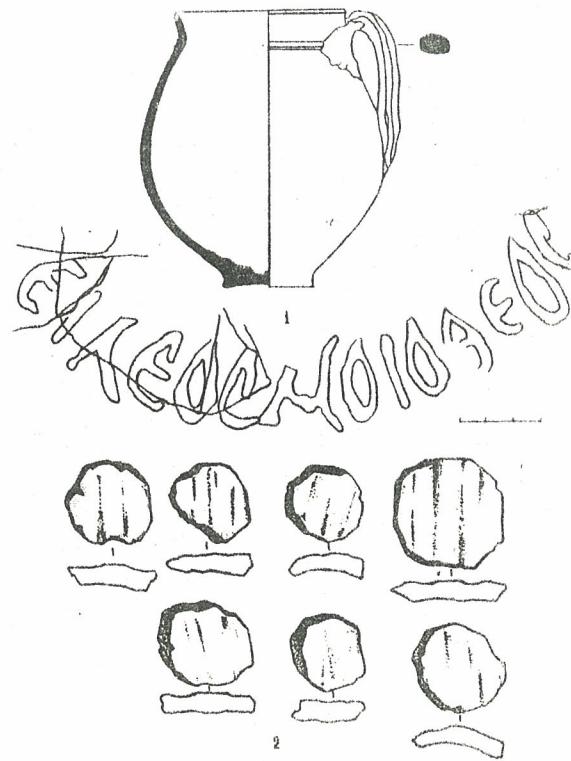

Рис. 3. 1. Горшочек с драпиро
2. Керамические "фишки"

1. Арсеньева Т.М. Отчет о раскопках западного участка грунтового некрополя Танаиса в 1990 г. // ИА РАН
2. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ, ч.3, М., 1982.
3. Кобыльчина М.М. Терракотовые статуэтки Пантикея и Фанагории. М., 1961.
4. Сипантьева П.Ф. Терракоты Пантикея //САИ, Г1-11, ч.III. М., 1974.
5. Финогенова С.И. Терракоты Гермонассы (по материалам раскопок 1968-1981 гг.)//Археология и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ им. А.С.Пушкина. М., 1992.
6. Шургая И.Г. Раскопки в юго-западной части Илурата в 1966 и 1968 гг. //КСИА, вып.124, 1970.
7. Кругликова И.Т. О культе верховного женского божества на Боспоре во II-III вв.н.э. //Сб. Культура античного мира. М., 1966.
8. Кругликова И.Т.Религиозные представления сельского населения Боспора //КСИА, вып.124, 1970.
9. Романовская О.Н. Две статуэтки из Ново-Отрадного //СА, 1974, №1.
10. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М., 1949.
11. Харко Л.П. О пятиколонном храме, изображенном на боспорских монетах II в.н.э. //ВДИ, 1950, № 1.
12. Блаватский В.Д. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (IV в. до н.э. - III в.н.э. //СА, 1964, № 4.
13. Шелов Д.Б. Танаиси Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972.
14. Харко Л.П. Культ Афродиты на Боспоре//КСИИМК, вып.XIII, 1946.
15. Казакова Л.М., Каменецкий И.С. Курганны Танаиса //КСИА, вып.124, 1970.
16. Арсеньева Т.М. Отчет о раскопках городища Танаис в 1972 г. //Архив ИА РАН. Р - 1 № 4931.
17. Болтунова А.И. О культе женского божества в Танаисе // КСИА, вып. 204, 1992.
18. Кастанаян Е.Г. Грунтовые некрополи боспорских городов VI-IV вв. до н.э. и местные их особенности //МИА, № 69, 1959.
19. Мифы народов мира. М., 1992, ч.2.
20. Книпович Т.Н. Краснолаковая керамика первых веков н.э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935-1940 гг. //МИА, № 25, 1952.
21. Соломоник Э.И. Религиозная жизнь в северопонтийских городах //ВДИ, № 1, 1979.
22. Шелов Д.Б. Дипинти на амфорах из танаисских комплексов / /НЭ, вып. XV, 1989.
23. Арсеньева Т.М. Отчет с раскопках городища Танаис в 1988 г. //Архив ИА РАН. Р - 1. № 13759.
24. Шелов Д.Б.,Шелов-Коведяев В.Ф. Сосуд жреца Фана с надписью //ВДИ, № 1, 1979.
25. Болтунова А.И., Книпович Т.Н. Очерки истории папилярного письма на Боспоре //НЭ, вып. III, 1962.
26. ИАК, вып.37.
27. IOSPE, II.
28. Корпус боспорских надписей, М., 1965.
29. Зубарь В.М. Сорочан С.Б. Новый погребальный комплекс II-IV в. н.э. и экономическое развитие Херсонеса.//Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры, Киев. , 1986.
30. Pottery of the Results of Excavations conducted by Roman Period the American school of classical Studies at Athens, The Athenian Agora, Volun.e V, Princeton, New-Jersey, 1959.

М.Ю. Трейстер

Провинциально-римское зеркало из некрополя Танаиса

В 1972 г. в с. Недвиговка, примерно в 350 м к востоку от восточной части оборонительного рва Танаиса при земляных работах было открыто погребение в горой половины III - начала IV в.н.э., содержащее богатый и разнообразный инвентарь, достаточно подробно и обстоятельно проанализированный авторами публикации [1, с.42-66]. Среди других находок в погребении было обнаружено крупное дисковидное зеркало выпукло-вогнутой формы, отлитое из белого сплава; оборотная сторона зеркала украшена орнаментом в виде десяти перекрещивающихся арок из шести врезанных циркульных линий каждая [1, с.46-47, рис.3, 1]. Как отмечается в публикации [1, с.46], «*к зеркалу относится и литой весловидный бронзовый предмет (рис.3, 1а)*» (рис.1). Отметив отличие танаисского зеркала от сарматских, ханьских и провинциально-римских, С.И. Безуглов и А.А. Захаров в качестве единственной аналогии назвали зеркало из некрополя древнего Питиунта, также сопровождавшееся «весловидным предметом» [1, с.53-54; 2, табл. CXI, 2].

«Весловидные предметы» упомянутых зеркал из Танаиса и Питиунта представляют собой нечто иное как ручки, припаивавшиеся в древности к вогнутой стороне диска. Зеркала рассматриваемого типа представляют одну из сравнительно редких разновидностей провинциально-римских зеркал [3, с. XI, 90-93]. Известно около 20 экземпляров подобных предметов, происходящих, главным образом, из Ниймегена, Кельна, Ретеля, а также Интерциссы, Константинополя, Антиохии [4, с.90, табл. 5, с.32, цв. вклейка III]. Выделенные в отдельный тип Г. Ллайд-Морганом рассматриваемые зеркала наиболее обстоятельно изучены Ф. Бараттом. Производство большинства зеркал относится к промежутку между концом II в.н.э. и последними десятилетиями III в.н.э. Эти датировки подтверждаются происхождением некоторых зеркал из хорошо датированных комплексов, в частности, кладов в Виенне и Ретеле [4, № 25, с.86-90; 6, № 11-12, с.97-102]. Предполагается существование мастерских, в которых изготавливали подобные зеркала на северо-востоке Галлии или в долине Рейна [7, с.154; 4, с.90]. В поздне-антическую эпоху зеркала находились в употреблении довольно долго, иногда вплоть до VI-VII вв., что подтверждается находкой в Антиохийском кладе.

Трудно сказать, каким образом попало в сарматское захоронение зеркало, изготовленное в Галлии или долине Рейна. Сравнительная

редкость рассматриваемого типа зеркал и его концентрация в районе мест производства не позволяет, как кажется, видеть в нем обычный предмет торговли. В Северном Причерноморье до издания публикуемой находки достоверных свидетельств бытования подобных зеркал не было, если не считать, возможно, происходящее из Керчи (бесспорная находка до 1913 г.) зеркало, хранящееся в ГМИИ им. А.С. Пушкина [8, с.91, рис.1, 3]. Рассматриваемое зеркало расширяет сводку провинциально-римских зеркал, найденных в Восточной Европе [8, с.90-103], а также дополняет наши представления о центрах изготовления привозных металлических изделий в сравнительно редких богатых кочевнических погребениях позднеантичного Танаиса.

1. Безуглов С.И., Захаров А.А. Богатое погребение позднеримского времени близ Танаиса //Известия РОМК. Ростов-на-Дону, 1989. Вып.6.
2. Лордкипанидзе Г.А., Кигурадзе Н.Ш., Тодуа Г.Т. Раскопки Пицундского некрополя и городища //Полевые археологические исследования в Грузии в 1984-1985 гг. Тбилиси, 1987.
3. Lloyd-Morgan G. Description of the Collection in the Rijksmuseum G.M.Kam at Nijmegen. The Mirrors. Nijmegen, 1981.
4. Baratte F., Le Bot-Helly A., Helly B., Depassiot M.-C., Langlet V. Le trésor de la place Camille-Jouffray à Vienne (Isère): Un dépôt d'argenterie et son contexte archéologique (50 suppl. à «Gallia»). Paris: Editions du CNRS, 1990.
5. Bernhard H., Engels H.-J., Engels R. Der römische Schatzfund von Hagenbach. Mainz: Verlag des RGZM, 1990.
6. Orfevrerie gallo-romaine: Le trésor de Rethel. Paris: Picard, 1988.
7. Lloyd-Morgan G. Roman Mirrors and the Third Century //The Roman West in the 3-rd Century. BAR Intern. ser., 1981, № 109.
8. Трейстер М.Ю. Итальянские и провинциально-римские зеркала в Восточной Европе //CA. 1991. № 1.

В.Г.Житников
Боспорские колонии в низовьях Дона
в первой трети III в. до н.э.

Как установлено археологическими изысканиями последних лет, Елизаветовское поселение - крупнейший варварский центр Северо-Восточного Приазовья скифской эпохи - прекращает свое существование в самом начале III в. до н.э. [1, с.9; 2, с.133; 3, с. 75]. Однако вскоре на покинутом жителями Елизаветовском городище возникает греческая колония, возможно, эмпорий, основанный, скорее всего, боспорскими эллипами [1, с.9; 4, с.105]. В первой четверти III в. до н.э. Боспор выводит еще одну колонию в район устья Дона - Танаис [5, с.23].

Как представляется, археологические материалы раннего Танаиса и боспорской колонии на Елизаветовском городище позволяют обратиться к вопросам о причинах и некоторых обстоятельствах выведения этих поселений, периода существования, а также об их роли в хозяйственной жизни населения Нижнего Подонья, т.е. к проблемам, весьма актуальным для понимания истории греческой колонизации Северо-Восточного Приазовья.

Причины основания греческих поселений на Дону, главным образом, Танаиса, достаточно полно освещены в литературе и связываются обычно с экономическими интересами Боспорского государства. Как показал Д.Б. Шелов, начало III в. до н.э. было сопряжено с рядом негативных явлений в хозяйстве Боспора, в частности, с кризисом денежного обращения, сокращением хлебного экспорта, переориентацией торговых связей и т. д. [5, с.30-40], многие из которых были обусловлены коренными изменениями в политической и демографической ситуации в Северном Причерноморье и в характере греко-варварской торговли, наметившимися с началом эпохи эллинизма [6, с.203]. В обстановке хозяйственных затруднений Боспор среди прочих мер стремился и к укреплению связей с населением Нижнего Подонья, которое могло предоставить ему необходимые товары (скот, рыбу, рабов и т.д.) для экспортной торговли. Однако в начале III в. до н.э. прекращает функционировать основной торговый партнер Боспорского царства в Северо-Восточном Приазовье - Елизаветовское поселение, как, впрочем, и другие поселения региона. В этих условиях Боспор, по-видимому, был вынужден пойти на создание собственных опорных пунктов в низовьях Дона [3, с. 75].

С другой стороны, в существовании пунктов, подобных Елизаветовскому городищу, т.е. особых «контактных центров» [7, с.98 сл.], где производился греко-варварский торговый обмен, был крайне заинтересован и кочевой мир. Хорошо известно, что хозяйство кочевников и полукочевников менее замкнуто, менее автаркично, чем комплексная

экономика оседых земледельцев. Кочевые общества в силу узкой специализации своего хозяйства и ограниченного ассортимента производимых продуктов гораздо сильнее стремились к торговле с оседым населением, чем землевладельцы сnomадами [8, с.271; 9, с. 255; 10, с.246]. Отметим, что дельта Дона, благодаря своему географическому положению, была традиционным местом, где осуществлялась торговля между греками и варварами. Таким образом, выведение колоний в район устья Дона было обусловлено экономическими интересами как Боспора, так и нижнедонских nomадов.

Важно подчеркнуть, что обе боспорские колонии возникли в условиях новой демографической ситуации, сложившейся в степях Приазовья в конце IV - начале III в. до н.э., а также определенно, может быть, кратковременной стабилизации военно-политической обстановки в районе. Как уже говорилось выше, в начале III в. до н.э. угасает Елизаветовское городище, а еще раньше, видимо, уже к рубежу IV - III вв. до н.э. прекращается жизнь на небольших поселениях дельты: нижнедонские скифы покидают свои населенные пункты. Сначала III в. до н.э. практически исчезают погребальные памятники на правобережье Дона: по всей видимости, вместе с населением дельты уходят и nomады правобережных степей. Лишь на Левобережье и в первые десятилетия III в. до н.э. остается какая-то группа варваров, вероятно, кочевых скифов, о чем могут свидетельствовать катакомбные захоронения этого времени, открытые вблизи дельты [11, с.33 сл.]. Все эти события могли быть следствием лишь резких изменений демографической ситуации в степном коридоре, вызванных, скорее всего, какими-то передвижениями кочевых орд в конце IV - начале III в. до н.э. Впрочем, в дальнейшем обстановка в Подонье-Приазовье, видимо, несколько стабилизируется, о чем может говорить отсутствие оборонительных сооружений как вокруг Елизаветовского «эмпория», а также и вокруг Танаиса, где они появились не ранее конца III - начала II в. до н.э. [5, с.114, 131; 12, с.93].

Таковы были, на наш взгляд, причины и условия появления боспорских колоний в районе дельты Дона.

Дата основания Танаиса - первая четверть III в. до н.э. - обоснована Д.Б.Шеловым [5, с.15-23; 13, с.306 сл.]. Боспорская колония на территории Елизаветовского городища возникла где-то в конце 90-х гг. III в. до н.э. и погибла не позднее 70-60 гг. того же столетия [4, с.105; 14, с.10 сл.]. При этом весьма важным представляется вопрос о периоде существования памятников. Очевидно, что для его решения необходимо сопоставить материалы поселений. Напомним, что исследователи неоднократно подчеркивали наличие коренных различий в комплексах керамической тары и амфорных клейм Елизаветовского городища первой трети III в. до н.э., т.е. времени существования боспорской колонии, и раннего Танаиса [5, с.18; 15, с.8; 16, с.73 сл.; 17, с.93]. В Танаисе, например, фиксируется появляющее преобладание родосского импорта: свыше

92% всех клейм III-II вв. до н.э. являются родосскими [5, с.156; 15, с.6; 18, с.74 сл.], а в первой половине III в. до н.э. они полностью доминируют [5, с.21]. На Елизаветовском городище немногочисленные клейма Родоса относятся к концу IV - началу III в. до н.э. [17, с.45]. Отметим и практически полное отсутствие в Танаисе гераклейской тары первой половины III в. до н.э.: по данным Н.Ф.Федосеева, среди танаисских материалов лишь одно клеймо можно уверенно отнести к числу гераклейских клейм указанного времени [19, с.157]. Среди находок боспорской колонии на Елизаветовском городище гераклейские клейма 5-й поздней типологической группы, датируемые концом IV - первой четвертью III в. до н.э., представлены достаточно хорошо [4, с.104 сл.; 17, с.39]. Столь же показательно и сопоставление данных по синопскому импорту: в Танаисе первой половины III в. до н.э. он малочисленен; в материалах же Елизаветовского эмпория синопская тара доминирует, особенно в последнее десятилетие жизни поселения [4, с. 104]. Наконец, если в Танаисе практически отсутствуют херсонесские клейма ранее конца III в. до н.э. [15, с.148 сл.], то на поселении боспорцев в дельте амфоры Херсонеса составляют весьма значительный процент комплекса керамической тары [4, с.104].

Если, по мнению Д.Б.Шелова, указанные различия не имеют удовлетворительного объяснения [15, с.8], то сточки зрения И.Б.Брашинского они должны объясняться асинхронностью обоих комплексов, а также какими-то экономическими и политическими причинами [17, с. 93]. Подчеркнем, что среди танаисских материалов весьма немного находок первой четверти III в. до н.э.: к ним можно отнести три пантикопейские монеты, несколько чернолаковых фрагментов, десяток родосских клейм первой группы, а также несколько синопских клейм III и IV хронологических групп [5, с.17-21; 15, с.139]. Период бытования астигнов III группы синопских клейм исследователи в настоящее время склонны относить к первой четверти III в. до н.э., а начало IV группы определяется серединой 70-х гг. этого столетия [4, с.99]. Учитывая крайне немногочисленное количество находок первой четверти III в. до н.э. в Танаисе, можно предположить, что основание города произошло где-то в самом конце первой четверти века. Так как Елизаветовский эмпорий гибнет не позднее 70-60 гг. III в. до н.э., то, видимо, период существования колоний был ограничен весьма непродолжительным временем. Отметим, что Н.Ф.Федосеев, проанализировав комплексы керамических клейм поселений, также пришел к выводу, что Танаис и греческая колония на территории Елизаветовского городища сосуществовали на протяжении небольшого отрезка времени - около 10 лет, а, может быть, и всего нескольких лет [19, с.159 сл.].

На своеобразие торговли, отличавшее Танаис от других североинтийских городов, неоднократно указывал Д.Б.Шелов, подчеркивавший, что эти особенности сближают Танаис с Фанагорией [5, с.179 сл.;

15, с.9; 20, с.117 сл.]. Именно в Фанагории фиксируется господство родосского импорта, немногочисленность гераклейской тары и отсутствие херсонесских клейм ранних групп [21, с.129, 151]. Особенности танаисской торговли, по мнению Д.Б.Шелова, объясняются тем, что основные связи Танаиса шли через города Азиатского Боспора, прежде всего, Фанагорию [5, с.160; 15, с.9]. В то же время доминирование синопского импорта, отмечаемое на Елизаветовском эмпории, характерно для городов европейской части Боспора [22, с.385 сл.; 23, с.140 сл.], за исключением Пантикопея, где синопский и родосский импорт примерно равны [24, с.203]. На памятниках Европейского Боспора, в слоях III в. до н.э. встречаются, в отличие от раннего Танаиса, и гераклейские клейма [21, с.129], и херсонесские клеймы ранних групп [22, с.393; 24, с.214].

Отмеченные особенности торговых связей раннего Танаиса и боспорской колонии, существовавшей на территории Елизаветовского городища, видимо, могут свидетельствовать о том, что, в отличие от Танаиса, торговля этой колонии шла в основном через Европейский Боспор. Более того, эти особенности позволяют высказать предположение, что Елизаветовский эмпорий был выведен с европейской части Боспора, в то время как Танаис был основан какой-то группой переселенцев из Азиатского Боспора, возможно, из Фанагории. Если, наше предположение верно, то коренные различия комплексов амфорных клейм обоих памятников объясняются не только определенной их асинхронностью, но и традиционной направленностью торговых связей различных частей Боспорского государства, которые сохранились и проявились в экономической жизни как Елизаветовского эмпория, так и Танаиса. В связи с нашей гипотезой об основании Танаиса можно напомнить о предположении Д.Б.Шелова, что этот город, возможно, был создан по инициативе частных боспорских граждан, действовавших без официальных полномочий со стороны Спартокидов; в дополнение к этому Танаис был независим по отношению к Боспорскому государству и не входил в состав его владений [5, с.197-202].

Возвращаясь к вопросу о торговых связях боспорской колонии, существовавшей на территории Елизаветовского городища, следует отметить, что по нашим подсчетам, основанным на данных И.Б.Брашинского [25, с.151], в торговом балансе эмпория до 1 гераклейского импорта составляла примерно 3%, фасосского - 5%, синопского - более 48%, херсонесского - около 14%, прочих центров - примерно 30%. Близкие данные были получены В.И.Кацем и Н.Ф.Федосеевым при изучении комплекса амфорных клейм эмпория по материалам раскопок 1982-1984 гг. [4, с.104 сл.]. По подсчетам исследователей, ко времени существования памятника относится 4 гераклейских клейма (5-й поздней группы), 31 синопское (магистратов второй половины I и IV хронологических групп) и 11 херсонесских (астигнов второй половины I хронологической группы); все фасосские клейма относятся в основ-

ном к концу IV - началу III в. до н.э. Следовательно, соотношение между объемами импорта из Гераклеи, Синопы и Херсонеса выражается примерно как 1:2.1:10.2. С учетом группы неклейменной тары (приблизительно 30%) оказывается, что гераклейский импорт составлял о объему около 2%, синопский - почти 50%, херсонесский - более 18%. Подчеркнем, что клейма Гераклеи и Херсонеса связаны главным образом с первыми двумя десятилетиями жизни эмпория, т.е. до конца 7-х гг. III в. до н.э., в то время как синопский импорт отражает весь период его существования [4, с.104].

Материалы эмпория свидетельствуют, что в первой четверти III в. до н.э. гостеприимство затухает, а затем и полностью прекращается гераклейский импорт в дельту Дона [4, с.104; 17, с.94]. Упадок гераклейской торговли в начале III в. до н.э. обычно связывают с призисом тиранической власти в Гераклее, последовавшим после смерти Дионисия в 306/5 г. до н.э., а затем и спадением тирании в 284 г. до н.э. [26, с.118]. К концу 70-х гг. III в. до н.э. отмечается и уменьшение херсонесского импорта, что можно объяснить, по-видимому, сложным политическим положением Херсонеса в первой половине столетия: в результате скифо-херсонесских войн первых десятилетий III в. до н.э. и разгрома ряда поселений хоры Херсонеса резко сократилось виноградарство и, как следствие, импорт вина [27, с. 128]. Вместе с тем необходимо отметить достаточно высокий процент херсонесского импорта в торговом балансе Елизаветовского эмпория, что отличает этот памятник не только от Танаиса, но и от городов европейского Боспора. Обилие херсонесской тары на эмпории пока не поддается удовлетворительному объяснению. Может быть, это связано с традиционной направленностью торговых связей Херсонеса с дельтой Дона, установившихся еще в последней четверти IV в. до н.э.

Имеются все основания полагать, что важную роль в хозяйстве Елизаветовского эмпория играла посредническая торговля с населением степей Подонья [3, с.77]. Характеристика поселения как посредника в торговых связях эллинов с далекими варварами, заменившего в этом качестве Елизаветовское городище, находит подтверждение в материалах кочевнических погребений левобережья Дона. Видимо, варвары поддерживали интенсивные торговые отношения с боспорской колонией в дельте Дона, о чем говорят многочисленные находки херсонесских и гераклейских амфор первой четверти III в. до н.э. в курганах Левобережья [см., напр.: 11, с.22-32]. Состав амфор из катакомбных захоронений левобережных степей вполне соответствует комплексу керамической тары эмпория, за одним исключением: в курганах полностью отсутствует синопская тара. Возможно, это связано с явлениями хронологического порядка. Синопский импорт, как установлено, начинает полностью доминировать в торговле греческого поселения в

последнее десятилетие его существования [4, с.104 сл.]. Можно предположить, что к этому времени кочевники-скифы по каким-то причинам уже покинули пределы степного Левобережья.

Следы торговой активности боспорского эмпория на более отдаленных территориях отсутствуют. Однако в литературе уже неоднократно упоминались находки античных монет в Поволжье, в частности, пантакийских и ольвийских монет первой половины III в. до н.э. [5, с.178 сл.; 28, с.37; 29, с.41-49; 30, с.296-299]. По мнению Д.Б. Шелова, эти находки отражают какую-то заинтересованность ольвийских купцов в торговых связях с Поволжьем, которые осуществлялись через Боспор и Нижнее Подонье [5, с.179; 30, с.298 сл.]. Вполне возможно, что эти связи были через Елизаветовский эмпорий в дельте Дона, так как ольвийские монеты в нем Подонье относятся к тому же типу, что и «борисфен», найденный на Елизаветовском городище [5, с.180] и датируемый первой половиной - серединой III в. до н.э. [31, с.31]. Как известно, в Танаисе ольвийские монеты III в. до н.э. не обнаружены.

Таким образом, боспорский торговый центр в дельте Дона в первой трети III в. до н.э. играл ту же роль посредника в греко-варварском обмене, что и Елизаветовское поселение на протяжении IV - начала III в. до н.э. Впрочем, эта роль была заметно более скромной, а само существование эмпория непродолжительным. Вместе с тем необходимо отметить, что часто декларируемая роль раннего Танаиса как центра посреднической торговли на археологических материалах пока не прослеживается: в погребальных комплексах Нижнего Подонья полностью отсутствуют предметы греческого импорта, которые можно было бы связать с торговой активностью Танаиса ранее конца III - начала II в. до н.э.

Как уже говорилось выше, боспорская колония на Елизаветовском городище гибнет не позднее 70-60-х гг. III в. до н.э. Археологический контекст - явные следы пожаров и разрушений - однозначно свидетельствует, что колония была быстро и жестоко уничтожена в ходе какого-то нашествия или набега. По-видимому, это событие следует рассматривать в свете тех глобальных изменений военно-политической ситуации в первой трети III в. до н.э., которые многими исследователями связываются с рядом сокрушительных сарматских набегов на Скифию [1, с.10; 32, с.192 сл.]. Боспорская колония в дельте Дона одной из первых оказалась на пути сарматов и первой подверглась уничтожению. Видимо, время гибели Елизаветовского эмпория определяет дату вторжения сарматских племен в степи Северного Причерноморья. Впрочем, не исключено, что колония погибла в результате какого-то локального набега кочевников. Вместе с тем пока совершенно не ясно, как и почему в условиях сарматских набегов уцелел неукрепленный Танаис, который со временем гибели боспорской колонии в донской дельте остается единственным центром античной цивилизации в Северо-Восточном Приазовье.

1. Марченко К.К. Боспорские колонии в дельте Дона // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье - Приазовье. Тезисы докладов. Новочеркасск, 1987.
2. Марченко К.К. Боспорские поселения на территории Елизаветовского городища на Дону // ВДИ. 1990. № 1.
3. Марченко К.К., Житников В.Г., Яковенко Э.В. Елизаветовское городище - греко-варварское торжище в дельте Дона // СА. 1988. № 3.
4. Кац В.И., Федосеев Н.В. Керамические клейма «греческого эмпория» на Елизаветовском городище // АМА. 1986. Вып. 6.
5. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III - I вв. до н.э. М.: 1970.
6. Брашинский И.Б. Черноморская торговля в эпоху эллинизма // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси; 1985.
7. Брашинский И.Б. Основные черты греко-варварской торговли в античном Причерноморье и ее особенности в Колхиде // Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси: 1980.
8. Жданко Т.А. Номадизм в Средней Азии и Казахстане // История, археология и этнография Средней Азии. М.: 1968.
9. Хазанов А.М. Социальная история скифов. М.: 1975.
10. Марков Г.Е. Кочевники Азии. М.: 1976.
11. Головкова Н.Н., Лукьянчук С.И. Новые данные о херсонесском импорте на Нижнем Дону // Очерки древней этнической и экономической истории Нижнего Дона. Ростов-на/Д: 1980.
12. Арсеньева Т.М. Танаис // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М.: 1984.
13. Шелов Д.Б. О времени основания Танаиса // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.: 1968.
14. Горончаровский В.А. К вопросу о времени существования боспорского эмпория в дельте Дона // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье - Приазовье. Тезисы докладов. Новочеркасск, 1987.
15. Шелов Д.Б. Керамические клейма из Танаиса III-I веков до н.э. М.: 1975.
16. Брашинский И.Б. Проблемы хронологии Елизаветовского городища в дельте Дона // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. 1977. № 1.
17. Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л.: 1980.
18. Книпович Т.Н. Танаис. М.-Л.: 1949.
19. Федосеев Н.Ф. О времени существования Елизаветовского городища и Танаиса (по данным керамической эпиграфики) // АМА. 1990. Вып. 7.
20. Шелов Д.Б. Экономическая жизнь Танаиса // Античный город. М.: 1963.
21. Шелов Д.Б. Керамические клейма из раскопок Фанагории // МИА. 1956. № 57.
22. Штаерман Е.М. Керамические клейма из раскопок Мирмекия и Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА. 1952. № 25.
23. Брашинский И.Б. Экономические связи Синопы // Античный город. М.: 1963.
24. Шелов Д.Б. Клейма на амфорах и черепицах, найденных при раскопках Пантикея в 1945-1949 г. // МИА. 1957. № 56.
25. Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л.: Наука, 1984.
26. Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М.: 1986.
27. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: 1978.
28. Балпод Ф.В. Приволжские Помпеи. М.-Пг., 1923.
29. Зайковский Б.В. Из монетной летописи Нижне-Волжской области // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. Саратов. 1926. Вып. 35, ч. 1.
30. Шелов Д.Б. Ольвийские монеты в Поволжье // Древности Восточной Европы. М.: 1969.
31. Карышковский П.О. Из истории торговых связей Боспора в черноморском бассейне // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и в средние века. Ростов-на/Д: 1988.
32. Щеглов А.Н. О греко-варварских взаимодействиях на периферии эллинистического мира // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси: 1985.

Л.С.Ильюков

Сарматские курганы окрестностей Танаиса /могильник «Царский»/

В 1977 г. была проведена инструментальная съемка большого курганныго могильника, расположенного с напольной стороны Танаиса на водоразделе двух балок Каменной и Донской Чулек, впадающих в р. Мертвый Донец. Он был назван «Царским» [1, с.104].

В 1987-88 гг. экспедиция археологической лаборатории Ростовского университета исследовала северо-восточный участок этого могильника, где выявлено 13 курганов, которые датируются I-II вв.н.э. (рис.1, 1) [2; 3]. Ежегодно курганы подвергались распашке. Судя по стратиграфическим разрезам, курганская насыпь сооружалась в один прием из серого, черно-серого, реже коричнево-серого суглинка, иногда с вкраплениями карбонатов. В кургане 41 край сарматской насыпи перекрывает небольшой курганско-斯基фского времени. Обычно под насыпью находится одна могила, в одном случае (курган 33)- три. За исключением кургана 33, остальные разграблены.

Курган 33. Высота 0.28 м, диаметр 16 м.

Погребение 1 (-0.87 м)¹. Подпрямоугольная яма длиной 1.65 м ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. Вдоль западной стенки ступенька шириной 0.33-0.20 м и высотой 0.1 м, а под восточной, обвалившейся стенкой, расположен прямоугольный подбой 1.6 x 0.9 м. Ребенок² похоронен вытянуто на спине, головой на ЮВ, руки лежали вдоль туловища. Около правой ноги погребенного - лопаточная и лучистая кости левой ноги овцы. Вещей нет (рис.1, 2).

Погребение 2 (-0.95 м) примыкает с северо-восточной стороны к погр.1 (рис.1, 2). Прямоугольная яма 1.70 x 0.75 м ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. Ребенокложен вытянуто на спине, головой на ЮЮВ, руки вдоль туловища. Около нижней челюсти лежала стеклянная фиолетовая бусина, украшенная голубыми глазчатыми налепами, в центре каждого - синяя точка с белой и синей каймой (рис.1, 7). Около грудной клетки обнаружена железная одночленная проволочная фибула с верхней тетивой (рис.1, 4). Под тазом - стеклянная бусина

серого цвета (рис.1, 5), у правого бедра железный меч с прямым перекрестьем и кольцевым навершием (рис.1, 3). У левого плеча стоял красноглиняный кружальный кувшин с лощеной поверхностью, ручка длинная. Слив оформлен двумя боковыми вмятинами. Основание горла опоясано парой проложенных линий. Тесто без примеси¹, (рис.1, 6). Около левой ноги погребенного находились тазовая и берцовая кости левой ноги овцы и фрагмент лезвия железного ножа.

Погребение 3 (-0.95 м) примыкает с севера к погр.2 (рис.1, 2). Подпрямоугольная яма длиной 1.75 м ориентирована по линии ССВ-ЮЮЗ. Вдоль западной стенки расположена ступенька шириной 0.33-0.22 м высотой 0.07 м, а под обвалившейся восточной стенкой - п-образный подбой 1.80 x 1.05 м. В подбои находился скелет ребенка, положенного вытянуто на спине головой на ЮЮЗ, руки лежали вдоль туловища. У левой ноги стоял красноглиняный кувшин со слабо профицированной ручкой, поддоном и сливом, горло и плечики опоясаны двумя валиками, треснувшиеся стенки были спиты при помощи просверленных отверстий (рис. 1, 8). Рядом с кувшином обнаружен железный нож. Черепок не сохранился.

Курган 34. Высота 0.17 м, диаметр 16 м. На его поверхности найден фрагмент ножки светлоглиняной амфоры.

Погребение 1 (-2 м). Квадратная яма 2.2 x 2.2 м ориентирована углами по сторонам света. В северо-восточной стенке ближе к восточному углу, выбурлена прямоугольная ниша 0.57 x 0.45 м. Дно ее, плавно повышаясь, переходит в дно ямы. В заполнении ямы найдены кости взрослого человека, древесные угли, а по дну отмечены пятна мела и коричневого тлена. Инвентарь переотложен: 1) фрагменты бронзовой фольги, 2) скругленный уголок плоской ножки (?) бронзового сосуда, 3) стеклянные желтые пронизи (4 шт.) (рис.1, 13), 4) керамика: стенка лепного черноглиняного сосуда, в тесте примесь песка; горло светлоглиняной амфоры типа В (рис.1, 10); стенка красно-коричневой амфоры, тесто без примеси; фрагменты столовой кружальной посуды: а) тонкостенный светло-коричневый сосудик. Его треснувшая стенка была спита при помощи просверленных отверстий, б) фрагмент стакана с выделенным растреснутым венчиком (рис.1, 11), в) серолощеная миска, прямой бортик опоясан тремя проложенными желобками (рис.1, 12); 5) фрагмент лезвия железного ножа.

Курган 38. Высота 0.69 м, диаметр 24 м. Слоны кургана укреплены

¹ Здесь и ниже глубина погребений указана от репера (Ро), расположенного на вершине кургана.

² Антропологические определения выполнены Е.Ф.Батиевой, младшим научным сотрудником археологической лаборатории Ростовского университета, определения вида жертвенных животных - Ю.Я.Мякисей, доцентом Ростовского педуниверситета.

¹ В этой коллекции кружальная столовая посуда сделана, как правило, из глины без примеси, светлоглиняные амфоры - с проксеноем, а лепная посуда - с добавкой шамота, ниже эти характеристики опущены.

известняковой оградой квадратной формы, ориентированной углами, по сторонам света. Размер ее по внутреннему краю 9 x 9 м, ширина стен 1.3-0.5 м. Около камней найден зуб лошади и венчик светлоглиняной амфоры (рис.1, 17).

Погребение 1 (-2.1 м). Широкая прямоугольная яма 2.05 x 1.80 м ориентирована по линии СЗ-ЮВ (рис.1, 15). По обеим сторонам ее на древней дневной поверхности лежал материковый выкид. Могила ограблена и завалена камнями. На дне ее, с некоторым отступлением от стен, был сооружен деревянный ящик. Сохранился его юго-западный угол. Пространство между ящиком и ямой засыпано материковым суглинком. В этой засыпи оказались кости мелкой рыбы. В заполнении ямы найдены кости скелета мужчины (?) 35-40 лет, древесные угли, комочки обожженной земли. В юго-западном углу ящика грабители не заметили серебряную кружку и бронзовую чашу. Кованая кружка имеет желобчатое горло, окольцованное тремя фасками (под венчиком, в средней части и у основания), каннелюрованное туло и кольцевидную ручку, припаянную к вертикальной пластинке, в свою очередь припаянную к плечикам. Кольцо ручки согнуто из широкой пластиинки, края которой оконтурыены двумя прочерченными линиями и обрамлены насечками (рис.1, 14). Чаша литая, полусферическая, имеет кольцевой поддон, обработанный на токарном станке. Широкий венчик украшен вереницей рельефных овов, в дно вмонтирован медальон, окруженный ободком орнамента, нанесенного чеканом, в центре медальона изображена полуобнаженная женщина. Её высокая прическа перевязана серебряной ленточкой, для которой сделано специальное углубление. Женщина полусидит. Правым локтем она опирается в колено, а левой ладонью полусогнутой руки касается неясно выраженного выступа (?). Справой рукой она, по-видимому, держит зеркало. Одежда, приспущеная на бедра, была инкрустирована тремя вставками, для которых сделаны углубления. Инкрустация не сохранилась. У ног расположен полусферический сосуд. Его корпус так же был инкрустирован, но вставки отсутствуют (рис.2, 22). Остальной инвентарь переотложен: 1) остатки сиреневой краски с поверхности несохранившегося предмета, 2) фрагменты железного ножа, черенок с бронзовой заклепкой (рис.1, 19), 3) керамика: а) венчик светлоглиняной амфоры (рис.1, 18), б) стеклянная кружальная краски с поверхности несохранившегося предмета, в) фрагменты красноглиняного кружального сосуда, покрытого светлым ангобом, узкое горло резко отогнуто от шаровидного туловища (рис.1, 16), г) стеклянная краски с поверхности несохранившегося предмета, 4) кольцевидные бусы из стекла бирюзового цвета (2 шт.) (рис.1, 20), 5) золотые бляшки: а) полусферические с петелькой из

круглой в сечении проволоки, припаянной к тыльной стороне бляшки (23шт.) (рис.1, 23), б) треугольники с подогнутым краем, по углам иглой проткнуты отверстия, поверхность бляшек гофрированная (22шт.) (рис.1, 22), в) ажурные треугольники с глубокой боковой выемкой, на лицевой стороне в обрамлении зерни расположено треугольное гнездо со стеклянной вставкой, из них: одна белая: остальные (4шт.) синие, к тыльной стороне каждой бляшки по углам припаяны петельки (рис.1, 24-26), г) гофрированные пронизи (11шт.) (рис.1, 21).

Курган 41. Высота 0.83 м, насыпь имеет овальную форму 28 x 17 м. В южной и западной полах зафиксированы остатки трины: найдены осколки не менее 10 светлоглиняных амфор типа В (рис.2, 1-8). В северо-западном секторе на древней дневной поверхности лежал череп лошади моложе пяти лет.

Погребение 1 (-3.73 м). Квадратная яма 3.1 x 3.1 м. ориентирована углами по сторонам света (рис.1, 27). Около неё был сложен материковый выкид, ближе к нему перекрытый тростником. Погребение ограблено. На дне могильной ямы был сооружен большой деревянный ящик. Пространство между стенками ямы и ящика засыпано материковым суглинком. Длина одной из стен ящика 2.4 м. В заполнении ямы обнаружены отдельные камни, кости скелета мужчины 30-40 лет. У юго-восточной стенки могилы, на краю деревянного перекрытия, под слоем тростника лежал железный наконечник дротика (рис.1, 28), насаженный на древко и ориентированный остриём к яме. Остальной инвентарь происходит из заполнения могильной ямы: 1) стеклянная краски с поверхности несохранившегося предмета, 2) костяные изделия: а) желобчатая пластина рукоятки лука, тыльная и частично края лицевой стороны пластины расчесана зубчатым шпателем (рис.2, 18), б) уголок пластиинки, по краю орнаментированной врезной линией, тыльная сторона расчесана зубчатым шпателем (рис.2, 16), в) три фрагмента четырехгранных канта (рис.2, 14), г) обломок пластиинки, украшенной врезными крестами, чередующимися с поперечными линиями, тыльная сторона предмета гладкая (рис.2, 15), д) аморфные обломки пластин с поперечными пазами разной ширины и длины, некоторые из них пробиты бронзовым или железным гвоздиком (рис.2, 17), 3) два кусочка золотой фольги, 4) круглая бусина из зерочки бледно-розового коралла, в ее протельном отверстии сохранился тлен нитки (рис.1, 29), 5) кольцевидная биссеринка из стекла бирюзового цвета, 6) фрагмент серо-зеленого отполированного каменного шарика сплющенного отверстием (рис.2, 9), 7) лоскутик красной краски с поверхности несохранившегося предмета, 8) фрагменты алебастрового сосуда, у которого, по-видимому, были фигурные

ручки, орнаментированные прочерченными линиями. Эти линии и окраинены голубой краской (рис. 2, 10), 9) два фрагмента бронзовой пластинчатой обоймы, скругленный конец пластинки имеет отверстие (рис. 2, 11), 10) железные изделия: а) кольцо диаметром 3.8 см (рис. 1, 30), б) фрагмент веялоподобной петли, концы лапок не сохранились. Она крепилась к деревянной планке (рис. 2, 12), в) обломки не менее двух гвоздиков с круглой шляпкой. Они были вбиты в широкую деревянную планку, г) две заклепки с овальной шляпкой, соединявшие кожаное покрытие с деревянным каркасом (рис. 2, 13), д) фрагмент большой проволочной петли, крепившейся к деревянной планке, покрытой снаружи слоем кожи, е) фрагмент толстого прута, овального в сечении, ж) кусочек железа с бронзовой пластинкой (?), и) обломок круглого в сечении прута, частично покрытого золотой фольгой. В яме найдены копьё лошади, метательные собаки и кости овцы: плечевая правой ноги и лучевая и берцовая левой ноги. Особь моложе 3.5 лет.

Курган 46. Высота 0.49 м, диаметр 24 м. К могиле примыкает большая овальная яма, заполненная камнями и черно-серым грунтом, слегка углубленная в материк. На древней дневной поверхности и в насыпи оказались фрагменты горла, ручки и стенок двух светлоглиняных амфор типа В (рис. 2, 19; 3, 4) и овечий астрагал.

Погребение 1 (-1.37 м). Подпрямоугольная яма, сужающаяся к дну, 2.60 x 1.65 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ (рис. 2, 20). Концы деревянного перекрытия заходили под материковый выкид, подковообразно охватывающий яму. В погребении обнаружены два разрушенных скелета: женщины 20-25 лет и ребенка не старше 1.5 лет, ориентированные в южном направлении. Ребенок лежал вдоль левой ноги погребенной. Скелет женщины покоялся на деревянном настиле, подкостяни ребенок отмечен черный тлен. Около правой ноги женщины находились кости двух конечностей овцы: лопаточные, плечевые, лучевые и локтевые. Особь старше двух лет. Рядом с ними лежал железный нож (рис. 2, 2). Кольцевидный бисер из гешира (45 шт.) и стекла бирюзового цвета (49 шт.) обнаружен в районе грудной клетки, но большая часть гешировского бисера оказалась у правого запястья. Остальной инвентарь найден в заполнении ямы: 1) алебастровый шаровидный сосуд с выделенным венчиком и пластинчатой вертикальной ручкой. В стенке туловища просверлено отверстие (рис. 3, 7), 2) фрагмент большого бронзового зеркала с валиком по краю, диаметр зеркала 14 см (рис. 3, 8), 3) крупинки румян, 4) кольцевидный бисер из гешира (3 шт.) и голубого стекла (28 шт.), 5) фрагмент железной иглы, по-видимому, от фибулы, 6) согнутая большая железная игла с ушком (рис. 3, 5), 7) узкая бронзовая ленточка

(рис. 2, 21), 8) лоскутки красной и черной краски с поверхности истлевшего ларца: по черному фону красными линиями нанесены растительные побеги и геометрический узор (рис. 3, 6), 9) керамика: а) стенки лепного черноглиняного сосуда, б) кружальная посуда: кувшинчик с высоким горлом и приземистым биконическим туловом, с длинной ручкой, основание горла окольцована двумя проложенными линиями (рис. 3, 9); стенки коричневоглиняного сосуда; фрагмент большого серелощенного сосуда, плечики украшены горизонтальной проложенной линией и зигзагом, процарапанным зубчатым штампом (рис. 3, 3); серелощечный кувшинчик с гофрированным горлом, приземистым туловом и длинной ручкой, основание горла опоясано линиями (рис. 2, 1).

Курган 48. Высота 0.37 м, диаметр 24 м. На поверхности насыпи обнаружены две стенки светлоглиняной амфоры и темно-серый кремневый отщеп.

Погребение 1 (-1.93 м). Широкая прямоугольная яма, сужающаяся к дну, 2.53 x 2.30 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ (рис. 3, 11). На древней дневной поверхности находился материковый выкид из этой ямы, подковообразно охватывающий ее. В могиле был захоронен мужчина 30-35 лет. Инвентарь: 1) фрагменты серелощеной кружальной миски, загнутый борттик украшен желобком, тесто без примеси (рис. 3, 14), 2) обломок борттика темно-серой кружальной миски с загнутым бортником, тесто с обильной примесью песка (рис. 3, 13), 3) стенки светлоглиняной амфоры, 4) лоскутки красной краски, 5) бронзовая петелька, согнутая из пластинки с приостренными концами, которые были проткнуты через деревянную планку, а затем разогнуты (рис. 3, 10), 6) обломки тонкостенного бронзового сосуда, на двух фрагментах есть окислы серебра, 7) железные изделия: а) втулка, по-видимому, наконечника стрелы (?), б) фрагмент рамки пряжки с подвижным язычком, в) обломок пластинчатого «брраслета» с приостренными концами (рис. 3, 12), обожженная трубчатая кость животного.

Курган 49. Высота 0.28 м, диаметр 20 м. В насыпи найдены две стенки светлоглиняной амфоры.

Погребение 1 (-1.85 м). Прямоугольная яма, сужающаяся к дну, 2.30 x 1.45 м, ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ (рис. 3, 16). В ее северо-восточном углу вырыта овальная ниша 1.25 x 0.45 м, не выделенная ступенькой, ориентированная по линии ССЗ-ЮЮВ. Найдены кости человека старше 20 лет. Один из позвонков покрыт окислами бронзы. Инвентарь: 1) железные изделия: а) фрагменты ножа, б) черешок наконечника стрелы, в) фрагменты пластинки, один из них с прямым концом и заклепкой (рис. 3, 15), 2) фрагменты краснолакового

кружального кувшина с приподнятыми плечиками и длинной слабо профицированной ручкой. Найден зуб быка.

Курган 53. Высота 0.43 м, диаметр 20 м.

Погребение 1 (-2.63 м). Широкая прямоугольная яма, сужающаяся к дну, 2.37 x 2.13 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Подковообразный выкид, расположенный на древней поверхности, окружал могильную яму. В ее заполнении найдены кости мужчины (?) старше 30 лет, кусок известняка, на дне - пятно коричневого тлена. Инвентарь: 1) лепная черно-серая с коричневыми пятнами коническая вазочка с высоким поддоном (рис.3, 20), 2) фрагменты светло-коричневой лепной баночной курильницы (рис.3, 17), 3) стенки и расколотая ручка светлоглиняной амфоры, 4) фрагменты серолощеного кружального сосуда с шаровидным гулом и кольцевым поддоне, плечики опоясаны двумя парами валиков, широкий воротничковый венчик загнут и окаймлен двумя валиками (рис.3, 18), 5) стенки светло-коричневого кружального сосуда, 6) железные изделия: а) обломок трехлопастной головки наконечника стрелы, б) фрагменты, вероятно, лапки пластинчатой петли, крепившейся при помощи бронзовой заклепки к венчику металлического сосуда, усики заклепки разогнуты. Очевидно, к этому сосуду относится обломок железного прута со скругленным концом - деталь дужки (?), в) фрагмент прута, одна из сторон которого украшена ленточкой золотой фольги (рис.3, 19).

Курган 61. Высота 0.18 м, диаметр 16 м.

Погребение 1 (-2.2 м). Широкая прямоугольная яма, сужающаяся ко дну (2.05 x 1.90 м), ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Найдены кости мужчины (?) старше 20 лет, кусочки мела, древесный уголь. Инвентарь: 1) кольцевидная пастовая бисеринка бирюзового цвета, 2) шаровидная черная бусина из плотного камня (?) (рис.3, 21), 3) бронзовые детали деревянного сосуда: а) скрепка из скрученной проволоки, ее концы завиты в спирали (рис.3, 22), б) узкая прямоугольная пластинка, в) обломок широкой прямоугольной пластинки с гвоздиком, 4) цилиндрическое горло серолощеного кружального сосуда, 5) серолощеная кружальная миска с загнутым бортиком и широким воротничковым венчиком (рис.3, 23). Найдены позвонок крупной рыбы, тазовая и берцовая кости левой конечности овцы.

Курган 62. Высота 0.25 м, диаметр 16 м. Насыпь отсутствует. В слое почвы зафиксирована россыпь керамики: 1) светлоглиняные амфорные черепки, в их числе две ручки: одна двухствольная (рис.3, 24), другая широкая и профицированная типа А (рис.3, 25), 2) фрагменты венчика и корня ручки красно-коричневой амфоры, 3) обломки столовой

кружальной посуды: а) днище с поддоном серолощеного сосуда, диаметр дна 11.5 см, б) фрагмент дна второго серолощеного сосуда, дно имеет поддон, в) фрагмент дна с поддоном коричневого сосуда, диаметр дна 11 см, 4) фрагмент черно-серого глиняного лепного сосуда.

Могилы не было.

Курган 64 описан в статье М.В.Власкина [4, с.64, 65, рис.1].

Курган 66. Высота 0.15 м, диаметр 16 м.

Погребение 1 (-1.95 м). Могильная яма в верхней части имеет овальную форму 3.20 x 2.65 м, (ориентирована по линии В-З), по дну - четырехугольную 2.35 x 2.20 м, (ориентирована стенками по сторонам света). На древней дневной поверхности вокруг ямы лежал материковый выкид. В заполнении ее найдены кости взрослого человека, прослойки гари. Инвентарь: 1) фрагмент янтарной кольцевидной бусины (рис.3, 29), 2) крупинки румян, 3) лоскутки красной краски, 4) фрагменты бронзовой пластинки (?), 5) бронзовая скрепка из круглой в сечении проволоки (рис.3, 28) - деталь деревянного сосуда, 6) полусферическая бляшка из золотой фольги, по краю иглой проткнуты два отверстия (рис.3, 27), 7) два железных сегментовидных пластинчатых «браслета» с приостренными концами (рис.3, 26), 8) фрагмент лепного коричневоглиняного сосуда, 9) стенки светлоглиняной амфоры, 10) фрагменты столовой кружальной посуды: а) красноглиняная стенка, б) венчик тонкостенного серолощеного сосуда, в) горло серолощеного сосуда с выступающим сливом, обозначенным двумя валиками. Найдены тазовая кость и астрагал левой конечности овцы.

Курган 67. Высота 0.47 м, диаметр 20 м. На поверхности насыпи обнаружен фрагмент двухствольной ручки светлоглиняной амфоры.

Погребение 1 (-1.9 м). Широкая прямоугольная яма 2.20 x 1.97 м ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. В заполнении найдены остатки дерева, древесные угли. На дне зафиксирован белесый тлен. В могиле была захоронена женщина (?) 30-35 лет. Инвентарь: 1) стенки светлоглиняной амфоры, 2) столовая кружальная посуда: а) обломки светлокоричневого сосуда, покрытого коричневым лаком, туловище на кольцевом поддоне, ручка в сечении овальная, б) фрагменты черно-серолощеного сосуда, в тесте примесь песка и слюды. Найден зуб овцы.

Описанный могильник расположен на расстоянии видимости от крепостных стен Танаиса. Он относится к I-II вв.н.э., к периоду подъема и расцвета Танаиса, [5, с.226]. Курганы, возведившиеся в первые века нашей эры около Кобяковского и других нижнедонских городищ, предложено оценивать как следствие приоритета сарматских кочевников над оседлым населением этих городищ, как отражение

процесса седентаризации сарматов в низовьях Дона [6, с.173, 174].

Курганы Царского могильника подразделяются на три группы: 1) курган-кладбище (№ 33), 2) курганы, в которых под индивидуальной насыпью находится захоронение в широкой прямоугольной (№№ 46, 49) и в квадратной или подквадратной ямах (№№ 34, 38, 41, 53, 61, 64, 66, 67), 3) курган-площадка с дстатками тризы (№ 62).

Курганы-кладбища характерны для раннесарматской культуры. В междуречье Сала и Маныча выявлена серия курганных могильников, которые по традиционной хронологии датируются I в. до н.э. - I в.н. э. По погребальному обряду, это типичные памятники раннесарматской культуры: в центре кургана расположена прямоугольная могильная яма, иногда с заплечиками, а оконеे - одно или несколько захоронений, чалцев подбоях [7]. В Царском могильнике в кургане 33 найдена железная фибула (рис.1, 4). Аналогичная фибула, но из бронзы, обнаружена в танаисском некрополе [8, с.251, табл.П, 6-11]. Они относятся к первому варианту лучковых подвязных фибул и датируются I в.н.э., возможно, его первой половиной [8, с.251; 9, с.48, 49; табл. 9, 1-3]. Остальной инвентарь из кургана 33 не противоречит этой дате.

В первые века нашей эры в южнорусских степях распространяется среднесарматская культура, появляются курганы с индивидуальными насыпями, умерших обычно хоронят в широких прямоугольных и квадратных ямах [10, с.184-186; 11, с.178, 179].

Носителями среднесарматской культуры были оставлены курганы, которые в Царском могильнике выделены во вторую группу. Судя по инвентарю, и в частности, по светлоглиняным амфорам типа В [12, с. 111; 13, с.18], они относятся к I в. - середине II в.н.э. Подобные захоронения неизвестны в грунтовом некрополе Танаиса [14; 15].

В кочевнических курганах среднесарматского времени широкая прямоугольная могила иногда сопровождается «боковыми погребениями», а захоронения в квадратных и подквадратных могилах не имеют такого «сопровождения». Появление курганных захоронений в квадратных могилах в степях Подонья связано с притоком в этот регион нового кочевого населения с Востока [8, с.214-218, 223; 16, с.117]. В кочевнических курганах Подонья в квадратных и в широких прямоугольных могилах, на дне, несколько отступив от стен, нередко сооружали деревянный ящик такой же формы, как и сама яма. Многие курганы этого типа разграблены. Детали погребальных конструкций не всегда прослеживаются. В то же время есть захоронения, в которых не было следов деревянного ящика. Также неизвестно, чтобы деревянный ящик заменился каменным. Умерших хоронили по диагонали оси ямы

или параллельно ее стенкам. В богатом женском погребении Кобяковского могильника в кургане 10 центральная часть ящика была заставлена сундуками, культовой посудой, различными вещами, а погребенная, одетая в роскошный наряд, покоялась в западной половине могилы, ближе к стенке [17, рис.2].

Исследователи обратили внимание на то, что по ряду признаков погребальный обряд среднесарматской культуры находит аналогии в больших алтайских курганах [16, с.117].

В.Д.Кубарев в горах Алтая раскопал несколько курганных могильников скифо-сарматского времени. Он пришел к выводу, что подкурганные срубы этого периода представляют собой «подобие жилищ». В срубе вдоль одной из стен сооружалось ложевидное возвышение, на которое укладывали покойника. Детей хоронили в колодах, которые ставились на дно сруба [18, с.28-31]. Изображения сарматских жилищ пока неизвестны. Поэтому трудно определить, каким оно было и как изменялось в течение нескольких веков существования сарматской культурно-исторической общности. Возможно, деревянный ящик, который находился на дне среднесарматской могилы, был неким символическим жилищем мертвых, имитировал передвижное четырехугольное жилище кочевника. Оно должно было состоять из деревянного каркаса, который несложно было установить и разобрать. Не исключено, что для этих целей могли использоваться на каком-то этапе развития подобных конструкций борта деревянных повозок в качестве стен или их основания. Эти стены должны были крепиться к длинным угловым брусьям. Такой каркас обтягивался войлоком или кожей. Очевидно, в среде кочевых народов Евразии был сделан первый шаг в изобретении каркасного передвижного жилища, затем оформленного в классическую юрту.

Изобретение юрты С.И.Вайнштейн относит к середине I тысячелетия и связывает с древнетюркской средой. Изготовлением юрты занимались особые мастера-ремесленники. У тувинцев и алтайцев богатыескотоводы жили в юртах, а многие бедняки довольствовались чумами [19, с.46, 47].

В Керчинайд-на глиняная модель кибитки II в.н.э. Ее прямоугольный кузов имеет пирамидальную надстройку, которая возвышается надним или частично перекрывает кузов [18, с.44, рис.1, б; 20, с.11, 12]. В склепе Анфестерия (I в. до н.э. - I в.н.э.) есть изображение пирамидального жилища кочевника [19, с.43, 44; 20, с.14, рис.2, 1]. С.И.Вайнштейн считает, что ни глиняная игрушка из Керчи, ни рисунок в склепе Анфестерия не являются изображениями юрты, поскольку в основе их тежит каркас из жердей, а не складной решетчатый остов. Стены

юрты обязательно возводились из решеток [19, с.48, 49].

В раннесарматский период кочевники, «живущие на повозках» - гамаксобии, иногда своих умерших хоронили в кузове повозки (в гробу) или на решетчатой платформе, которая являлась дном настоящей или специально сделанной повозки [7, с.183, 184].

Под Новочеркасском в Соколовском могильнике в кургане 4 около квадратной могилы конца I в.н.э. найдены остатки деревянной повозки - двухколесами. Она была разобрана. «Возможно, из кузова повозки было сооружено перекрытие могильной ямы» [21, с.24]. По мнению Ф.В.Балонова, «яма и ее перекрытие из деталей гужа реальной повозки ... понимались как единый кузов повозки, отправляющейся в загробный мир. В кузове-яме находился возница - погребенный в кургане человек» [21, с.25].

Во II в.н.э. в Нижнем Подонье в некоторых случаях в центре кургана сооружалась квадратная ритуальная яма, не предназначавшаяся для останков умершего, а в стороне от нее выкапывалась еще одна яма, но уже другой формы: простой прямоугольной и / или подбокойного типа. Именно в этой, расположенной в стороне от центра, яме и находился скелет человека [22]. По-видимому, квадратная ритуальная яма могла имитироваться округло-квадратной площадкой. В позднесарматских курганах есть такие площадки, выложенные из камней, в стороне от могилы или над ней поверх насыпи [23, рис.1; 2]. Не исключено, что подобные ритуальные сооружения более крупных размеров, чем могильная яма изображались контурно в видервов или каменных оград.

В позднесарматское время на территории курганных могильников квадратная или подквадратная, прямоугольная или круглая площадка, окруженная рвом, предназначалась для отправления погребальных и поминальных обрядов. Нередко в ее пределах погребения отсутствуют [24, с.13-17; 25]. В Московском I могильнике (курган 14) за пределами квадратной площадки, огороженной рвом, против перемычек во рву, было совершено захоронение ребенка с золотой гривной [26].

В Царском могильнике ритуальная площадка обнаружена в кургане 62: в слое почвы зафиксирована россыпь битой амфорной и столовой посуды. Фрагменты светлоглиняных амфор - двуствольной типа С-1б, [27, с.202, рис.3, 2] и узкогорлой типа А [13, с.17, 18] - датируют эту площадку I в.н.э. - началом II в.н.э. Традиция сооружения поминальных площадок, обычно маркированных фрагментами керамики, костями животных и значительно реже другими вещами, в первые века нашей эры получает особое развитие [28]. В окрест Тананса на территории курганныго могильника прослежены «многочисленные остатки тризин

виде скоплений керамики и развалов камней» [29, с.79].

После разрушения в конце I в. до н.э. Тананс отстраивается и в начале II в.н.э. «превращается в хорошо укрепленную почти подквадратной формы крепость со сторонами 225 x 240 м» [30, с.3, 4]. Четырехугольник крепости, опоясанной рвом, ориентирован оборонительными стенами по сторонам света, с очень малым отклонением. Большинство помещений в городе II-III вв.н.э. также ориентировано по сторонам света [30, с.6], многие из них квадратной или полуквадратной формы, либо в плане имеют вид широкого прямоугольника. Каковы истоки этой традиции? Может, это навеяно культурой сарматских кочевников, в тесном кольце которых находился город?

Мир евразийских кочевников - скифов, хазар - изображался в виде четырехугольника («квадрата»). Об этом свидетельствуют письменные источники [31, с.141, 339-341; 32, с.103]. В хазарскоевремя четырехугольное (квадратное) пространство моделировалось во время погребально-поминальных обрядов. Площадка, предназначенная для этих целей, огораживалась рвом, который являлся своеобразным фундаментом Мира кочевника. В фундамент (ров) закладывались жертвоприношения. Погребение совершалось в центре этой площадки в яме чной формы, нежели сама площадка. Во время поминальных обрядов вновь сооружалась аналогичная модель Мира, но уменьшенных размеров. В хазарское время жилища, крепости, замки обычно были четырехугольными, близкими к квадратным [33, с.151, 152]. По сообщению Константина Багрянородного, для строительства Саркела, в Хазарии был приглашен инженер Петрона Каматира, брат жены византийского императора. Археологические раскопки, проведенные в Саркеле, позволяют утверждать, что крепость была возведена не в византийском стиле, а в варварских традициях, ей была придана форма четырехугольника размером 193.5 x 133.5 м [34, с.302; 35, с.67].

Структурное «сходство» хазарских и сарматских курганов первых веков нашей эры позволяет предположить, что сарматские кочевники нашей эры, также, как кочевники хазарского каганата, во время погребально-поминальных обрядов сооружали Жилища мертвых, восходящие к реальному типу, распространенному в быту. Это Жилище являлось моделью Мира, в центр которого переносилось тело усопшего. Отказ от раннесарматской идеи кургана-кладбища и переход в сарматское время к индивидуальным курганам не имеет однозначного объяснения [36, с. 128].

Рис. 1. Могильник "Царский": 1 - план могильника; 2 - к. 33 п. 1,2,3; 3-7 - к. 33 п. 2; 8 - к. 33 п. 3; 9-13 - к. 34 п. 1; 14-16; 18-26 - к. 38 п. 1; 17 - К7 38 насыпь; 27-30 - к. 41 п. 1.

210

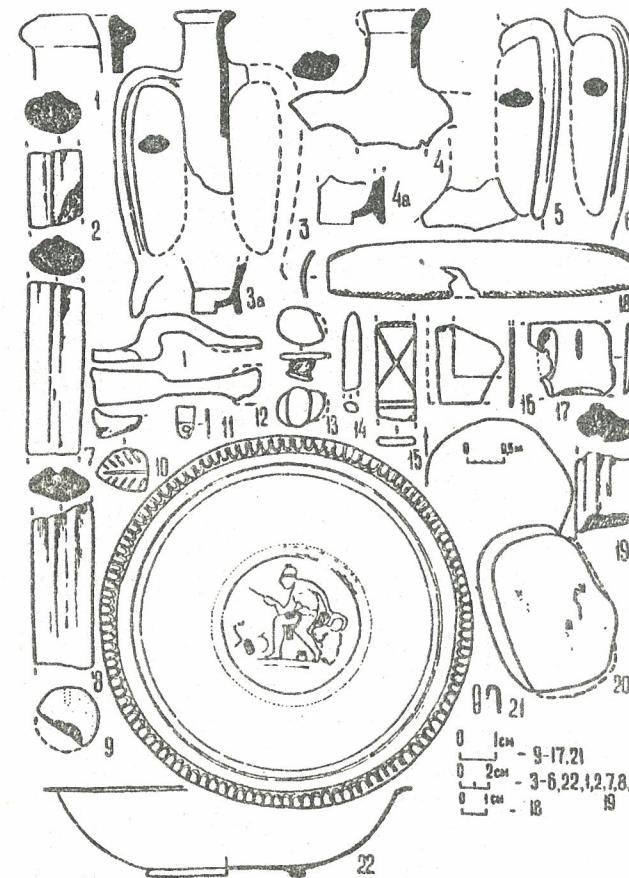

Рис. 2. Могильник "Царский": 1-8 - к. 41 тризна; 9-18 - к. 41 п. 1; 19 - к. 46 насыпь; 20 - к. 46 п. 1, яма; 21 - к. 46 п. 1; 22 - к. 38 п. 1.

211

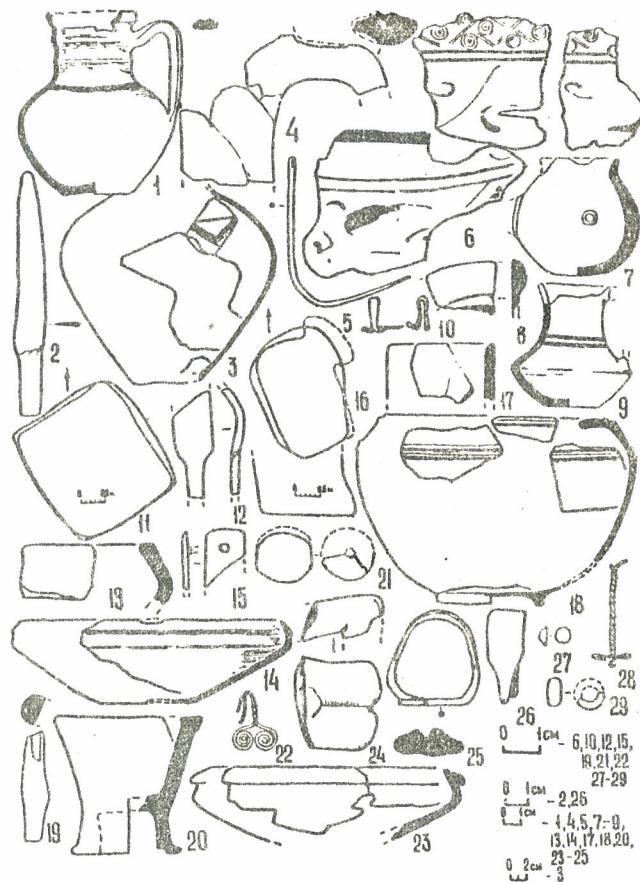

Рис. 3. Могильник "Царский": 1-3, 5-9 - к. 46 п. 1; 4- к. 46 насыпь; 10-14 - к. 48 п. 1; 15,16 - к. 49 п. 1; 17-20 - к. 53 п. 1; 21-23 - к. 61 п. 1; 24,25 - к. 62; 26-29 - к. 66 п. 1.

1. Балабуша В.И., Науменко С.А. Разведки на территории Ростовской оросительной системы //АО - 1977. М. 1978.
2. Ильюков Л.С. Отчет об исследовании курганного могильника «Царский» в Мясниковском районе Ростовской области в 1987 году // Архив ИА РАН. Р-1 № 11889
3. Ильюков Л.С. Отчет об исследовании курганного могильника «Царский» в Мясниковском районе Ростовской области в 1988 году // Архив ИА РАН. Р-1 № 12890, 12891.
4. Власкин М.В. Уздечный набор с тамгообразными письмами из могильника «Царского» //Историко-археологические исследования г. Азова на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 1990.
5. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III-I вв. до н.э. М. 1970.
6. Гутуев В.К., Безуглов С.И. Всадническое погребение первых веков нашей эры из курганного некрополя Кобякова городища на Дону //СА, 1990, № 2.
7. Ильюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы между Днепром и Доном. Ростов н/Д, 1992.
8. Амброд А.К. Фибулы из раскопок Танаиса //Археология Юга России. Подонье-Приазовье. М., 1969.
9. Амброд А.К. Фибулы юга европейской части СССР //САИ Д1-30. М., 1966.
10. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990.
11. Моцкова М.Г. Среднесарматская культура //Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
12. Деопик Д.В., Круг О.Ю. Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками //СА, 1972, № 3.
13. Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология //КСИА АН СССР, 1978. Вып.156.
14. Шелов Д.Б. Некрополь Танаиса. МИА 1961, № 98.
15. Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. М., 1977.
16. Раев Б.А. Аланы в европейских степях: Восток - Запад //Скифия и Боспор. Археологический и материальный конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989.
17. Прохорова Т.А., Гугуев В.К. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника //СА, 1992, № 1.
18. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.
19. Вайнштейн С.И. Проблема истории жилища степных кочевников Евразии //СЭ, 1976, № 4.

20. Нечаева Л.Г. О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке (I тыс. до н.э. - II тыс. н.э.) //Древние жилища народов Восточной Европы. М. 1975.
21. Каталог археологических коллекций (Соколовский курганный могильник). Новочеркасск, 1985.
22. Ильюков Л.С. Отчет об исследовании археологических памятников в Мартыновском районе Ростовской области в 1981 году //Архив ИА РАН, р-1 № 8867.
23. Шепко Л.Г. Позднесарматские курганы в Северном Приазовье //СА, 1987, № 4.
24. Безуглов С.И., Захаров А.В. Могильник Журавка и финал позднесарматской культуры в Правобережном Подонье //Известия РОМК, 1988, вып.5.
25. Симоненко А.В. Сарматские погребения с оружием как исторический источник //Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. - V в.н.э. Киев, 1991.
26. Ильюков Л.С. Отчет об исследовании курганных могильников на левобережье реки Сал в Мартыновском районе Ростовской области в 1984 году //Архив ИА РАН, р-1 № 11857.
27. Внуков С.Ю. Широкогорные светлоглиняные амфоры Северо-Западного Крыма //СА, 1983, № 3.
28. Беспалый Е.И., Головкова Н.Н., Ларенок П.А. Поминальные памятники IV в. до н.э. - III в.н.э. Доно-Кагальницкого водораздела //СА, 1989, № 3.
29. Чальй В.В. Трины западного участка курганныго могильника Танаиса //Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на/Д, 1983.
30. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Усадьбы Танаиса. М., 1992.
31. Доватур А.И., Калистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
32. Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка X в. Л., 1932.
33. Власкин М.В., Ильюков Л.С. Раннесредневековые курганы с ровиками в междууречье Сала и Маныча //СА, 1990, № 1.
34. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
35. Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура //Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
36. Гутуев В.К. Кобяковский курган (к вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в.н.э. - II в.н.э.) //ВДИ, 1992, № 4.

Список сокращений

АГСП	- Античные города Северного Причерноморья
АМА	- Античный мир и археология, Саратов.
АПНП	- Археологические памятники Нижнего Подонья
АО	- Археологические открытия
ВДИ	- Вестник древней истории
ГМИИ	- Государственный музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина.
ЗОАО	- Записки Одесского археологического общества
ИА	- Институт археологии
ИАК	- Известия археологической комиссии. СПБ.
КСИА	- Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК	- Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР
НЭ	- Нумизматика и эпиграфика
ОАК	- Отчет Археологической комиссии. СПБ.
РАН	- Российская Академия наук
РОМК	- Ростовский областной музей краеведения
СА	- Советская археология
САИ	- Свод археологических источников
СКНЦВШ	- Северо-Кавказский научный центр высшей школы Ростов-на-Дону
СЭ	- Советская этнография
ВСН	- Bulletin de correspondence hellenique
JAOS	- Journal of the American Oriental Society
IOSPE	- Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ПАМЯТИ Д.Б.ШЕЛОВА	3
От редактора	8
Шелов Д.Б. Новая коллекция эллинистических керамических клейм из Танаиса	10
Шелов Д.Б. Новые монетные находки в Танаисе (1981 - 1990 гг.)	44
Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Комплекс находок из подвала МБ II-III вв.н.э.	61
Гугаев Ю.К. Центрально-кавказская керамика в Танаисе во II-первой половине III в.н.э. (к постановке проблемы)	114
Демиденко Л.А. Костяные изделия первых веков нашей эры из Танаиса	140
Ильиненко С.М., Толочко И.В. Детское погребение из раскопок грунтового некрополя Танаиса	176
Грейстер М.Ю. Провинциально-римское зеркало из некрополя Танаиса	188
Житников В.Г. Боспорские колонии в низовьях Дона в первой трети III в. до н.э.	190
Ильюков Л.С. Сарматские курганы окрестностей Танаиса (могильник «Царский»)	198
Список сокращений	215

Anmerkung

In der ersten Nummer des "Vestnik Tanaisa" sind Veroeffentlichungen mehrerer Kategorien archäologischen Materials und von Ausgrabungskomplexen der Stadt Tanais und seiner Nekropole sowie Aufsätze enthalten, die mit der Erforschung der archäologischen Denkmäler seiner Umgebung und des Dondeltas zusammenhängen. Unten wird ihr Inhalt kurz angegeben.

D.B.Shelov, Eine neue Kollektion keramischer Stempel aus Tanais
Publiziert werden 269 keramische Stempel des 3.-1. Jh.v.Chr. aus den Ausgrabungen in Tanais 1971 - 1991. Ihre Veröffentlichung ist ein Nachtrag zum Katalog der keramischen Stempel der hellenistischen Zeit aus Tanais, der 1975 erschienen ist (D.B.Shelov, Die keramischen Stempel der 3.-1. Jh.v.u.Z. aus Tanais, Moskva, Nauka 1975)

D.B.Shelov, Neue Münzfunde aus Tanais (1981 - 1990)
Publiziert werden 240 Munzen aus den Ausgrabungen in Tanais 1981 - 1990. Der Aufsatz ist eine Fortsetzung der Beitragsserie des Autors aus den vorausgehenden Jahren, in denen die numismatischen Materialien von 1973 - 1980 veröffentlicht wurden. In der Beilage wird die Liste der Münzen gegeben.

T.M.Arsen'eva und S.A.Naumenko, Der Fundkomplex aus dem Kellerraum MB (2.-3. Jh. n. Chr.)
Veröffentlicht werden die Materialien aus dem Raum und Keller MB, die zu einer Hausanlage im Zentrum von Tanais (Ausgr.ung XIV) gehören. Der Komplex datiert auf den Moment des Untergangs der Stadt in der Mitte des 3. Jh. Ein Großteil der Funde, darunter einige neue Amphorentypen, wird auf Tafeln wiedergegeben.

J.K.Guguev, Zentralkaukasische Keramik in Tanais im 2. Jh. - I. Hälfte des 3. Jh. (zur Problemstellung)
Publiziert wird eine Gruppe grautoniger Scheibenkeramik (49 Stücke) aus Wohnkomplexen aus der Mitte des 3. Jhs. und aus einzelnen Komplexen

des 2. Jhs. n. Chr. Aufgrund der Analyse der technologischen Besonderkeiten besagter Gruppe gliedert der Autor 2 Untergruppen heraus, die sich voneinander stark unterscheiden. Die erste verbindet er mit den Mäotern, die ihre Fertigungstechnologie und traditionellen Formen des eingeglättenen Geschirrs aus dem Kubangebiet zum unteren Don mitgebracht hatten, die zweite mit der frühhalanischen keramischen Tradition der Raume des zentralen Kaukasusvorlandes. Im 2. Jh. - 1. Hälfte des 3. Jhs. n. Chr. überwiegt die zweite Untergruppe. Es werden mehrere Hypotesen vorgelegt, die dieses "zentralkaukasische keramische Phänomen" in Tanais erklären.

L.A. Demidenko, Knochenerzeugnisse aus Tanais aus den ersten Jahrhunderten n. Chr.

Publiziert werden Knochenerzeugnisse aus Komplexen des 2. Jh. - 1. Hälfte des 3. Jhs. und vom Ende des 4. Jh. - 1. Hälfte des 5. Jhs. Es ist ein erster Versuch, sie aufgrund ihrer funktionellen Bestimmung zu klassifizieren. Die Beilage enthält 21 Tafeln.

S.M. Il' jashenko, I.V. Tolochko, Ein Kindergrab aus der Bodengrabnekropole von Tanais

Veröffentlicht werden die Materialien des Grabes 33 aus der Mitte des 3. Jhs. n. Chr. im Gebiet des Westabschnitts der Bodengrabnekropole von Tanais. Besondere Aufmerksamkeit gilt der Beschreibung und Analyse einer Terrakottastatuette der Großen Göttin Aphrodite Urania, der Dipinto-Aufchrift. Die Autoren nehmen an, daß die Statuette wie der Krug "in Ton realisierte Opfergaben für die beiden Höchsten Gottheiten sind": für den synkretistischen Höchsten Gott und für die Große Muttergöttin (Aphrodite Apaturia).

M. J. Trejster, Ein provinzialrömischer Spiegel der Nekropole von Tanais

In einer Notiz wird die Interpretation eines Spiegels gegeben, der in einem Grab im SO-Teil der Bodengrabnekropole von Tanais gefunden wurde. Der Autor rechnet ihn zu den relativ seltenen Varianten der provinzialrömischen Spiegel, die in Werkstätten am Rhein und NO-Gallien von Ende des 2. Jhs. bis in die letzten Jahrzehnte des 3. Jhs. hergestellt und bis ins 6. - 7. Jh. benutzt werden.

V.G. Zitnikov, Bosporische Kolonien in den Niederungen des Don im 1. Drittel des 3. Jhs. v. Chr.

Der Autor behandelt die Ursachen und Bedingungen für die Anlage zweiter neuer Kolonien an der Dommündung durch die bosporanischen Griechen am Anfang - 1. Viertel des 3. Jhs. v. Chr. - des Emporions an der Stelle der Siedlung Elisavetovka und der Stadt Tanais-, den Charakter ihrer Koexistenz und ihre Rolle im Wirtschaftsleben der Bevölkerung des unteren Dongebiets. Es wird festgestellt, daß die Entsendung neuer Kolonien in einer Periode tiefgreifender Veränderungen der demographischen Situation in der Region von den ökonomischen Interessen des Bosporus und der Nomaden in den Steppen des unteren Don bedingt war. Gestützt auf die Besonderheiten der Handelsbeziehungen der beiden Kolonien, nimmt der Autor an, daß das Emporion an der Stelle der Siedlung Elizavetovka von Kolonisten aus dem europäischen Teil des Bosporus, Tanais dagegen von einer Kolonistengruppe aus dem asiatischen Bosporus, möglicherweise aus Phanagoria, gegründet wurde. Die Zeit des Untergangs des Emporions von Elizavetovka wird wahrscheinlich durch den Einfall sarmatischer Stämme in die Steppen des nordlichen Schwarzmeergebiets bestimmt.

Z. S. Il' jukov, Sarmatische Kurgane in der Umgebung von Tanais (die "Königs" - Nekropole)

Publiziert werden die Materialien von 13 ausgegrabenen Kurganen der ausgedehnten "Königs" - Nekropole nordlich von Tanais. Die Kurgane wurden von Sarmaten im 1. - 3. Jh. errichtet. Der Autor teilte sie in 3 Gruppen: Hügelgräber (frühe Sarmaten), individuelle Aufschüttungen mit Bestattungen in quadratischen Gruben (mittlere Sarmaten) und mit Totenmahlplätzen. Er vermutet, daß die nomadischen Sarmaten "während der Bestattungs- und Gedächtnisrituale Totenhäuser errichteten, die dem realen, im Leben verbreiteten Haustyp ähnelten", was auch für die späteren chazarischen Bestattungstraditionen charakteristisch ist.

Вестник Танаиса, выпуск 1, 1993, 216 с.

ISBN 5 - 87442 - 022 - 3

Сдано в набор 10.02.94. Подписано в печать 17.02.94.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. п. л. 12,5. Уч.- изд. л. 13,02.
Тираж 1000 экз. Заказ № 55.

Издательство "Гефест", 344103, а\я 4342.

ЛР № 050022 от 09.1991 г.

Отпечатано в типографии ДГПБ.
344049, г.Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская 175А.